ПЕРЕПИСКА
В. В. ВЕРЕЩАГИНА
и
П. М. ТРЕТЬЯКОВА

• ИСКУССТВО •

ПЕРЕПИСКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА И П. М. ТРЕТЬЯКОВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЛЕРЕЯ

ПЕРЕПИСКА
В. В. ВЕРЕЩАГИНА
И
П. М. ТРЕТЬЯКОВА

1874 - 1898

ПИСЬМА ПОДГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ
И ПРИМЕЧАНИЯ К НИМ СОСТАВЛЕНЫ
Н. Г. ГАЛКИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ИСКУССТВО"
МОСКВА
1 9 6 3

75 с1
В—31

Печатается по решению
Государственной Третьяковской галлереи
Директор П. И. ЛЕБЕДЕВ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Публикуемые в настоящем издании письма В. В. Верещагина и П. М. Третьякова хранятся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галлереи. Все письма В. В. Верещагина публикуются по подлинникам. Письма П. М. Третьякова в некоторой части публикуются по сохранившимся в фонде П. М. Третьякова черновикам и копиям. Отсутствие некоторых подлинников писем П. М. Третьякова объясняется частыми разъездами В. В. Верещагина, во время которых они могли затеряться. Сохранившиеся подлинники писем П. М. Третьякова были переданы в 1903 году В. В. Верещагиным члену Совета Третьяковской галлереи И. С. Остроухову.

Общее количество публикуемых писем — 149, они охватывают период 1874—1898 годов.

В целях единообразия датировки писем во всех случаях перенесены в правый угол письма. Восстановленные в случае их отсутствия в оригинале даты заключены в квадратные скобки. Письма печатаются по новой орфографии, но с сохранением особенностей написания. Недописанные части слов в тех случаях, когда это вносит неясность, дописаны и заключены в квадратные скобки, так же как в редких случаях пропущенные слова.

ВЕРЕЩАГИН И ТРЕТЬЯКОВ

Творческий путь В. В. Верещагина представляет особый интерес для истории художественной жизни России второй половины XIX века. На первый взгляд он кажется простым и ясным, но по мере углубления в события того времени и воссоздания отношений, связывавших художника с его современниками, картина становится несравненно более сложной. Эти вопросы подробно освещаются в переписке В. В. Верещагина и П. М. Третьякова. В ней необыкновенно рельефно рисуется образ Верещагина, волевого и целеустремленного человека. Эти качества в основном определили своеобразие его художественной деятельности и его поступков.

По своему воспитанию Верещагин принадлежал к дворянской военной среде. Режим кадетских корпусов выработал в нем крайний индивидуализм и привычку полагаться на самого себя, свою волю и свои способности. Он, не колеблясь, отказался от военной карьеры, решив посвятить себя художественной деятельности. Разочарованный в далеком от жизни академическом преподавании, Верещагин взял отпуск в Академии художеств и уехал на Кавказ учиться рисунку не на моделях, натренированных в позировании, но на типах местного населения, живущего в своеобразных бытовых условиях.

Еще до поступления в мастерскую Жерома Верещагин начал вырабатывать свою манеру рисунка, точного, подчас жесткого, но по-своему виртуозного в лучших своих образцах.

Не стремление к экзотике влекло художника к малоизученным народностям, но чисто научный интерес. Следует отметить, что Верещагин стоял на уровне этнографических и археологических знаний своего времени, о чем свидетельствуют его зарисовки в Средней Азии и пояснительные тексты к издававшимся художником каталогам.

Научные интересы Верещагина обусловили четкость художественной манеры, позволявшей воспроизводить со всей точностью исторические памятники, предметы быта и своеобразие этнических типов. Результатом явилась свойственная художнику привычка никогда не заканчивать на натуре даже карандашный этюд, но тщательно обрабатывать его дома. Небольшие этюды масляными красками исполнялись с натуры лишь тогда, когда в пейзаж не вписывалась архитектура. В противном случае все ее детали, включая орнамент, прорисовывались по линейке с точностью чертежа[1]. Только после этого художник набрасывал на рисунок красочный покров, следуя тому впечатлению, которое получал, наблюдая природу. Он верно передавал мягкую золотистую гамму Туркестана и цветовые контрасты Индии. Верещагин наблюдал в натуре и стремился воспроизвести силу света, цветные тени — словом, применить те общепринятые приемы живописи в пленэре, которые во второй половине XIX века стали достоянием не только передовых художников, но и западноевропейских академий. Однако подлинным мастером пленэра художник не был. Этому мешало недостаточно углубленное изучение природы и стремление использовать колористическую гамму в целях декоративных.

Верещагин в итоге своей работы воспроизводил не тот образ, который видел в натуре, но давал некий синтез зрительного впечатления с результатом изучения предмета с помощью научных методов. Однако этот художественный принцип не был доведен Верещагиным до своего логического конца. Прекрасно передавая этнический тип, он редко стремился к глубокому изучению человека. Изображая его, он всегда довольствовался общим впечатлением. Это не было случайностью. Логическое начало всегда превалировало в композиционных конструкциях художника над чисто чувственным восприятием натуры. Об этом ярко свидетельствуют карандашные эскизы к его картинам. Поэтому в ходе его работы не было места случайности. Он знал, чтó хотел сказать и как мог это выразить.

Верещагин сознательно отбросил наиболее трудную для живописи задачу: передачу психологии человека. Не надо думать, что он был к этому не способен. Одна из самых ранних его картин — «Опиумоеды» (Государственный музей искусств Узбекской ССР в Ташкенте) — свидетельствует о противном. Но задача, которую ставил перед собой художник, вела его не к изучению психологии человека, но к отражению

[1] Об этом свидетельствуют незаконченные работы художника.

жизни азиатских народов и к созданию летописи войны в ее жестокой правде. В начале своей деятельности Верещагин выступил в роли просветителя, бичуя изуверство в своем большом рисунке «Религиозная процессия на празднике Мохаррем в Шуше» (1866, ГТГ), дикость нравов застойной культуры Туркестана в картинах «Представляют трофеи» (1871—1872, ГТГ), «Самаркандский зиндан» (1873, Самаркандский музей), «Продажа ребенка-невольника» (1871—1872, ГТГ) и т. д.; после поездки в Индию он поставил себе целью отобразить в ряде картин пагубные последствия империалистического захвата англичанами Индии. Участие в турецкой кампании дало художнику возможность показать современную ему войну с применением огнестрельного оружия как массовую бойню.

Сама широта поставленных задач отрицала психологически углубленную трактовку темы. Она обусловила серийность написанных художником картин. Когда зритель переходил от одной картины к другой, где на фоне характерной природы были изображены массовые сцены, его эмоциональная реакция все нарастала и он уходил с выставки глубоко потрясенный. Недаром В. В. Стасов приветствовал художника как мастера изображения хоров. Верещагин прекрасно понимал характер воздействия своих картин на зрителя. Экспонируя свои произведения на темы русско-турецкой войны, он впервые воспользовался музыкальным сопровождением. Верещагин ценил единство настроения, создаваемое экспозицией близких по сюжету картин. Он не признавал больших выставок с их разнородным материалом, где каждый художник бывает представлен двумя-тремя произведениями. Устраивая большие персональные выставки, он вышел из этого испытания победителем, завоевав симпатии зрителя, и приобрел всемирную славу. Следует ли после этого удивляться, что художник, абсолютно убежденный в том, что он хотел сказать зрителю, чрезвычайно важно, ставил свою творческую деятельность, расценивал ее. Он всецело подчинял ей собственную жизнь и ей же, в его представлении, должны были служить все те, кто входил с ним в соприкосновение.

Если не учитывать этой основной черты психологии Верещагина, трудно понять его взаимоотношения с современниками, в особенности с людьми, ему близкими.

В 1882 году Верещагин писал П. М. Третьякову по поводу выставки серии картин на темы русско-турецкой войны и индийской серии: «В Германии почти вовсе не ругались,

только одна газета сказала, что я гениален, но не гений,— и то не худо»[1].

Эта уверенность художника в значительности своего творчества при действительно новом его содержании, его познавательной ценности и обилии выпускаемых из мастерской произведений воздействовала и на самого искушенного зрителя.

Только поняв это особое положение Верещагина в кругу русских живописцев, можно объяснить неистощимое терпение В. В. Стасова, исполнявшего при всей своей занятости все его поручения, и терпение Третьякова в ходе его сложных взаимоотношений с художником.

Переписка Верещагина и Третьякова важна тем, что оба корреспондента рисуются в ней особенно ярко и предстают перед читателем как резко выраженные индивидуальности.

В противоположность переписке П. М. Третьякова и И. Н. Крамского в ней нет, за редкими исключениями, обмена мыслями по чисто художественным вопросам. В центре ее стоит творчество Верещагина и отношение к нему Третьякова как собирателя русской живописи. Вся энергия, напористость Верещагина, его страстная убежденность и нарастающая усталость отразились в этой переписке, так же как деликатная настойчивость, моральная высота и увлеченность Третьякова талантом художника.

Впервые Третьяков познакомился с Верещагиным в 1872 году в мастерской художника в Мюнхене. Верещагин работал в это время над своими картинами, посвященными Туркестану. Картины произвели на Третьякова очень большое впечатление, он сразу почувствовал в их авторе новое, своеобразное явление в русском искусстве.

К моменту открытия выставки Верещагина в Петербурге, весной 1874 года, Третьяков уже высказывал желание что-либо приобрести, но художник воздержался от положительного ответа, ожидая решения, которое будет вынесено царем[2].

Картины Александром II не были приобретены, а художник, подвергшийся нападкам военщины, уничтожил три из наиболее выразительных картин — «Забытый», «Окружили — преследуют» и «У крепостной стены. Вошли!».

Третьяков отозвался на это событие несколькими строками, которые и сейчас волнуют читателя своей искренностью. «Через неделю после того, как Дмитрий Петрович

[1] Письмо В. В. Верещагина к П. М. Третьякову от 9 апреля 1882 года.

[2] См. письмо В. В. Верещагина к П. М. Третьякову от 5 марта 1874 года.

(Боткин.— *О. Л.*) поехал в Петербург, узнаю я от него о том несчастии, которое понесло наше искусство в лице трех картин Ваших; для меня лично это более, нежели несчастие: я еще никогда в жизни ничем не был так огорчен» [1].

П. М. Третьяков уговорил своего брата С. М. Третьякова и Д. П. Боткина совместно приобрести всю коллекцию, с тем чтобы она, согласно воле художника, никогда не могла быть раздроблена или продана (целиком или по частям) и всегда была открыта для публики в подходящем для этого помещении.

Однако когда Д. П. Боткин приехал в Петербург для переговоров с А. К. Гейнсом, уполномоченным Верещагина, то приобрел коллекцию в свою единоличную собственность с тем, чтобы половину передать П. М. Третьякову. Возмущенный Третьяков известил об этом Верещагина, который ответил в свою очередь, что подобных полномочий он Гейнсу не давал и на таких условиях коллекцию продать не согласен.

Когда П. М. Третьяков дал понять, что он готов приобрести всю коллекцию с тем, чтобы сейчас же уступить ее какому-нибудь общественному учреждению на вышеуказанных условиях, Д. П. Боткин устранился. А. К. Гейнс и П. М. Третьяков заключили условие о продаже всей коллекции в составе картин, этюдов и рисунков [2] за девяносто тысяч рублей серебром. Особо было отмечено, что картины «никоим образом и никогда не могут быть переданы за пределы России» [3].

Помимо экспонированных на выставке рисунков Верещагин передавал в собственность покупателя альбом (из которого были вынуты экспонированные листы) с карандашными этюдами и набросками, исполненными во время путешествия по Кавказу, Закавказью, Дунаю и Туркестану.

Коллекцию туркестанских работ Верещагина Третьяков хотел принести в дар Училищу живописи, ваяния и зодчества. Однако Совет Училища затруднился принять этот дар за отсутствием помещения и из-за необходимости затрат на постройку. Тогда П. М. Третьяков передал коллекцию Московскому Обществу любителей художеств с условием, чтобы в течение трех лет оно выстроило подходящее для экспозиции здание. В случае невыполнения этого условия коллекция должна была вернуться к Третьякову.

---

[1] Письмо П. М. Третьякова к В. В. Верещагину от 3 апреля 1874 года.

[2] За исключением картины «С гор на долину», местонахождение которой неизвестно.

[3] Отдел рукописей ГТГ, № 1/1011; полный текст условия см. прим. 1 к письму 17.

В течение нескольких лет картины Верещагина помещались в тесной старой квартире Общества любителей художеств. В 1877 году истек срок, данный Третьяковым Обществу, но он не торопился взять коллекцию обратно. В 1880 году Третьяков приобрел на аукционной продаже семьдесят восемь этюдов индийской серии и начал большую пристройку к существовавшей в ту пору галлерее. Весной 1882 года пристройка заканчивалась, а с 1 октября по 1 ноября галлерея была закрыта по случаю развески верещагинских коллекций. Они были удобно размещены в новых нижних залах галлереи[1].

Приобретение и устройство картин и этюдов Верещагина стоило Третьякову не только больших денег, но и длительных хлопот и волнений. Однако он шел на все это, будучи убежден, что необходимо сохранить для русского общества туркестанскую коллекцию нераздробленной. Прежде всего, он высоко ставил ее познавательное значение. Что касается оценки ее художественных достоинств, Третьяков, как обычно, обратился за советом к Крамскому, который отнесся к своей задаче чрезвычайно добросовестно и прислал письмо с характеристикой творчества художника, сохранившей свое значение и в настоящее время. Крамской писал: «Чтобы... быть правильно понятым, формулирую свое мнение самым точным образом, чтобы не было надобности когда-либо извиняться в преувеличении. Верещагин не из тех художников (по крайней мере до сих пор, за будущее не поручусь), которые раскрывают глубокие драмы человеческого сердца (что и есть действительное искусство в его настоящем значении и высший его род). Он человек в этой коллекции в огромной доле формальный, внешний (хотя это слово, применяемое к нему, пошло). Лучше сказать, он объективен гораздо больше, чем человеку свойственно вообще. Та идея, которая пронизывает все его произведения, выходит из головы гораздо больше, чем от сердца. Дальше: его идеи, откуда бы они ни выходили, однако ж, такого сорта, что отказать им в сочувствии нельзя... Его живопись (собственно письмо) такого высокого качества, которое стоит в уровень с тем, что мы знаем в Европе. ...его рисунок (не внешний, контурный), который очень хорош, а внутренний, то, что иногда называют лепкой, слабее его других способностей, и он-то, этот рисунок, главным об-

---

[1] Все подробности приобретения П. М. Третьяковым произведений Верещагина превосходно изложены в книге А. П. Боткиной «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве» (изд. 2-е, М., 1960, стр. 139—185).

разом заставляет меня отзываться об нем как об человеке, не способном на выражение внутренних, глубоких сердечных движений. ...Словом, мы все будем ходить в эту галлерею для того, чтобы что-нибудь узнать, но не для того, чтобы интимнейшим образом побеседовать и вынести успокоение и крепость для продолжения того, что называется жизнью. Ни одной черты родной нам по духу, исключая патриотической, нет в этой коллекции, да и быть не могло. И все-таки это колоссальное явление, и все-таки эта коллекция драгоценна, она слишком серьезна»[1].

Крамской говорил о серьезности работы художника, о необходимости приобрести коллекцию, но отказывал Верещагину в способности создавать психологически углубленные образы. В общем с этой оценкой были согласны многие из деятелей русской художественной культуры, например И. Е. Репин и даже горячий пропагандист творчества Верещагина Стасов. В свое время он написал Репину: «Верещагин только при *хоре* все остается, а у Вас есть и столько же потрясающие и глубокие *солисты*»[2].

Однако П. М. Третьяков, по-видимому, не был согласен с этим довольно суровым отзывом.

Это доказывают его постоянные усилия пополнить свое собрание новыми произведениями Верещагина как в виде отдельных экспонатов, так и сериями, не останавливаясь перед необходимостью затратить на это огромные средства. Не только идейную сторону произведений Верещагина ценил Третьяков, но, повторяем, их познавательное значение и живописные качества. Об этом свидетельствует письмо Третьякова от 4 марта 1880 года к В. М. Жемчужникову по поводу индийских этюдов и картин на тему русско-турецкой войны. «...В обеих коллекциях есть вещи такие гениальные, что все заграничные статьи были довольно бледны и недостаточно верны. Что за сравнение то с Жеромом, то с Ор. Верне, то с Детайль, то с Невилем. Я считаю и считал всегда Верещагина таким колоссом, что по многим сторонам его таланта не знаю никого из всех современных художников — включая и Фортуни — ему равного...»[3].

Еще в 1875 году Третьяков писал о том, как выделяется талант Верещагина на среднем уровне русской художественной культуры[4]. Это было высказано в ответ на скандал в

[1] «Переписка И. Н. Крамского», т. 1. И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887, М., «Искусство», 1953, стр. 81—83.

[2] И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, т. 2. 1877—1894, М., «Искусство», 1949, стр. 128, 129.

[3] Отдел рукописей ГТГ, № 1/4751.

[4] См. письмо П. М. Третьякова к В. В. Верещагину от 29 мая 1875 года.

связи с отказом художника от профессорского звания и статьей Н. Л. Тютрюмова, обвинявшего его в том, что он в работе над картинами прибегал к помощи других художников.

Высказывая желание приобрести картину «Дервиши», П. М. Третьяков писал в 1882 году Стасову: «...Я не говорил, что эта вещь лучше всего написанного, это не мои слова, но Вы знаете, что я поражен солнечным светом, разлитым по всей картине, виртуозностью письма» [1].

Вследствие всего вышеизложенного отношения между Третьяковым и Верещагиным в 1880-х годах принимают драматический отпечаток. Верещагина в этот период времени интересуют прежде всего его картины на тему русско-турецкой войны. Так как он справедливо считает эту серию наиболее серьезной из всего им написанного, его крайне заботит ее судьба. Между тем задуманные им грандиозные картины требуют гораздо большей затраты труда и значительно большего времени, чем туркестанская серия. Поэтому художник стремится запродать картины о русско-турецкой войне заранее, еще не выполненными, чтобы иметь возможность спокойно над ними работать. Он хочет продать их наследнику и назначает приблизительные цены в соответствии с размерами картин. Когда эта попытка не удается, он вновь обращается к Третьякову. И тут впервые между ними обнаруживается принципиальное расхождение. Третьяков высказывает пожелание, чтобы в картинах отразилось самопожертвование русского солдата и «отдельных некоторых лиц». Верещагин настаивает на том, что одной из главных является картина «Пленные», отразившая несчастья, сопутствующие каждой войне. «...Передо мною, как перед художником, война, и ее я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары — это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаху и без пощады» [2].

Надо отметить, что Верещагин наряду с бедствиями русских солдат всегда показывал и страдания турок. Третьяков ответил: «...И Вы и я не за войну, а против нее. Война есть насилие, и самое грубое, кто же за насилие? Но эта война исключительная, не с завоевательной целью, а с освободительною; созданная самыми образованными нациями, имевшими полнейшую возможность устранить ее и не сделавшими этого из эгоизма, из торгашества. Изображение не блестящих подвигов, в народном смысле, имел я в виду,

[1] «Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897», М., «Искусство», 1949, стр. 64.

[2] Письмо В. В. Верещагина к П. М. Третьякову от 3 мая 1879 года.

а жертв принесенных, сопряженных со всеми ужасами войны, а это ли не бич войны?»[1].

Верещагин знал, что Третьяков готов купить всю коллекцию, предоставляя ему полную свободу творчества, но сумма, которую он мог за нее заплатить, казалась Верещагину недостаточной. Художник хотел прежде всего продать этюды, исполненные в Индии, за которые запрашивал с Третьякова 120 тысяч, а Третьяков соглашался заплатить 90 тысяч. В конце концов Верещагин решился на организацию аукциона. Военные картины в конечном счете в распродажу пущены не были. Аукцион принес Верещагину 140 тысяч рублей. За 78 этюдов Третьяков заплатил свыше 75 тысяч, то есть приблизительно по тысяче за каждый. Никому из русских художников Третьяков не платил подобных сумм. И это не было исключением, вызванным ажиотажем аукциона. Когда в 1882 году Третьяков высказал пожелание приобрести вновь написанные Верещагиным эскизы двух индийских всадников, художник назначил цену 7500 рублей за оба эскиза. В описи Третьякова они оценены в 6000 рублей. Если вспомнить, что в 1877 году «Протодиакон» Репина был приобретен за 1400 рублей, а в 1884 году один из лучших портретов Крамского — «Портрет А. Д. Литовченко» — за тысячу рублей, то разница в оценках кажется поразительной[2].

Следует прибавить, что «Всадники», написанные в парижской мастерской, значительно уступают другим работам из индийской серии.

По-видимому, Верещагин, подобно многим, переоценивал размеры состояния Третьякова.

31 марта 1883 года он писал ему: «...Покамест Болгарская война еще в моих руках, я предлагаю Вам взять ее всю, то есть 25 картин и 50 этюдов, за 150 000 рублей, как раз за ту цену, которую возьмет Мейссонье за одну картину. Уплату рассрочу на 3, даже 4 года»[3].

---

[1] Письмо П. М. Третьякова к В. В. Стасову от 7 мая 1879 года.

[2] Даже если принять во внимание, что Репин и Крамской уступали Третьякову свои произведения ниже их стоимости, разница в оценке остается значительной. Уже в 1898 году Репин, отдавая на комиссию маленькую картину «Не ждали», оценивал ее в 3000 рублей.

[3] Это письмо явно показывает, что Верещагин, проживший большую часть своей жизни за границей, привык сравнивать себя с западными художниками и мерить свой успех парижским рынком. Он был далек от повседневной художественной жизни России с ее иными масштабами и стремлениями. Однако он не стал и художником, процветающим на международной арене. Его творчество было одним из своеобразных разветвлений русского гуманизма. Деньги нужны были Верещагину для путешествий, организации огромного количества персональных выставок, для постройки мастерской.

По-видимому, не только цена удерживала Третьякова от покупки болгарской серии. Не все входившие в нее картины он хотел видеть в своей коллекции. В 1882 году он уже владел несколькими крупными произведениями, и когда в конце 1883 года, не желая снимать с экспозиции только что повешенную такую большую и тяжелую картину, как «Перед атакой», Третьяков отказался дать ее на выставку, устраиваемую Верещагиным за границей, он получил в ответ от художника телеграмму: «Мы с Вами более не знакомы». Отношения возобновились в 1887 году, и переписка началась с того же, на чем оборвалась, но на этот раз Третьяков не препятствовал брать на выставки картины большого размера. Несмотря на повышенные требования Верещагина, на его постоянные ссылки на успех за границей, уверения, что цены на его картины будут неуклонно расти, в переписке 1880-х годов то и дело отражается его растущая усталость, он жалуется на трудности в работе, на нездоровье[1].

Расцветом творчества Верещагина были, однако, именно 1880-е годы, когда он работал над серией картин о болгарской войне. Помимо своей содержательности и драматизма она была наилучшей и в смысле художественного воплощения темы. Верещагин искал в ней единства настроения, впечатляющего пейзажа, стремился к тональной живописи. Очень характерно редкое у него признание трудности работы над картиной в письме к Третьякову от 13/25 мая 1882 года: «...Так как Вы видели мою выставку, то скажите, понравились ли Вам мои новые картины. За «Перевязочным пунктом», между нами сказать, я крепко бился; почти уже кончивши, всю снова переписал, рубашки на мундиры и обратно. Чуть не каждый день собирался рвать ее, но в конце концов, кажется, добился того, что и правда не утеряна и глазу не больно смотреть на эту пестроту рубах и мундиров — задача нелегкая, как видите, потруднее эффектов восточной жизни с заранее прибранными цветами и тонами». Последние слова особенно интересны потому, что они указывают на вполне сознательный метод Верещагина строить свои индийские этюды, акцентируя какую-либо определенную цветовую гамму, имеющую в конечном счете декоративное значение, хотя и основанную на изучении натуры. Тонкости цветовых нюансов всегда не хватало Верещагину, поэтому, несмотря на стремление передать характер местности, это удавалось ему лишь в общих чертах.

---

[1] 14/26 октября 1882 года, до вторичного отъезда в Индию, Верещагин писал: «Сегодня мне стукнуло 40 лет. Отныне буду производить 1/4 того, что производил до сих пор,— довольно лихорадок!»

Следует отметить, что именно в картине «Перевязочный пункт» художник при тщательном соблюдении перспективы и ясности членения массовой сцены выделил и несколько главных действующих лиц: стоящего солдата с разбитой челюстью и задумавшегося солдата на переднем плане.

Утомление от уединенной жизни за границей и почти постоянного участия в организации выставок заставило художника в начале 1890-х годов возвратиться в Россию. Он поселился в Москве, продав свою мастерскую в окрестностях Парижа К. Е. Маковскому. В Москве Верещагин обратился к серии исторических картин на тему наполеоновских войн. Он тщательно готовился к ней, подбирая достоверные исторические материалы. Однако серия не удалась художнику. Она требовала от него тех знаний и навыков, что прежде не лежали в поле его внимания. Добиваться мастерства в области психологической выразительности было уже поздно. Внимательное изучение человеческого лица Верещагин прекратил слишком рано. Проработанные рисунки относятся лишь к 1860-м годам. Все это не могло не сказаться на дальнейшей работе.

Переписка Верещагина с Третьяковым красноречива и своими умолчаниями. Из произведений художника конца 1880-х годов (палестинская серия) и 1890-х (наполеоновская серия) Третьяков ничего не приобрел. Его вновь заинтересовали этюды художника, исполненные им на севере России, которые и были последним пополнением коллекции произведений Верещагина в Третьяковской галлерее.

Увлечение древнерусским искусством, поездки на север на натуру как бы вновь воскресили талант художника, и он был прав, оценивая свою картину «Паперть церкви в Толчкове» (1894, ГТГ) как успех в области мастерства живописи. Глубина интерьера и полнозвучные темные краски этюда очень хороши. Как мы видим, эта удача не прошла мимо внимательного взгляда П. М. Третьякова, хотя последний к этому времени, по-видимому, не был склонен оценивать мастерство Верещагина так высоко, как в 1870-х и в начале 1880-х годов. В этом отношении очень характерно письмо Третьякова к Л. Н. Толстому от 18 июня 1890 года, где он говорит о своем собирательстве. Он заканчивает его следующими словами: «Мое личное мнение то, что в живописном искусстве нельзя не признать главною самую живопись и что из всего, что у нас делается теперь, в будущем первое место займут работы Репина, будь это картины, портреты или просто этюды; разумеется, высокое

содержание было бы лучше, то есть было бы весьма желательно...» [1].

Но это не умаляет того места, которое уделял в своей деятельности Третьяков творчеству Верещагина. Достаточно прочесть переписку Третьякова с Крамским, чтобы почувствовать, что и последний был вовлечен в хлопоты и заботы, связанные с приобретением картин Верещагина.

Следует сказать и о том, что художник, обаятельный и светский человек (за пределами интересов, связанных с его творчеством), был хорошо принят в семье Третьяковых. Он чувствовал глубокую симпатию к жене Третьякова, Вере Николаевне, что нашло отражение в переписке. А. П. Боткина так писала о художнике, основываясь на своих юношеских впечатлениях. «Я помню, каким ореолом окружало Верещагина наше молодое воображение. Красота его наружности, слава подвигов, интересные разговоры и, конечно, больше всего его картины делали его для нас несравненным героем» [2].

Со своей стороны Верещагин высоко ценил Третьякова и его деятельность, которая уже в то время была известна далеко за пределами России. 23 февраля 1882 года он писал Третьякову из Берлина: «Имя Ваше произносится с таким уважением, чуть не благоговением, что Вам смешно сделалось бы, если бы Вы услышали», а в 1887 году вспоминал: «Галлерея Ваша до того интересна, что, кажется, не ушел бы из нее».

Издаваемая переписка проливает свет на сложную и оригинальную личность Верещагина, на положительные и отрицательные стороны его характера. Но при всех обстоятельствах он предстает перед нами страстно убежденным публицистом, который должен всеми средствами донести свои идеи до широких масс. Третьяков же, как всегда, играет роль помощника и друга, чьи благородные усилия помогали русским художникам работать в меру своих убеждений и таланта.

О. А. Лясковская

---

[1] «Литературное наследство», № 37/38, М., Изд-во Академии наук СССР, 1939, стр. 255, 256.

[2] А. П. Боткина, Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве, изд. 2-е, М., 1960, стр. 177.

ПИСЬМА

1. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ[1]

5 марта [*1874*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Ваше милое письмо[2], крайне для меня лестное, я сегодня получил и спешу ответить, что выставка моя откроется в четверг[3] и что заботы о помещении моих работ принял на себя приятель мой Александр Константинович Гейнс[4], к которому в случае приезда Вашего в Петербург я позволю себе предложить Вам обратиться; я думаю, впрочем, что он не может дать Вам положительного ответа до извещения государя императора[5] об том, что ему угодно взять для себя или для какого-либо музея.

Еще раз благодарю Вас за Ваше любезное предложение и прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Его превосходительство Александр Константинович Гейнс в доме министра путей сообщения.

2. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

[*Март 1874*]

Милостивый государь Василий Васильевич.

Простите, что опять пишу Вам. Я, брат мой[1] и Д. П. Боткин[2] составили план приобрести[3] Вашу коллекцию всю без раздробления, поместить ее в Москве, в отдельной галлерее, удобно устроенной (с верхним освещением), на большой улице и постоянно открытой для публики; тут не спекуляция, так как мы не продадим ни одной вещи, не чванство и не эгоизм — так как мы не возьмем себе ни одного рисунка; цель одна, чтобы коллекция Ваша была не раздроблена и

постоянно бы во всякое время можно было видеть ее всем желающим; в Москве быть ей полезней, чем где-либо, в Москву съезжаются со всей России. В будущем коллекция также не раздробится, а устроится так, чтобы она была собственностью города[4]; теперь нельзя еще определить, как это устроится. Г[осподин] Боткин [Дмитрий Петрович] в понедельник уже уехал в Петербург постараться устроить это дело. Мы, со своей стороны, сделали все, что могли. Теперь же от Вас зависит судьба Вашего дела.

[*П. Третьяков*]

3. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

[*Март 1874*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

К тому условию, которое Дмитрий Петрович Боткин со слов Александра Константиновича Гейнса, вероятно, уже сообщил Вам (а именно, что коллекция купленных Вами картин не может быть разрознена ни Вами, ни потомками Вашими), я позволяю себе прибавить просьбу — отправлять картины на выставки — всемирные или иные, если бы это случилось, не иначе как в составе всей коллекции или по крайней мере трех четвертей ее, а также не дозволять при таком случае Академии разбрасывать ее с тою бестолковостью, которая ее везде и всегда отличает.

Если Вы захотите черкнуть мне пару слов, то вот адрес мой: *Киев, на почту до востребования* — теперь и *Константинополь, на почту до востребования* — позже[1].

Я приложил к коллекции альбом с очерком моих скитаний как по Азии, так и по Кавказу — Закавказью, Дунаю и проч.[2].

Кроме того, крепко-накрепко наказывал Александру Константиновичу Гейнсу ни из каких видов не вытаскивать чего-либо из этюдов, а тем паче картин.

Если Вы хотите, я дополню к каталогу[3] объяснения для всех работ, вроде того, как это было сделано для Лондона; коли Вы не имеете этого лондонского каталога[4], то спросите у человека Якова[5], находящегося при картинах, он имеет их множество.

Спешу на чугунку. Прощайте.

В. Верещагин.

Дмитрию Петровичу Боткину буду писать на днях, передайте ему мой поклон.

4. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

3 апреля 1874
Москва

Милостивый государь Василий Васильевич.

Вы не можете представить себе, как обрадовало меня Ваше письмо. Дело вот в чем. Как я писал Вам (не знаю, получили ли Вы то письмо), мы условились, то есть я, брат мой и Боткин,— если придется приобрести всю Вашу коллекцию [1], оставить ее нераздробленною, поместить в отдельной галлерее, удобно устроенной на большой улице, и после уже обдумать о том, как поступить, чтобы она осталась в целости и на будущие времена; это неопределенное пока положение происходит от того только, что Боткин не шел на то, чтобы теперь же подарить коллекцию городу, Музею или Училищу живописи и ваяния [2]. Через неделю после того, как Дмитрий Петрович поехал в Петербург, узнаю я от него о том несчастии, которое понесло наше искусство в лице трех картин Ваших [3], для меня лично это более, нежели несчастие: я еще никогда в жизни ничем не был так огорчен! — и о том, что он купил лично всю Вашу коллекцию, а на мой вопрос: «а условие наше?» ответил, что это было одно предположение, которое он передумал и никак на него не пойдет, а мне уступит половину коллекции, что он так с тем и покупал, чтобы уступить мне. Я возражал и то и другое, говоря: что же подумает обо мне Василий Васильевич после того, что я сообщил ему цель нашего приобретения? Мне на это отвечали: «Василий Васильевич желает, чтобы картины были все у Боткина, а не у Третьякова, и прислал альбом в подарок Боткину, чтобы он был именно у Д. П. Боткина». Как видите, все мое беспокойство в продолжение всего поста, хлопоты, как бы устроить, чтобы эта драгоценная коллекция была в Москве нераздробленной, надоедание письмами Вам и Александру Константиновичу, все из одной [и] той же бескорыстной цели, увенчались полным неуспехом, с прибавлением того огорчения, что Вы, которого я так глубоко уважаю, имеете что-то такое против меня большое, серьезное, когда желаете, чтобы Ваша коллекция осталась скорее у Боткина, чем в общем нашем владении. Я придумывал, что бы такое могло быть, чем бы я мог оскорбить Вас? И мне приходило многое в голову, хотя по совести считаю себя вполне перед Вами чистым.

Письмо Ваше, рассеяв все мои сомнения, сделало мне истинный праздник. Вы меня не отстраняете, Вы, напротив,

ко мне, а не к Боткину относитесь. Благодарю Вас, искренне благодарю. Юридически теперь собственник коллекции Боткин, один он купил на свое имя, и он может только по доброй воле своей уступить мне половину, и я должен, как ни больно это мне и как ни трудно, делить, но я по совести должен взять половину для того, чтобы хотя половина могла остаться навеки нераздробленною. Д. П. Боткин может сказать, что он после себя оставит духовное завещание, но духовное завещание можно сегодня сделать, а завтра уничтожить. Я же и брат мой свои части, или если бы Дмитрий Петрович согласился уступить нам его часть, то *все собрание* нами теперь же было бы пожертвовано, то есть было бы теперь же закреплено за каким-либо учреждением, с тем непременно, чтобы помещено было оно в особом, хорошо устроенном помещении. Я попробую сделать ему, то есть Д. П. Боткину, предложение, но не думаю, чтобы был успех. Сегодня пойду к нему и о результате напишу Вам завтра два слова, а теперь никак не мог передать Вам короче все, что считал нужным передать [4].

Простите за неразборчивость и помарки, потому что спешу.

Как жаль, что мне не пришлось лично с Вами в Петербурге увидаться, может быть, мы с Вами все лучше бы устроили. Я Вас видел очень близко, проходя мимо дома министерства внутренних дел [5], когда Вы подъезжали к выставке, но не посмел нарушить Ваше инкогнито.

Вам глубоко, искренне преданный

П. Третьяков.

5. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

4 апреля 1874
Москва

Милостивый государь Василий Васильевич.

Во вчерашнем письме обещал сообщить Вам о результате переговоров с Д. П. Боткиным. Он ни на что другое не соглашается: или разделить пополам, или взять все в полную свою собственность без дальнейших обязательств. И мне остается выбирать то или другое. Что я выберу? Я сам еще не знаю.

Сообщу Вам в Константинополь.

Будьте здоровы.

Преданный вам

П. Третьяков.

6. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

5 апреля 1874
Москва

Милостивый государь Василий Васильевич.

Вчера я сообщил Вам, что Д. П. Боткин ни на что другое не соглашается: или *разделить пополам, или взять все в полную свою собственность,* без дальнейших обязательств, и что я не знаю еще, на что решусь.

Последнее неверно: я ни на что не могу решиться и не решусь, пока не выскажетесь Вы — единственно могущий иметь голос в этом деле.

Искренне преданный Вам

П. Третьяков.

7. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

[*Апрель 1874*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я вчера только получил Ваши письма, залежавшиеся в Киеве.

Делить коллекцию моих последних работ Д. П. Боткин не имеет права, потому что неразделимость ее, пока она существует, была «condition sans quoi — non» * ее продажи. Как видите, это не просто желание мое, а требование, которое я, в случае нужды, поддержу.

Что касается того, кому она была продана, то я позволю себе маленькую подробность: Вам, может быть, небезызвестно, что я хотел передать мои работы в руки правительства, но после того, что те немногие официальные лица, которых мне довелось видеть, огулом осудили направление их, я, испугавшись того, что последует, когда мне заткнут глотку деньгами, переменил намерение, некоторые, наиболее коловшие глаза картины уничтожил [1] и всю коллекцию просил Гейнса передать в Ваши руки. В этом смысле записка моя, вероятно, сохранилась у Александра Константиновича [2]. Под Вашими руками я разумел на основании первых Ваших писем *Вас одних,* а после *Вас, Вашего брата и Д. П. Боткина.*

Мне известно также, что Александр Константинович Гейнс, вступая в переговоры с Боткиным, имел в виду передать картины в руки трех поименованных лиц, и если после переменил что-либо в сделке, то совершенно помимо и против

---

* — «условие, без которого — нет» (*франц*).

моей воли. Я ничего не имею против Дмитрия Петровича Боткина, но не мог бы отдать картины ему помимо Вас, ибо Вы давно уже в самых лестных для меня письмах удерживали за собой право или на выбор, или на все, тогда как он просил меня через брата своего Михаила Петровича[3] лишь об трех картинах. Так как все Ваши письма ко мне переданы мною Гейнсу, то и он не мог, как верно знаю, не имел сначала других намерений.

Вот тот ответ, дорогой Павел Михайлович, который я могу Вам дать. Если дело случилось так, как Вы пишете, то в моих глазах Дмитрий Петрович не может оправдаться,— конечно, это немного.

Что касается альбома, то я и не думал дарить его, а отдал для неразрозниваиия с коллекциею в те же руки трех лиц, то есть Вас, Вашего брата и Дмитрия Петровича. Попал же он Боткину только потому, что он был в Петербурге представителем Вас и Вашего брата. Следовательно, подарил я его столько же Вам, сколько Дмитрию Петровичу. По совести говоря, до Ваших последних писем я считал картины принадлежащими Вам троим и нераздельность коллекции, так же как ее будущую принадлежность городу, считал на основании Ваших прежних писем обеспеченной.

Позвольте мне прибавить следующее: я беспокоюсь об том, что в случае каких-либо серьезных недоразумений у Вас с Дмитрием Петровичем Боткиным не вышло замедления в условленной уплате денег за картины; так как задержка такая была бы несчастием для меня, то имейте в виду недопущение ее, если это будет частию от Вас зависеть.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Я в Бомбее и начал работать, но жара и духота просто душат.

Мой адрес: Indes. Bombay. Belvedere. Hill. Mazagon. 9.

8. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

6/18 сентября [*1874*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Нет ли возможности теперь же в счет моих денег послать в Париж по адресу: 17, rue d'Hanteville à Monsieur *Bruno Lortsch*[1] 12 500 франков. Последний, то есть Лорч, купил землю для моей мастерской и теперь горько жалуется

мне, что, получивши лишь часть денег, не получает остальных, так же как и ответа на его письма.

Вы много обязали бы меня, если бы уничтожили векселя [2], данные на имя А. К. Гейнса, и либо подержали бы деньги у себя, либо передали бы их Владимиру Васильевичу Стасову [3], или Владимиру Михайловичу Жемчужникову [4], первый живет на Надеждинской дом Трофимова, второй в доме министерства путей сообщений.

От Гейнса с самого моего отъезда я не получал ни строки; ни об том, кто приобрел мою коллекцию, ни об том, сколько денег получено и сколько, когда можно получить, я не знал до Вашего последнего письма, которое получил вчера. Ваш подробный и обстоятельный ответ очень обязал бы меня. Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

9. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

23 ноября/5 декабря [*1874*]
Агра [1]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я Вас почтительно и настойчиво прошу уничтожить векселя, данные на имя А. К. Гейнса, и деньги держать у себя, оформивши это лишь настолько, сколько нужно на случай Вашей или моей смерти [2].

Затем прошу Вас выслать мне 2000 фунтов стерлингов через Лондонский дом Беринга или какую-либо другую солидную фирму, если Вы знаете [3]. Деньги посланы могут быть на Бомбей через Findlay Scott SC^o или Comptoir d'escompte de Paris *, или, наконец, один из больших банкирских домов, с тем чтобы мне послано было уведомление в теперешнее мое местонахождение, через *M-r Keene, Judge in Agra.*

Исполните мою просьбу неотлагательно, еще раз прошу Вас; я не могу спокойно работать, не будучи уверен в том, что моя денежная немочь устранена.

Прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин.

Я направляюсь теперь в Непал, и хотя пугают меня дикостью и подозрительностью непалезцев [4], но я надеюсь так или иначе добраться до Mt Everest [5], высочайшей горы в Гималайях и на всем земном шаре (29 000 ф[утов]).

Мой адрес теперь через помянутого Keene. Esq. Judge in Agra.

---

* — банкирская контора в Париже (*франц.*).

10. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

Март 1875
Гималаи [1]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Будьте так добры векселя на остальную сумму переслать Льву Михайловичу Жемчужникову, который берет на себя труд высылать мне деньги в случае надобности.

Я просил уже Льва Михайловича [2] передать эти деньги на хранение в банк.

Прошу Вас, Павел Михайлович, принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин.

Я извещен из Бомбея о получении там для меня денег 2000 фунтов — благодарю Вас.

11. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

10 апреля [*1875*]
Кашмир [1]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Сколько помнится, я Вам отвечал на Ваше письмо. Деньги пришли, об этом я извещен из Бомбея. Мало надежды на получение здесь процентов, так как крепкие банки вовсе не дают их, а жидкие дают от 3-х до 4-х, но в такие я, в свою очередь, боюсь положить деньги.

Пожалуйста, не взыщите, уважаемый Павел Михайлович, если я не дозволю Вам видеть моих этюдов [2] в том виде, как они теперь находятся; краски все пожухли, полотна перекоробились, и доски потрескались.

Хоть я знаю, что Вас следует исключить из числа любителей и почитателей картинной мебели, но все-таки самым положительным образом не дозволяю Вам видеть их раньше, чем они будут в порядке.

Благодарю Вас много за Ваше участие и прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин.

Работы мои, у Вас находящиеся — без рам и в разрозненном виде, обрывками,— не посылайте на выставки, где бы они ни были, пожалуйста.

12. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

29 мая 1875
Москва

Милостивый государь Василий Васильевич.

Довольно давно уже получил Ваше письмо от марта из Гималай и от 10 апреля из Кашмира. Векселя на остальную сумму Льву Михайловичу Жемчужникову еще не переданы, но это не от меня зависит, я готов сделать передачу во всякую минуту. Дело в том, что если переписать векселя на имя Льва Михайловича, то это будет не совсем в порядке: мало ли что может случиться, «в жизни и смерти — бог волен», говорится, а потому Лев Михайлович не решился взять векселя на свое имя, если же написать их на Ваше имя, то нужно Вам дать ему доверенность на получение по векселям денег. Еще Лев Михайлович так предполагал: вместо векселя получить от меня деньгами (разумеется, за вычетом процентов, так как я сам должен получить деньги из банка за проценты) и положить Ваши деньги в банк, так что это вышло бы одинаково: при получении денег вместо векселей потерялись бы проценты, а на полученные деньги получились бы проценты из банка, в который положил бы их Лев Михайлович. Не знаю, поймете ли Вы что из всего мною здесь написанного, но обо всем этом давно уже написал Вам Лев Михайлович, и, наверное, толковее, чем я пишу[1].

По письму В. В. Стасова[2], чрез Льва Михайловича, 21 апреля я послал в Париж Лорчу 13000 франков, на сумму 3743 рубля 70 к., и около трех недель как получено уже уведомление о получении им этой суммы. Деньги ему зимой не были посланы потому, что векселя в то время находились у г. Гейнса, о чем Вы были извещены, и в дальнейших Ваших распоряжениях о Лорче не говорилось уже, я же со своей стороны, как только получил векселя от Гейнса, то спросил: были ли посланы Лорчу деньги, и из ответа Александра Константиновича не понял хорошо, были ли посланы (а ведь могли же они быть посланы?), просил В. В. Стасова переписаться с Лорчем, но до 21 апреля я никакого сообщения по сему предмету не получил.

Я не буду иметь ни малейшей претензии, что не увижу Ваших работ, несмотря на то, что страстно желал бы их видеть.

Лев Михайлович, передавая мне Ваше поручение, предложил мне: не угодно ли через несколько лет получить обратно деньги за Ваши картины. Так как Вы мало знаете меня, а может быть, и вовсе не знаете, то этим только и могу объяснить Ваше предложение.

Из расположения к Вам можно было советовать беречь деньги (В. В. Стасов даже советовал мне не посылать Вам 2000 фунтов из старания сберечь Вам деньги) и только, я же со своей стороны был убежден, что у нас в России, кроме правительства, никто не мог заплатить за Вашу коллекцию более меня, да и купить ее без раздробления некому было, но еще более убежден был в том, что Вы много более бы выручили, если бы пустили в раздробительную продажу. Я понимал Ваше желание сохранить коллекцию, жертвуя своими интересами, сочувствовал этому и потому только из любви к искусству явился для осуществления этого желания. Как Вам известно, я пожертвовал Вашу коллекцию Обществу любителей художников[3] с тем, чтобы оно устроило особое помещение, на это дал я три года срока; теперь я более всего желаю, чтобы Общество в продолжение трех лет ничего не сделало и я мог бы взять коллекцию обратно и помещение самому устроить.

Ваше негодование против Москвы понятно, я и сам бы негодовал и давно бы бросил свою цель собирания художественных произведений, если бы имел в виду только наше поколение. Но поверьте, что Москва не хуже Петербурга, Москва только проще и как будто невежественнее. Вскоре по закрытии Вашей выставки в Петербурге начали ходить слухи, что картины Ваши писались компанейским образом, и вот Ваш отказ от профессорства снял маску с пошлых завистников[4]. Тютрюмов[5] — только ширмы, за которыми прятались художники и не художники даже, потому что Ваш отказ от профессорства поразил сердца не художников только, а все общество, то есть наибольшую часть общества, «чающего движения свыше в воде» чинов и орденов. То, что Вы никого не пускали к себе, считали главным аргументом того, что Вы не один работали и что Вам было что скрывать! Я только смеялся надо всем, что слышал, и не воображал, чтоб после тютрюмовской статьи так серьезно вступится за Вас В. В. Стасов[6], полагая, как в рекламациях, так и в защитах нуждаются только слабые, немощные или малоизвестные, Вы же никоим образом сему не подлежите (я полагал, что Вы сами ответите: выставкой Ваших работ по возвращении из Индии). Владимир Васильевич Вам искренне предан, это так, и побуждения у него всегда честные и благородные, но ополчаться против таких нелепостей, как тютрюмовская и другие статьи,— не стоило.

Чем же Петербург лучше Москвы! Разве не из Петербурга начало интриги против Вас? Разве не там погибли три Ваших произведения? В будущем Москва будет иметь большое,

громадное значение (разумеется, мы не доживем до этого), и не следует сожалеть, что коллекция Ваша сюда попала: в России — здесь ей самое приличное место. Как не взъесться было нашим художникам (большею частью по имени) на человека, не шедшего с ними по одному пути, бывшего постоянно вдали от них, и вдруг как из земли выросшего с массой произведений, славой и капиталом (как они говорят), тогда как они всю жизнь трудятся, иные работают и много и быстро, иные медленно, добросовестнейшим образом, иной промуслякает несколько лет одну картину, и все ничего не выходит — имена их прославляются только приятелями, а карманы пусты (разумеется, за исключением имеющих казенные или царские заказы). Работают усердно, добросовестно, ведут себя почтительно к высшим и как манны небесной ждут академического и профессорского звания, а тут вдруг этот дорогой им кумир повергается в прах. Говорят, что он не только что не нужен, а даже вреден художникам, из этого можно вывести, что и не художники, которые так добиваются сих степеней высоких? Как же им было не ополчиться на такого отчаянного революционера?

Я остаюсь все тем же поклонником Вашего таланта, каким вышел из Вашей мюнхенской мастерской[7], и крепко уверен, что имя Ваше должно быть почтеннейшим именем в семье европейских художников.

Простите, что замучил Вас этим письмом, и будьте здоровы.

Вам искренне преданный

П. Третьяков.

13. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

Июль [1875]
Ладак[1]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Кажется, я уже писал Вам, что деньги получены. На всякий случай извещаю Вас об этом теперь и благодарю за них.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Коли станете посылать картины в Америку[2], то не забудьте отобрать целую коллекцию, а не одну или две, и в рамах.

14. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

3 августа [1875]
Западный Тибет,[1] *Озеро Тсо-Морари*

Будьте так добры, Павел Михайлович, отдайте то, что Вы еще имеете заплатить мне деньгами, Льву Михайловичу Жемчужникову, если от такового перевода векселей на деньги не будет мне убытка или убыток будет ничтожный. Никакой формальной доверенности на эту процедуру дать не могу, ибо не имею вида и благодаря беспутности канцелярии туркестанского г[енерал]-губернатора езжу здесь и должен возвращаться без вида — должно быть, они наказывают меня за безрассудную храбрость при защите Самарканда [2] — другой причины не придумаешь.

Я совершенно доверяю Вам, так же как и Льву Михайловичу Жемчужникову [3], которого давно уже знаю, он честный, разумный и благовоспитанный человек, страдающий лишь слабостью говорить знакомым — любезный, об чем Вас предупреждаю — берегитесь!

Письмо Ваше получено. Ответ Ваш читал и принял к сведению.

До свидания, Павел Михайлович.

В. Верещагин.

Тороплюсь отправить посланного и потому больше не пишу.

15. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

18 января 1876
Москва

Милостивый государь Василий Васильевич.

Последнее письмо Ваше, полученное 15 сентября, застало меня в день моего отъезда в Крым и на Кавказ, а Лев Михайлович уезжал в тот же день в Петербург, почему я и поручил сделать расчет по векселям и уплатить деньги моему брату, что и было им исполнено [1] 30 сентября, то есть, за исключением 2000 фунтов и 13 000 франков и за преждевременный платеж 6 процентов годовых, выдано Льву Михайловичу сер[ебром] р[ублей] 28 853.93 к.

По возвращении я не уведомил Вас, не зная, где Вы находитесь, но на днях узнал, что письмо еще может застать Вас по старому адресу [2].

Желая Вам всего доброго, пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам искреннюю и глубокую преданность Вашего покорнейшего слуги

П. Третьякова.

16. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

Март [*1876*]
Джейпур [1]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Лев Михайлович Жемчужников писал уже мне о получении от Вас денег. Позвольте поблагодарить Вас как за уплату, так и за Ваше извещение.

Свидетельствую Вам мое искреннее уважение.

В. Верещагин.

17. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

2/14 сентября [*1876*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Так как при продаже Вам моих картин Александром Константиновичем Гейнсом было выговорено как условие [1], что, в случае если мне будет надобность в деньгах, Вы не откажете мне в 10 000 рублей (десяти тысячах рублей), я обращаюсь к Вам теперь с просьбой ссудить мне эти деньги на несколько лет (на сколько Вам угодно) и на тех процентах, которые Вам угодны. Я думаю, мне лишнее будет уверять Вас, Павел Михайлович, что уже в настоящую минуту работы мои, имеющие цену на всяком художественном рынке Европы, несравненно более превосходят ценностью эту небольшую сумму и, следовательно, обеспечивают уплату ее с % (процентами).

Не взыщите, что я без начала и без конца говорю с Вами прямо о деле,— у меня столько было неприятностей в последнее время, что просто язык не ворочается.

Дайте ответ Ваш в возможно скором времени и примите уверения в моем уважении.

В. Верещагин.

Сделайте божескую милость, ответьте телеграммой, да *поскорее.*

18. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

2/14 сентября [*1876*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я сейчас писал Вам, но, если не ошибаюсь, забыл сказать свой адрес; кстати, повторю то, что писал первый раз: при покупке моих картин Вы обещали дать мне в случае нужды взаймы 10 000 рублей (десять тысяч рублей). Пожалуйста, не откажите выслать мне их теперь на срок, который Вы укажете (желательно бы не на очень короткий), и на проценты, которые Вы назначите. Как и почему я обращаюсь к Вам теперь — это история длинная и нехорошая, а потому лучше ее и не трогать [1]. Дело в том, что Вы, верно, хорошо помните Ваше обещание и, верно, не откажете мне в этой небольшой сумме, отдача которой, уверяю Вас, хорошо обеспечивается уже теми работами, которые у меня есть теперь.

Вот мой адрес: 32 rue Poussin à Autenil Paris.

Если возможно, дайте ответ телеграммой [2].

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

19. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

3 октября [*1876*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я получил 20 000 р[ублей] и очень благодарю Вас за них. Если до тех пор пока Вы еще не отослали мне прочие деньги, дополняющие сумму 10 000 рублей, Стасов предлагает Вам дать за меня некоторую сумму на уплату Беггрову [1],— не откажите и вышлите мне только что останется.

Затем обращаюсь к Вам еще с просьбой: коли захотят послать мои работы на большую Парижскую выставку [2], то пусть спросят и послушают меня, что именно послать. Уж если необходимо выставить что-либо в таком бестолковом сарае, каким, вероятно, будет и эта выставка, то я хотел бы поставить то, что я сам считаю подходящим.

Что можете, не откажите сделать в этом смысле.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

В. В. Верещагин. 1870-е годы. Фотография

П. М. Третьяков. 1870-е годы. Фотография

20. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

[*Октябрь 1876*]

Получил и 13 000 франков с благодарностью, само собою разумеется, Павел Михайлович. Мою просьбу отделить часть этих последних денег для уплаты Беггрову считайте недействительной. Прилагаю мое обязательство [1].

В. Верещагин.

21. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

11 февраля [*1878*]
Лондон

Милостивый государь Павел Михайлович.

В случае если Академия художеств предложит послать некоторые из принадлежащих Вам картин моих на Парижскую выставку 78-го года [1], то будьте так добры, спросите меня, которые я желаю и которые не желаю посылать.

По крайней [мере] сделайте возможное в этом смысле, чем меня много обяжете.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

22. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

29 февраля [*1878*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я страхую это письмо, потому что уже писал Вам раз и не получил ответа.

Дело в следующем: коли Вы удержали право контроля над приобретенной Вами коллекцией моих картин [1], то будьте так добры, не дозволяйте делать выбора для посылки на большую Парижскую выставку, не спросивши моего мнения или указания.

Черкните мне пару слов в ответ.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

23. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

24 марта [*1878*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Будьте так добры не посылать ничего на большую Парижскую выставку из тех работ моих, которые Вами приобретены.

Я не теряю надежды, получивши раз хорошее место, сделать здесь в Париже свою отдельную выставку [1].

Прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин.

Черкните мне пару слов ответа, чтобы знать о получении Вами этой моей просьбы.

24. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

31 июля/12 августа [*1878*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я имею намерение сделать выставку моих работ в Париже и для этого к имеющейся у меня коллекции картин и этюдов, деланных в Индии, присоединить или всю или часть находящейся у Вас туркестанской коллекции.

Будьте так любезны, распорядитесь, чтобы в случае Вашего отсутствия из Москвы не сделали задержки мне или тому лицу, которого я попрошу, для отсылки картин в Париж. Разумеется, они в целости и сохранности будут доставлены Вам обратно немедленно по миновании в них надобности, то есть [закрытии] выставки. Прошу Вас, Павел Михайлович, принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин.

Maisons Laffitte, Avenue Kleber 48 Seine de Oise

25. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

18/30 августа [*1878*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я полагал, что право брать мои работы, когда мне то понадобится, было выговорено г-ном Гейнсом при продаже,— жалею, если нет, во всяком случае позвольте надеяться, что Вы не откажетесь помочь мне достать то, что понадобится и когда понадобится, что будет зависеть от того — достану ли я здесь подходящее помещение для выставки.

Прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин.

Будьте добры передать прилагаемое письмо Алексею Петровичу Боголюбову [1], который, кажется, скоро уезжает из Москвы в Питер.

26. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ [1]

[*Март 1879*]

Общество любителей художеств, смотря на коллекцию Ваших картин как на общественное достояние города Москвы, считает себя не вправе допустить их подвергаться какому-либо риску. Картины, в особенности больших размеров, могут попортиться от укладки, от свертывания их на скалки (тем более что некоторые холсты недостаточно прочны), могут пропасть в дороге или сгореть. В таком несчастном случае Вы, беря их на свою ответственность, можете вознаградить Общество деньгами, но самих вещей возвратить не в состоянии. Я, со своей стороны, так дорожу Вашей коллекцией, что не могу не согласиться вполне с мнением Общества. Что же касается условий продажи, то я не знаю, были ли предложены Д. П. Боткину А. К. Гейнсом какие-либо условия, но в находящейся у меня запродажной записке (копию при сем прилагаю) никаких условий не обозначено. При заключении же запродажной записки со мною А. К. Гейнс предложил мне только следующие условия: «. .картины В. В. Верещагина, составляющие покупаемые мною ныне коллекции, не могут быть продаваемы ни порознь, ни в целом составе коллекции и должны составить особую галлерею, доступную для публики. В случае если покупщик подарит приобретаемую им коллекцию какому-либо обществу или учреждению, то на последние распространяется обязательство о воспрещении продажи картин Верещагина, как упомянуто выше, то есть в целом либо порознь; о сохранении за публикой права посещать и осматривать эту коллекцию картин; притом картины В. В. Верещагина никоим образом и никогда не могут быть переданы за пределы России. За автором картин, В. В. Верещагиным, остается право (исключительное) копирования с них и фотографирования».

На эти условия я согласился, они значатся в находящемся у меня экземпляре условия [2] и в том, который должен у Вас находиться. С этого же условия по Вашему желанию была снята копия Львом Михайловичем Жемчужниковым. На условие, чтобы автор мог во всякое время брать и перевозить свои картины для выставок, никогда бы не мог согласиться. При подобном условии какое же право приобретает покупатель? Право хранения? Как бы то ни было, но Гейнс и не предложил мне подобного условия.

Как ни желательно бы было показать французам Ваши эти произведения, но, к глубокому моему сожалению, невоз-

можно исполнить. Такие серьезные и капитальные произведения могут желающие приезжать смотреть сюда. Пусть развозятся такие картины, как Макарта[3], Макса[4], Семирадского[5] и др.

27. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

21 марта/2 апреля [*1879*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я получил Ваше письмо, в котором Вы совершенно одобряете решение Общества не давать мне мои картины для выставки здесь, в Париже. Гейнс *обмолвился,* не выговоривши у Вас право для меня и пользоваться этюдами как материалами и взять картины (разумеется, на полной моей ответственности) для выставки, когда понадобится. Вы изволите говорить, что не приняли бы такого предложения,— не смею этого оспаривать, не возражаю также и на второе Ваше замечание, что «владельцу, по принятии такого условия, не остается ничего, кроме права сохранения». Но со своей стороны приму меры, чтобы, пока я жив, ни одна моя картина не попадала ни в чьи руки без специально выговоренного мне права выставить ее в Европе, если это понадобится.

Прошу Вас, Павел Михайлович, принять уверение в моем искреннем уважении и благодарности за Ваши любезные отзывы о моих работах.

В. Верещагин.

28. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

3 мая [*1879*]
Париж

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я думаю, что Вы выразились именно так, как я ждал, но не в том дело. Полагаю, что если я обязуюсь взять на себя укладку, всю вполне, свернуть полотна на вальки в один аршин диаметра и, наконец, исправить красками же, а не деньгами всякую порчу, если бы, паче всякого чаяния, таковая все-таки приключилась, то Вы ничего более не будете иметь против того, чтобы часть моих туркестанских работ была выставлена в Европе.

Что касается Вашего письма к Владимиру Васильевичу Стасову[1] по поводу виденной Вами моей картины[2], то очевидно, что мы с Вами расходимся *немного* в оценке моих

работ и *очень много* в их направлении. Передо мною, как перед художником, *война,* и *ее* я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары — это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаху и без пощады.

Вас же, очевидно, занимает не столько вообще *мировая идея войны,* сколько ее частности, например, в данном случае, жертвы русского народа, блестящие подвиги русских войск и некоторых отдельных личностей и т. п. Поэтому и картина моя, Вами виденная, кажется Вам достойной быть только «преддверием будущей коллекции». Я же эту картину считаю одною из самых существенных из всех мною сделанных и имеющих быть сделанными.

Признаюсь, я немного удивлен, как Вы, Павел Михайлович, как мне казалось, понявший мои туркестанские работы, могли рассчитывать найти во мне и то миросозерцание и ту податливость, которые, очевидно, Вам так дороги.

Вместе с Вами пожалею, что картины мои минуют такие хорошие руки, как Ваши, и попрошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин.

29. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

7 мая 1879 года
Москва

Милостивый государь Василий Васильевич!

На Ваше многоуважаемое письмо нахожу нужным сделать некоторые возражения. Я написал В. В. Стасову в ту же минуту, как получил известие о решении вел. князя [1], поэтому содержание моего письма могло быть неясно, где я не мог предполагать, чтобы оно передалось Вам полностью [2]. Я не имел в виду каких-либо *праздничных* картин. Чем же преимущественно бьется война, как не жертвами народа, то есть солдат и отдельных некоторых лиц.

Если бы коллекция была уже сделана, я, может быть, первый не нашел бы полслова возражения.

Ваша картина, вне всякого сомнения, не может достойна быть только преддверием! О достоинствах ее я много говорил лично с Вл[адимиром] Вас[ильевичем], по содержанию [3] же она мне кажется преддверием, то есть прологом, а может быть, это и эпилог. Теперь, когда Вы ничего не говорите, нельзя или очень трудно угадать, какая это часть коллекции, все-таки это часть, а часть в художественном отноше-

нии может быть иногда выше целого. Я сказал, что она не выражает собственно болгарской войны (полагая, что Вы намерены изобразить именно эту войну), но это не относилось к художественному ее достоинству. В моем письме было скорее: «все, что найдет В. В. Верещагин *нужным сделать,— должно быть сделано*», тут предоставлялась, кажется, полная свобода.

Прошу принять уверения в истинном почтении Вашего покорного слуги

П. Третьякова.

30. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

15/27 мая [*1879*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Прежде всего дайте сказать Вам то, что вряд ли нужно было бы говорить, а именно, что я Вас искренне уважаю. После этого уверен, что от слов моих у Вас не останется обидного впечатления, частичка которого как будто сквозит в ответе Вашем на мое последнее письмо.

Между *праздничными* картинами войны, которых Вы никогда не уважали и не желали, и картинами войны *такой, какая она есть,* разница громадная; и войны, как Вы хорошо знаете, разные: от войн Наполеона[1] до тактических войн пруссаков. Не место и не время, как Вы понимаете, разбирать и обсуждать, все ли войны таковы, а также «бьются ли войны жертвами народа и отдельных личностей» или бывает иногда наоборот, что жертвы народа и проч.— бьются войнами. Далее: если бы я мог теперь же показать Вам и обществу все мои картины вместо половины их уже сделанными, то, разумеется, не предложил бы таких невыгодных для себя условий, как назначение цен картин сообразно их величине[2]. Большие картины у меня все отделаны, обдуманы, можно сказать, выстраданы, почему, думаю, стоят своих цен, но и между малыми есть полные трудностей исполнения, а между тем цены их по этой мерке просто ничтожны. Я должен Вам 10 000 с процентами, да в другом месте до 15 000, да буду принужден еще занять до 10 000 для окончания работ — все это придется уплачивать, да при этом жить и дышать хоть и скромно, но всетаки тратить деньги, а здоровье не позволит мне сделать более 4 больших холстов в год. Рассчитайте, чем же я, художник, уже истративший немало сил и здоровья на развитие таланта своего, буду существовать? Совершенно по-

нимаю Ваше желание, очень натуральное, иметь картины мои возможно дешевле, но думаю, что после они, вероятно, будут стоить скорее дороже, чем теперь. Так как представляются большие трудности пользоваться проданными картинами как этюдами и для выставки, то, в случае если не найдется желающего заплатить за все от 50, 70, *может быть*, до 100 000, в 5 лет, я, вероятно, передам их торговцу, который будет продавать желающим по паре и даже по одной, но и по значительно увеличенной цене, приблизительно по 40 000 франков за большой холст, то есть вдвое более назначенного *Вам теперь*. Я думаю, лишнее почти говорить Вам, Павел Михайлович, что эти рассуждения мои между нами, я позволил себе вдаться в них только потому, что Вы писали В. В. Стасову о причинах, заставляющих Вас предлагать сбавить цены; говорили, что Вы не концессионер, не подрядчик, содержите Училище [3] и проч. Со своей стороны и я позволяю себе сделать то же, высказать мои соображения, но именно только *Вам и В. В. Стасову. Еще раз буду жалеть, если картины мои минуют рук такого бескорыстного любителя искусства, как вы,* но что же делать, если мои условия для Вас неподходящи, то будем считать, что между нами не было никаких переговоров о ценах и оставим за собой обоюдно полную свободу на будущее время.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Моя выставка в Лондоне [4] приносит мне очень много чести и комплиментов, но мало денег; картинки также щиплют в разные стороны, но эти положительно нужны мне как этюды.

Я послал картину цесаревичу потому, что милый и вездесущий благодетель Боголюбов уверил меня, что е[го] в[еличество] *желает* их иметь, и на неоднократные мои замечания, что е[го] в[еличеству] многие картины могут просто не понравиться, опять-таки утвердительно говорил, что в[еликий] к[нязь] [5] не таков, как я думаю, что ему все *верное* понравится, и проч.

31. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

31 мая 1879
Москва

Милостивый государь Василий Васильевич.

Очень сожалею, что за отсутствием из Москвы не мог ранее ответить на Ваше любезное письмо от 15/27 с[его] м[есяца].

Предоставляя Вам полную свободу относительно содержания, я не могу изменить денежной стороны. Это не есть оценка Ваших работ, как я уже объяснил В. В. Стасову в первом письме[1], я знаю, насколько дороже они могут стоить, но я в настоящее время не могу сделать иного предложения. Так как Вы 10 тыс. уже имеете, то я мог бы уплату сократить на четыре года. Эти самые Ваши цены были сообщены великому князю, ему не нужно искать помещения, а мне придется сделать пристройку[2]. Приобретая одну, две картины, разумеется, можно платить несравненно значительнейшие цены, но в таком случае почти вся выгода выпадает на долю торговца, что весьма печально.

Соглашаясь с Вами вполне «оставить за собою обоюдно полную свободу на будущее время», с глубоким и истинным уважением остаюсь Вашим преданным

П. Третьяковым.

32. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

14 марта [*1880*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Конечно, *по размерам* картины продавать не буду; сбитый с толку уверениями прохвоста Боголюбова, что наследник желает заранее приобрести все мои будущие работы, я назначил размер картин Коцебу[1], *полразмера* и *четверть* его. Запродать таким образом мои работы я был не прочь и по необходимости иметь деньги для окончания картин «Телиша», «Шенова»[2] и др[угих], а также (Вам скажу) для того, чтобы отправить за границу моего отца, теперь уже покойного. Теперь, значит, в этом *размере* уже нет смысла, и нет никакого вероятия, чтобы все мои работы могли пойти за 200 000 франков, то есть за сумму, за которую сильный художник сделает Вам как раз одну картину (ведь Вы же хорошо знаете, Павел Михайлович, что наши упавшие бумажки не представляют денег даже тех, которые мы знали до войны).

Ваши 10 000 руб[лей] с % (процентами) отдам, когда заработаю их в Европе,— не взыщите; здесь же, на аукционе[3], скорее пожгу мои работы, чем отдам Вам или другому по размеру. Вам бы попомнить, что такого сумасшедшего, который, как я, бросается во все битвы для *подмечания* там разных разностей, нет другого в Европе, а может быть, и еще целое столетие не будет,— как знать, чего не знаешь, поживем — увидим. Машинкою, которая не *отдохнула* бы

на некоторых картинах, я быть не могу, и в этом смысле неверно замечание Ваше о *ненужности* некоторых картин. Вы скажете, что я самохвал, который все-таки не заставит Вас заплатить 10 000 лишних,— не бойтесь, надобности в этом положительно нет; я обернусь деньгами, а это все, что нужно, так как банкиром я не буду наверное.

Почему бы и не обратить Ваше внимание на «L'art»[4], он только что был прислан и подвернулся под руку; это не для сбивания Вас, против чего Вы достаточно самостоятельны. Ведь нет же в этом обиды? (Кстати, пришлите, пожалуйста, «L'art» назад для этой статьи.) Грома и молний, как видите, на Вас не обрушилось (!?), а на аукцион Вас приглашаю, он будет 22 и 23 марта.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Аминь! Не будем более говорить о *продаже коллекции*; признаюсь, мне очень тяжелы эти разговоры.

33. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

20 марта [*1880*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я оставил намерение выставить мои картины в Москве. Поблагодарите г[осподи]на Городецкого[1] и примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

34. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

9 апреля [*1880*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Письмо Ваше с моей распиской получил. Сидеть перед Крамским[1] теперь не могу — не взыщите[2]. Поклон мой супруге Вашей[3].

Вас уважающий

В. Верещагин.

35. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

25 мая 1880
Рыбинск

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Вчера только перед отъездом из Москвы получил Ваше письмо, адресованное в Париж и сделавшее, таким образом,

два конца. Не могу теперь пожертвовать на школу глухонемых [1], как ни сочувствую этому Вашему делу, как и другим, потому что уже разбил много денег и могу только пожалеть, что не знал об этой надобности раньше. Чтобы Вы верили моей искренности, скажу Вам, что даже помощь школе, устраиваемой в память покойного отца моего [2], я отложил до другого раза, до следующего случая продажи моих работ. То, что имею теперь, необходимо мне для занятий, поездок и т. п., что все, как Вы знаете, очень кусается. Засвидетельствуйте мое искреннее уважение супруге Вашей и передайте ей мое сожаление, что не могу теперь же записаться в число «жертвователей».

Прошу Вас, Павел Михайлович, принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Дело, о котором я с Вами говорил при свидании, даже не потребует больших затрат, потому что здание, находящееся теперь на известном Вам месте, отлично годится с небольшой переделкой для известной цели [3]. Может быть и дёшево и сердито.

36. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

8 июня [1880]

Благодарю Вас, многоуважаемый Павел Михайлович, за уведомление обо мне Жемчужникова [1].

Позвольте посоветовать Вам повесить маленький этюд «Мечеть в Дели вечером» на первый Ваш щит (где «Биль», священник Парси и др.) посередине его, наверху на место снежного пика, который у Вас там теперь висит [2], в случае же если он Вам совсем не идет — пришлите этот этюд мне обратно, с удовольствием возьму его по той же цене, то есть за 500 руб[лей].

Вас уважающий

В. Верещагин.

37. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

15 августа 1880
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

На днях В. М. Жемчужников сообщил мне желание Ваше получить теперь условленные к платежу в сентябре

или октябре оставшиеся за мною десять тысяч рублей («Мечеть в Дели вечером» — я возвращу). Заплатить здесь для меня удобнее, так как, к крайнему моему сожалению, мне не удастся осенью побывать у Вас в Париже, но исполнить это не могу ранее начала или половины сентября.

Покорнейше Вас прошу написать мне, что Вы желаете, чтобы деньги были заплачены Владимиру Михайловичу. Очень бы интересно узнать от Вас о Вашем здоровье и что Вы творите в настоящее время.

Искренне желаю Вам всего доброго.

Ваш преданный

П. Третьяков.

38. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

25 августа/6 сентября [*1880*]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Вы хотите приехать осенью сюда и отдать мне деньги, но так как осенью меня здесь, вероятно, не будет, то я просил В. М. Жемчужникова попросить Вас передать деньги ему или банкиру, а также известить Вас, что, по всей вероятности, не застанете меня в Париже. О передаче денег раньше обещанного срока не было и речи — верно, В[ладимир] Мих[айлович] меня или Вы его не так поняли. Да, пожалуйста, перешлите деньги Владим[иру] Михайловичу Жемчужникову, который передаст их в банк.

Относительно Вашего вопроса о том, что именно пишу, скажу только, что занимаюсь, а об остальном помолчу, как потому, что не люблю вперед говорить о своих работах, так и потому, что искренне считаю мои теперешние работы вещами малопонятными и малосимпатичными для Вас и для многих хороших людей, не видевших войны совсем близко.

Как мой «исторический» священник, служащий панихиду [1], будущие работы принесут мне, вероятно, немало неприятностей.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Мою маленькую картину «Вечер в Дели» пошлите, пожалуйста, теперь же по моему адресу.

39. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

13 октября [*1880*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я послал уже Вам в Москву письмо, обеспечивающее отдачу Вам ссуженных мне 10 000 руб[лей] с процентами из первых денег, вырученных от продажи моих работ, мною лично при моей жизни и моим душеприказчиком в случае моей смерти.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

Еще раз благодарю Вас за деньги Ваши, благодаря им я могу теперь быть более покойным.

40. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

5/17 ноября [*1880*]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

По возвращении из Болгарии я не нашел дома, против ожидания, маленькой картины «Мечеть в Дели вечером», которую Вы хотели выслать мне,— пожалуйста, не замедлите это сделать, адресуя: Maisons Laffitt, Seine et Oise.

Не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии, в особенности холмы, окружающие Плевну, давят воспоминаниями. Это сплошные массы крестов памятников, еще крестов и крестов без конца. Везде валяются груды осколков гранат, кости солдат, забытые при погребении. Только на одной горе нет ни костей человеческих, ни кусков чугуна, зато до сих пор там валяются пробки и осколки бутылок шампанского,— без шуток. Вот факт, который должен остановить на себе, кажется, внимание художника, если он не мебельщик модный, а мало-мальски философ. Незачем кого-либо именно винить, но задуматься есть над чем. Так я и собрал на память с «закусочной» горы несколько пробок и осколков бутылок шампанского, а с Гривицкого редута, рядом, забытые череп и кости солдатика да заржавленные куски гранат.

Не взыщите, что высказал мое впечатление,— знаю, что рассуждения этого рода «не Вашего романа», слишком отвлеченны и туманны.

Свидетельствую Вам мое уважение, также и супруге Вашей.

В. Верещагин.

41. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

15 ноября 1880
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Ваше распоряжение о высылке «Мечети в Дели» я нашел по возвращении в Москву 12 октября, также и письмо Владимира Михайловича, в котором он просит следуемые Вам деньги заплатить Ф. П. Неронову[1]; из этого же письма я узнал, что Вы в Болгарии, вот почему я остановился отправкой; теперь я вышлю очень скоро, на днях, как только поправится захворавший мой смотритель галлереи Андрей[2].

Деньги десять тысяч я заплатил г. Неронову 3 ноября, о чем Вы, наверно, уже извещены им. Письмо мое прошу возвратить. Извините, по настоящим трудным делам не мог ранее уплатить.

Глубоко благодарен за то, что поделились в письме 11 с[его] м[есяца] впечатлением от обзора полей сражения в Болгарии.

Желая Вам всего доброго, остаюсь преданнейшим Вам

П. Третьяковым.

42. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

20 ноября 1880
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Писал Вам на днях. «Мечеть в Дели вечером» послал к Вам 18 числа, через транспортную контору Иг. Розенталь, вд[ова] и К°[1].

Разрешаете ли Вы копировать ученикам и любителям с Ваших картин и этюдов, находящихся в Москве?

Какие из Ваших произведений желаете поместить на предстоящей здесь художественно-промышленной выставке?[2]

Ожидая ответа Вашего, остаюсь Вашим искренне преданнейшим

П. Третьяковым.

43. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

30 ноября/12 декабря [1880]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Картинку еще не получил. Помнится, Вы говорили мне, что находящиеся у Вас работы мои Вы не будете выстав-

лять на большой выставке, что меня порадовало, ибо бессмысленная расстановка собак, голых женщин, попугаев, Кельнского собора и телят и проч. и проч. претит, вероятно, не одному мне. Я просил Вас тогда отстоять и туркестанские мои работы — коли не так делается, как мы с Вами говорили, значит, лучше нас знают, что и как надобно делать.

Вас уважающий

В. Верещагин.

44. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

4/16 декабря [1880]

Забыл сказать Вам, Павел Михайлович, что копировать с моих этюдов можно. С этим спешу сказать Вам, что хотя Ваше письмо еще не отыскалось, но удостоверяю, что должные Вами 10 000 руб[лей] (десять тысяч) я получил сполна.

Свидетельствую Вам мое уважение.

В. Верещагин.

Мой поклон супруге Вашей.

Как найду письмо, так порву и пошлю Вам.

45. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

22 февраля/6 марта [1881]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Позвольте попросить Вас прислать мне некоторые из принадлежащих Вам этюдов моих [1]. Теперь же желательно бы иметь № 11, 12, 15, 55, 59, 85 [2], итого 6.

Еще прошу Вас употребить Ваше влияние на то, чтобы мне были даны Обществом [3] в конце года некоторые из моих туркестанских работ для выставки в Париже. Сочту за обиду, если такая простая натуральная просьба не будет Обществом уважена.

Картины приму на полные мой риск и ответственность и пришлю отсюда человека для укладки; свертывать на вальки не буду; рам совсем не возьму.

Пожалуйста, Павел Михайлович, дайте мне ответ и примите уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин.

Мой поклон супруге Вашей.

Хорошо бы получить также № 83, находящийся у С. М. Третьякова, если не ошибаюсь [4].

46. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

24 февраля/8 марта [1881]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Дмитрий Петрович Боткин уведомил меня, что *они*[1] не разрешают мне выставлять мои работы в Париже, хотя, разумеется, ответственность за всякую порчу, могущую случиться при перевозке, я принимаю на себя. Я уведомляю Дмитр[ия] Петров[ича] прилагаемым в копии письмом[2], что должен буду обратиться за разрешением вопроса к суду, так как помню хорошо, что при продаже все права автора были за мною выговорены г-м Гейнсом[3]:

«М[илостивый] г[осударь] Дмитр[ий] Петрович. Спешу протестовать против Вашего заявления, что Вы не признаете удобным дозволить мне выставить мои работы в Париже. Я дал свое согласие г-ну Гейнсу на продажу картин *Вам,* как представителю в Петербурге кроме Вас самих еще гг. Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых.

Какие бы ни были причины, побудившие Павла Михайловича оставить всю коллекцию картин за собою одним, я остаюсь при выговоренном за мною пользовании правами автора, из которых одно из первых, разумеется,— право выставлять свои работы (с принятием ответственности за целость и сохранность их).

Очень буду сожалеть, Дмитрий Петрович, если Общество не найдет возможным снять такой несправедливый запрет с моих картин, ибо принужден буду обратиться за разрешением этого недоумения к суду.

Примите и проч.»

Я уверен, Павел Михайлович, что Вы найдете законным мое скромное требование.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Я именно для того и хлопотал о продаже всей коллекции в одни руки, чтобы иметь возможность пользоваться при всякой надобности.

47. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

11 марта 1881
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Возвратясь из Петербурга, нашел Ваше письмо от 6 марта/22 февраля. Этюд № 83, о котором было условлено,

завтра же отправляется к Вам через экспед[иционную] контору г. Иг. Розенталя вд[ова] и К°.

Некоторые из туркестанских работ, которые Вам понадобятся, я непременно устрою, то есть обещаю Вам — будут даны; только прошу известить меня теперь же, на какое время они нужны. Шесть же этюдов я покорнейше Вас прошу не требовать, они мне нужны. Не пишу более, потому — спешу: сию минуту еду в Кострому [1].

Ваш искрен[не] пред[анный]

П. Третьяков.

48. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

15/27 марта [1881]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

На всякий случай пишу Вам еще раз просьбу мою дать мне возможность выставить здесь, в Париже, некоторые из туркестанских работ моих. Д. М. Боткин писал мне, что Общество не решилось выдать картины в виду того, что они могут подвергнуться порче, а также и потому, что Вы, жертвователь, *не высказывались.* Первое недоразумение совершенно устраняется тем, что я обязуюсь выдать засвидетельствованное в консульстве здешнем удостоверение в том, что возьму картины на мой полный риск (с обязательством исправить все самые незначительные порчи, если бы таковые случились).

Против второго затруднения, то есть Вашего согласия, легко можете подействовать Вы.

Не забудьте, Павел Михайлович, что только по непростительной ошибке Гейнса условие дать мне картины для выставки не было включено в продажную запись; напомните также, как справедливо желание художника познакомить — до смерти своей — со своими произведениями.

Я уверен, что Вы не откажетесь исполнить такую горячую просьбу мою, не захотите обидеть меня.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

49. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

23 марта/4 апреля 1881

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Принимаю к сведению Ваше обещание и благодарю Вас за него. Картины понадобятся, вероятно, зимою.

Из этюдов, пожалуйста, пришлите еще № 59 — «Ворота Ала-уд-дин в Стар[ом] Дели».

Красный этюд [2].

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

50. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

11 апреля 1881

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Хоть расказните — не могу прислать этюд: публика ходит каждый день, все еще знакомится, не могу снять ни одного из выдающихся этюдов.

Вы сказали, что туркестанские потребуются зимою, мне нужно бы знать, на какой примерно срок? Не откажите сообщить.

Благополучно ли дошел этюд?

Имею честь быть Ваш преданнейший слуга

П. Третьяков.

51. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

17/29 апреля [1881]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Этюд, который я прошу, далеко не из лучших, так что пустое место будет еще интереснее — и пошлите этюд — очень нужно. Картины понадобятся, как я говорю, зимою, около 15, 20 ноября нашего стиля они должны быть уже в Париже; в конце февраля могут быть назад в Москве.

Коли можно будет оставить их дольше, хорошо, а нет так нет, исполню условие в точности.

Может быть, будет писать Вам насчет подробностей В. М. Жемчужников: нужно ли присылать человека для укладки отсюда или найдется знающий дело и в Москве. Ранее посылать не нужно, картины же положить в ящики *не свертывая*, на подрамках, лишь ослабивши полотна. Если, несмотря на старания, что-либо повредится, попортится в полотнах — я исправлю. Картинка «Дели вечером» пришла благополучно, она теперь висит в комнате у жены моей, которая ни за [какие] коврижки не расстанется с нею. Помните, Павел Михайлович, что для московского глаза или петербургского — все равно — краски и свет южных широт просто невыносимы. Я уверен, что, перенесенный в Бомбей

хотя, вы не могли бы без серьезной боли в глазах смотреть на тамошние синие, зеленые, красные, желтые цвета. Наши многомудрые художники, не видавши ничего дальше Валаама и Крыма, не затрудняются, однако, произносить приговоры над тем, о чем не могут иметь понятия. Замечательно, что упреки в красочности идут от чисто северных жителей даже здесь; более освещенные солнцем и более его видевшие у других не находили этого.

До свидания.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Новый этюд тоже пришел благополучно.

В. В.

52. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

26 июня 1881

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Вчера, возвратясь в Москву, нашел Вашу телеграмму, на которую и отвечал: «Au mois de Juillet Vous pourrez bien prendre les tableaux» *.

Ваше письмо от 29 апреля пришло в мое отсутствие из Москвы, и в то же время, когда возвратился, был запрос от В. М. Жемчужникова [1]; ответив ему, я уже не отвечал Вам, в чем очень извиняюсь.

Вам нужно прислать формальную доверенность [2] на принятие картин, обозначив, какие именно и на какое время и проч.

Ваш искренне преданный

П. Третьяков.

53. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

25 июля 1881

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Александр Васильевич ** приехал вместо четверга в пятницу, то есть днем позже, и, несмотря на то, когда пришла Ваша телеграмма о рамах, то картины были почти уже уложены. Ваша телеграмма передана так: «Priere envoyen Paul tableaux en cadre pr. conversation» [1]. Хотели было по-

* — «В июле месяце Вы можете вполне взять картины» (*франц.*).

** Верещагин.

сылать все рамы, но, убоясь громадности веса, Александр Васильевич решил переспросить Вас телеграммой; получа ответ, что только маленькие должны быть в рамах,— картины были немедленно отправлены, так как маленькие и были уже ранее упакованы в рамах. Без рам пошло 13 картин. В четверг 23 числа Александр Васильевич уже уехал.

Этюд, принадлежащий брату *, Вы можете оставить, пока он Вам нужен.

Очень интересно знать, где, то есть в каком городе, и когда начнется Ваша выставка.

Желая Вам всего доброго, имею удовольствие быть Вашим покорнейшим слугою.

П. Третьяков.

54. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

29 июля/10 августа [*1881*]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Не будете ли добры дать мне на 2 месяца этюды: 11, 15, 29, 59. Думаю, можно бы послать их без рам, положивши между холстиками *пробки* или деревянные гвоздики [1].

Если можно, пошлите этюды теперь же; коли не можете дать 4-х, пошлите хоть 2 — 29 и 59.

Четыре-то лучше бы.

Вас уважающий

В. Верещагин.

С пересылкою этюды будут в отсутствии около 3-х месяцев.

Без рам можно послать по почте.

55. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

30 июля/11 августа [*1881*]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Получил Ваше письмо и сегодня же получил телеграмму, извещающую о том, что большой ящик *нейдет в вагон*,— велел послать на платформе, но с тем чтобы укутали хорошенько от дождя и ветра. Картины эти выставлю здесь в Париже; очень бы хотелось выставить еще в другом месте, но это возможно лишь в том случае, если продлите срок — нет ли возможности дать *некоторые из них* на более долгий

С. М. Третьякову.

срок? Ведь они уже известны, а если нужно что-либо на московскую выставку[1], то нет надобности ставить все вместе, достаточно и там в свою очередь *нескольких* картин. Если только есть возможность, то не откажите. Предупреждаю, впрочем, что если *нельзя никак,* то вышлю как было условлено, то есть к февралю.

Писал Вам на днях, просил послать 4 индийских этюда сроком на 2 месяца, что вместе с посылкою и отсылкою займет около 3-х.

Можете быть уверены, Павел Михайлович, что через 3 месяца, а может быть, и ранее они будут у Вас назад. Эти лучше послать без рам, переложивши пробками или двойными гвоздиками.— С времени последней моей выставки в Питере[2] написал всего 3 картины[3],— как видите, старость и для меня не радость. Этюд, принадлежащий Сергею Михайловичу, постараюсь освободить возможно скорее.

До свидания, Павел Михайлович. Вас уважающий

В. Верещагин.

Да не сетуйте, Павел Михайлович, на то, что краски Индии резко разнятся от красок Тамбовской губернии. Вы-то, впрочем, понимаете эту разницу, но наши мудрецы!!

56. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

17 августа 1881

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Четыре индийских этюда посланы к Вам через Иг. Розенталь вд[овы] и К° 14 числа, скорым поездом; уложены очень аккуратно и без рам, как Вы желали; хотя лучше бы было эти послать с рамами.

Очень беспокоюсь о картинах, находившихся в ящике, не поместившемся в вагоне, так как они подвергались и жару и сырости. Пожалуйста, уведомьте, как дошли и не было ли какого повреждения? Вы не раз упоминали, что обязываетесь могущие быть повреждения — исправить. Но как бы ни была искусна поправка, со временем она окажется пятном. Что касается до срока, то вместо февраля можно продлить до апреля, только бы были в безопасности. Не можете ли Вы мне сказать — не будет ли Вашей выставки где-либо в сентябре, октябре или ноябре? И где будут выставлены эти четыре индийских этюда?

Преданный Вам

П. Третьяков.

57. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

12/24 августа 1881

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я делаю выставку моих работ в Вене с 15 октября по 15 ноября здешнего стиля, то есть с 3-го по 3-е нашего. Очень бы хотел выставить также некоторые из индийских этюдов, Вам принадлежащих, список которых по бывшему моему каталогу прилагаю: № 1[x], 6[x], 8[x], 9, 10, 11[x], 12, 13[x], 17[x], 18[x], 23, 24[x], 26[x], 27, 28[x], 31, 40, 51[x], 54[x], 58, 84[x], 97[x], 121[x], 125[1]. Если Вам невозможно прислать все помеченные, то, будьте добры, пришлите хоть те, около которых поставлены крестики. Никакого изъяна не будет не только на этюдах, но и на рамах. Картины же, как Вам известно, не только не потеряют от выставок, но, конечно, выиграют в известности и в цене. Их можно адресовать по grande vitesse*, или ко мне, или еще лучше прямо: genossenschaft der Bildenden Künstler. Wiens. Künstlerhaus Lothringerstrasse 9. Wien **

Если только есть возможность, Павел Михайлович, не откажите сделать это. Другие лица, приобревшие мои работы, уже обещали мне выслать то, что я просил.

Свидетельствую Вам, Павел Михайлович, мое уважение.

В. Верещагин.

Этюды лучше посылать прямо в Вену, где их примут и сохранят старательно.

58. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

23 августа/4 сентября 1881

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я уже писал Вам, что буду делать выставку в Вене от 3/15 октября до 3/15 ноября; просил при этом Вас послать прямо в Вену некоторые этюды: № 1, 8, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 23, 24, 26, 27, 28, 31, 40, 51, 54, 57, 58, 60, 84, 97, 121, 125. Все это должно идти в самые верные руки — Secretariat des Künstlerhauses Lothringerstrasse № 9. Herrn Walz, Wien.

Конечно, работы эти только выиграют от известности, тем более что будут помечены как принадлежащие Вашей галлерее.

---

* — большой скоростью (*франц.*).

** — Художественное общество в Вене (*нем.*).

Думаю, что достаточно послать их малой скоростью, если они могут поспеть в Вену к концу нашего сентября.

Некоторые, то есть 2 или 3 туркестанские картины, дозвольте оставить до лета. Остальные пришлю к февралю или марту. Ведь на большую выставку достаточно и нескольких, если уж непременно захотят их таскать туда — пожалуйста, разрешите.

Не откажите и этюды для Вены, другие владельцы уже обещались послать им принадлежащие работы.

Вас уважающий

В. Верещагин.

После Вены туркестанские мои работы вместе с 4 новыми картинами из последней войны будут выставлены в Париже.

59. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

15/27 сентября 1881

Многоуважаемый Павел Михайлович

Очень Вам благодарен за посылку этюдов. Ответьте, пожалуйста, можно ли будет удержать некоторые (2 или 3) картины из туркестанских до лета?

Вас уважающий

В. Верещагин.

60. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

17/29 сентября 1881

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Этюды индийские пришли в добром порядке, также и туркестанские картины. На последних, на некоторых холстах средней величины, были следы воды, совершенно теперь сошедшие; на просмоленной бумаге внутри ящиков, на рогоже снаружи не было, так что дело сошло еще счастливо.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

61. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

2/14 октября [1881]
Вена

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Позвольте высказать Вам вместе с благодарностью за присылку этюдов мое удивление по поводу ужасной укладки их. Дивлюсь, как большая часть этюдов осталась целою и

нетронутой. В некоторых ящиках была буквально каша из черных ящиков, холстов, досок, гвоздей, винтов и т. п. Все, начиная мною и кончая рабочими, ужаснулись такой укладке. Некоторые этюды получили царапины, *которые я уже заправил*, но ведь, Павел Михайлович, все этюды до одного могли бы быть буквально перепорчены. Ни один — слышите ли — ни один холст или доска не были прикреплены, и потому все выскочили; ни одна рама не была укреплена в черном подрамке. За что это мне была такая угроза — угроза до конца дней моих — не выйти из долга Вам! Еще раз поблагодарю Вас и крепко попеняю Вам. Брат мой, вынимавши этюды, спас некоторые от угрожавших им со всех сторон гвоздей.

Словом, я только что вздохнул от урока, заданного мне этой укладкой. Ни за что не позволил бы так положить картины в ящики тот человек, которого я присылал. Никогда ни одной картины не поручайте, Павел Михайлович, укладывать тем людям, которые укладывали и надсматривали за укладкой этот раз.

Выставка моя откроется лишь 14/26 октября.

Вас уважающий

В. Верещагин.

62. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

10/22 ноября 1881

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Следующая выставка моя будет в Берлине в феврале и марте м[есяце].

Вас уважающий

В. Верещагин

Поклон супруге Вашей.

63. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

23 февраля 1882

Спешу успокоить Вас, многоуважаемый Павел Михайлович, тем, что никаких особенных бед с картинами, Вам принадлежащими, не случилось. Все, что может быть поцарапано в дороге, в Москве (чего, надеюсь, не будет) обязуюсь исправить, заправить и выправить.

Если бы что-либо незначительное и осталось, то с другой стороны, напр[имер] в «Самаркандской тюрьме» я переписал воздух (и Вам придется только тронуть его немного лаком), переписал не потому, чтобы была там порча, а потому, что старую струю воздуха я нашел недостаточно сильною.

Думаю, если успею, тронуть перед отправкою и некоторые другие холсты — чуть-чуть.

Имя Ваше произносится с таким уважением, чуть не благоговением, что Вам смешно сделалось бы, если бы Вы услышали. Картины будут стоять в Берлине до начала нашего апреля [1].

Если у Вас есть несколько дней, свободных, то не грешно приехать посмотреть выставку, порядочно перебудоражившую Берлин. Если скажете, когда приедете [2], то и я приеду туда ненадолго. Кстати, увидите премилую картинку, которую я подарил здешней наследной принцессе [3], и еще некоторые, которые, вероятно, в Россию не попадут.

До свидания.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Картинку за 3000 не отдам, потому что, по моему мнению, она стоит больше — очень сожалею [4].

64. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

4/16 марта 1882

Я писал Вам, многоуважаемый Павел Михайлович, о том, что 4 индийских этюда, посланные в Maisons Laffitte, пришли в добром порядке, что и справедливо; об том же, что все этюды хорошо пришли, вряд ли мог сообщить Вам, верно, Вы перемешали.

Напишите мне в Берлин, Kroll's Theater [1], желаете ли Вы иметь коллекцию фотографий больших или маленьких с картин моих — с удовольствием вышлю. Еду в Берлин на неделю. Надеюсь скоро — это между нами — уехать в большое путешествие [2].

До тех пор очень бы хотел получить ненадолго *альбом* с моими дорожными рисунками, *для снятия некоторых из них.* Кстати, Вы могли бы мне поручить заказать здесь для них большой альбом с passe-partout, которые будут предохранять рисунки от трения. Это необходимо в Вашем интересе и интересе рисунков. Застрахуйте альбом, разумеется на

мой счет, и адресуйте в Maisons Laffitte, пришлю назад вместе с другими картинами тотчас по окончании Берлинской выставки.

Вас уважающий

В. Верещагин.

65. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

22 марта 1882

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Пишет мне Стасов, зачем отдаю картины в руки иностранцев и проч., с Ваших как будто бы слов[1]; но надо Вам сказать, что, получивши приглашение прислать для продажи мои картины от торговцев всей Европы (буквально), я не решался еще продавать, так желательно мне оставить картины мои в Вашем, напр[имер], или в чьем-либо подобном владении — видите, как я говорю откровенно. Если Вам «Дервиши» нравятся, пошлите мне за них 10 000 франков, покамест они еще не включены в каталог, я могу ими располагать.

Из Берлина надеюсь картины послать прямо к Вам в Москву. С некоторых индийских этюдов (что были посланы в Париж, 4) делаю картины и их пошлю, может быть, чуть-чуть позднее, но надеюсь не опоздать.

Я послал бы их и раньше, как хотел, но негодные выставки не дают мне работать.

Черкните относительно дервишей[2] Вам — *да* или *нет*.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Поклон Вашей супруге.

66. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

9 апреля 1882

Извольте, Павел Михайлович, я подарю Вам часть стоимости моих «Дервишей» — и прошу верить, что побуждает меня к этому лишь желание отблагодарить Вас за Ваше любезное одолжение туркестанских картин для выставки. Немного есть также, каюсь в том, и желания приобщить эту характерную картинку к ее собратам туркестанцам. Брат мой посылает Вам ее на днях.

Купили ли Вы у Нарышкина[1] этюд мой «Монастырь Хемис» — это, по мнению моему, один из лучших этюдов моих. Нельзя ли получить от Сергея Михайловича *Маленькую повозку* и еще несколько небольших этюдов для выставки? Имеющийся у меня его этюд *Гробница святого* будет скоро отослан ему, ибо скоро окончу картину, что с нее начал. Ваши 2 этюда *Красная дверь* и *Дворец в Дели* чуточку задержу, так как замешкался с проклятыми выставками.

Сколько требований было продать Ваши этюды! Сколько просьб со всей Европы присылать картины для продажи *ввиду большого на них требования*, я сказать Вам затрудняюсь.

В Германии почти вовсе не ругались, только одна газета сказала, что я *гениален*, но не *гений*,— и то не худо[2].

Кланяйтесь супруге Вашей.

Кабы был богат, подарил бы ей массу картин, да так что не могу (Ф. Ф. Львов[3] говорил мне, что супруга Ваша большой художник-музыкант).

67. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

1 мая 1882
Maisons Laffitte

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я так был болен, что как будто из гроба вышел теперь. Картины туркестанские и этюды индийские Вам посланы. Обратите внимание на то, что тот, кто отпускал туркестанские рисунки, немало попортил их, выставивши на другой стороне *самих рисунков* номера. Это сделано им так грубо, с таким росчерком, что местами бумага просто продавлена, а точки, которые эта же бойкая рука сочла нужным прибавить к каждому номеру, почти везде продырявили рисунок. Если Вы не будете в состоянии поправить это в Москве, то пошлите мне все эти испорченные рисунки сюда в Maisons Laffitte, я отдам хорошему наклейщику, и он исправит так, что ничего не будет видно. Получила царапину картина «Торжество», но исправлена, с другой стороны, давнишняя дыра на картине «Двери Тамерлана» мною лично заправлена; также переписал воздух в картине *«Самаркандская тюрьма»*, которую рекомендую Вам покрыть легким лаком, то есть с большим количеством терпентина. Впрочем, если есть какие изъяны, я в первый же приезд в Москву исправлю их.

Есть еще несколько туркестанских этюдов у меня, которые не решаюсь заколотить в ящики во избежание шума молотков — голова моя после болезни еще слаба и в тумане.

Некоторые индийские, пожалуйста, оставьте еще на некоторое время; снова помешала окончанию начатых с них картин болезнь моя, продолжающаяся вот уже месяц.

Альбом показывал Тургеневу[1] и Claretie[2], оба они в восторге, прилагаю несколько строк Claretie[3] по этому поводу, Вам они будут, вероятно, интересны как искреннему любителю искусства.

Уполномачиваете ли Вы меня заказать новый альбом с passe-partout для каждого рисунка, тогда рисунки *не будут вовсе дотрагиваться один до другого,* а это желательно, так как, несмотря на всю Вашу осторожность в обращении с альбомом, я заметил положительно большую разницу в силе многих набросков; они стерлись несомненно и скоро совсем пропадут.

Множество моих альбомов раскрадено, пока вещи мои хранились у Беггрова[4], это я утверждаю положительно, пишу В. В. Стасову с просьбою направить поиски на чердаки Беггрова. Украдено почти столько же, сколько наклеено в принадлежащем Вам альбоме. Впрочем, у меня есть еще громадный альбом с массою рисунков начиная с 1853 года; если будете здесь, покажу Вам его.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Поклон мой супруге Вашей.

68. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

3/15 мая 1882

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Дайте поскорее, поскорее ответ, желаете ли Вы взять обоих всадников[1] за 7500 рублей (семь тысяч пятьсот)? Вероятно, я буду в состоянии взять эти картины после гамбургской выставки (до дрезденской), хотя это и будет нарушением моего условия с провожающим картины мои немцем.

Пожалуйста, имейте в виду, что одного Вашего слова о том, что это дорого, достаточно,— и речи более не будет о продаже.

Гамбургская выставка мала, жалею, что Вы не видели венской[2] или берлинской, из которых действительно выходили с сильным и цельным впечатлением, что, как Вы знаете, не всякому не всегда и не везде удается достигнуть.

Кланяйтесь Вере Николаевне от меня и Лизаветы Кондратьевны [3].

Вас уважающий

В. Верещагин.

Не распространяюсь о том, что лично для Вас решусь взять с выставки помянутые картины.

69. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

13/25 мая 1882

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Картинки пошлются Вам в конце будущей недели — пошлите деньги или на Comptoir d'escompte de Paris *, или через Вашего банкира, все равно.

Вряд ли буду в состоянии отдать Вам эскиз *Бурлаков* [1], так как все старые этюды мои вытаскиваю из рамок и наклеиваю в альбом, начало которого Вы у меня видели и в котором будут рисунки мои с 1853 года. *Очень сожалею*, что попавшие к Вам *Бурлаки* не попадут в этот альбом.

Так как Вы видели мою выставку, то скажите, понравились ли Вам мои *новые картины* [2]. За «Перевязочным пунктом», между нами сказать, я крепко бился; почти уже кончивши, все снова переписал, рубашки на мундиры и обратно. Чуть не каждый день собирался рвать ее, но в конце концов, кажется, добился того, что и правда не утеряна и глазу не больно смотреть на эту пестроту рубах и мундиров — задача нелегкая, как видите, потруднее эффектов восточной жизни с заранее прибранными цветами и тонами.

Кланяйтесь Вере Николаевне и перекусайте за меня всех Ваших детишек.

Вас уважающий

В. В.

Поблагодарите Сергея Михайловича за то, что терпеливо ждет этюда, пришлю очень скоро, так как почти уже кончил картину с него.

70. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

30 мая/11 июня 1882

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я просил Вас поскорее дать мне ответ, так как брат мой [1] уже почти обещал отдать *Белого всадника* [2] одному немцу,

* — банкирская контора (*франц.*).

давно уже давшему ему свое имя и адрес с просьбою непременно продать ему эту картинку. Так как и денег я получил бы более, чем от Вас, то я думаю, что сделал Вам достаточную уступку.

Подарить эскиз и этюды не могу, потому что они идут в мой громадный альбом, представляющий полную историю развития моего художественного дарования и образования. Кто же захочет приобрести этот труд мой, если я повыдергаю из него то, что может представить наибольший интерес, то, что почуднее, пооригинальнее; и эскиз *Бурлаков* и *Пьяный мужик* и др. принадлежат именно к этому разряду очерков.

За совет не хворать благодарю и Вас и Веру Николаевну, но уже довершите благодеяние, напишите, как это сделать?

Писал брату Александру Васильевичу, чтобы послал *Всадников,* предохранивши рамы от толчков дорогою, так, вероятно, и сделается.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Остальные этюды посланы давно уже, вслед за Вами.

71. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

31 мая/12 июня 1882

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Картинки посланы Вам неделю тому назад, увернуть рамы не нашли возможным.

Потрудитесь выслать деньги.

(Курс очень набьем).

Вас уважающий

В. Верещагин.

72. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

24 июня/6 июля 1882

Как можно сердиться, многоуважаемый Павел Михайлович, за то, что Вы высказываете Ваше мнение; одна картина Вам нравится более, другая менее, это совершенно натурально. Деньги получил и велел навести справку о ящике Ваших этюдов (туркестанских). Если можно, повесьте всадников на

стену, а не на простенки, где свет несравненно хуже, потому что идет не только со всех сторон, но и немного — более или менее сзади. Надобно сказать, что индийские этюды много выиграли бы на *стене*.

Альбом Ваш начат переклейкою, будет стоить в новом виде 500 фр[анков] приблизительно, но Вы будете вполне довольны, я уверен.

В. В. Стасов попросит, вероятно, позволения снять некоторые индийские этюды — не откажите облегчить по возможности фотографу его работу [1].

Кланяйтесь Вашей супруге и примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Замечание Ваше о том, что для здоровья надобно меньше заниматься, очень верно; когда я ничего не делаю, я совершенно здоров, а как начну малевать, так все буквально начинает болеть.

73. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

30 июня/12 июля 1882

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Будьте так добры, прикажите сходить в фотографию Канарского спросить группу Скобелева [1], брата моего и еще некоторых офицеров, за которую брат мой дал задаток в 25 руб[лей], как видно из прилагаемой расписки. Если можно, возьмите еще один экземпляр группы для меня. Коли заплатите, черкните — вышлю деньги.

Не должен ли Вам я еще чего-нибудь? Напишите, пожалуйста, без церемоний, деньги ведь любят счет.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Я телеграфировал Вам, просил подробностей о смерти Скобелева — не откажите. Поди, император [2] сожалеет теперь, что шельмовал его.

74. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

6/18 августа 1882

Многоуважаемый Павел Михайлович.

По немощи телесной кончил только 2 картины с этюдов: *Красные ворота* [1], Вам принадлежащие, да *Белое мраморное*

окно[2] Сергея Михайловича. Скоро их пошлю Вам. *Дворец в Дели*[3] начат, но не в силах окончить его теперь, до отъезда в путешествие. Посылать ли мне Вам этот этюд в надежде, что после получу еще на несколько времени, или позволите его оставить у меня в мастерской, до моего возвращения[4], когда первым делом кончу его?

Красный домик[5] также не окончен, пошлю его тоже скоро.

Альбом в работе, правду сказать, хлопотливой для меня; для дешевизны взял рабочего на дом, и все-таки лист обойдется в 11 франков, да завтрак; так что можно считать 13 франков, всего листов 56, так вот без переплета уже 728 фр[анков].

Надобно считать всего не менее 800 франков. Зато, думаю, выйдет образцовый альбом.

Черкните же, пожалуйста,— посылать ли Делийский дворец или можно его здесь задержать, он в целости и сохранности.

Передайте поклон мой Вере Николаевне и примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

75. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

14/26 октября 1882

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я еду ненадолго, на 3 месяца, в Индию.

Если Вам угодно *Лошадку*[1], то напишите Лизавете Кондратьевне, она вышлет лошадку за 1000 франков.

Альбом уже почти готов, теперь можно пересматривать рисунки, не портя их; по возвращении я сниму с них несколько фотографий и потом пошлю к Вам.

Впрочем, если Вы захотели бы иметь их сейчас же, то напишите Лизавете Кондратьевне, она вышлет Вам оба альбома (прежний разделен на 2 части) с подставками. Альбом с подставками стоит около 1000 франков, немного ошибетесь, если вышлете эти деньги.

Если Вы возьмете альбом сейчас, то, пожалуйста, оставьте за мною право снять с них несколько фотографий у Вас в галлерее (для гравюр).

Мой адрес: Indes Anglaises, Bombay Poste restante.

Кланяйтесь от нас Вере Николаевне.

Вас уважающий, и весьма уважающий

В. Верещагин.

Сегодня мне стукнуло 40 лет. Отныне буду производить $1/4$ того, что производил до сих пор,— довольно лихорадок!

На случай если я подохну в Индии и у Вас будут несколько из моих новых картин, не забудьте, что перед каждой надобно иметь *три* или *четыре* метра расстояния, так как *они писаны в громадной мастерской.*

76. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

[Ноябрь 1882]
Бомбей

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Пожалуйста, пошлите на мое имя или на имя жены моей *десять тысяч рублей,* которые надеюсь отдать Вам в скором времени на условиях, которые Вы назначите. Если Вы не можете послать десять тысяч, то пошлите меньше, но *теперь же,* ибо я нуждаюсь в деньгах именно в настоящую минуту для поездки в Индию, а лица, должные мне, стеснены покамест.

Уверен, что Вы не откажете, пришлете, а Елизавета Кондратьевна перешлет мне через Comptoir d'escompte в Бомбей.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Засвидетельствуйте мое почтение Вере Николаевне.

Брат мой просит выслать ему на его 25 рублей, уже заплаченных, ту группу или те группы, что получше, по адресу: Brusselle, Palaix, des Beaux arts *

Позвольте посоветовать Вам вымыть *простым хорошим мылом* все туркестанские картины и в особенности *Торжество*; разумеется, надобно хорошо смыть мыло губкою 2 или 3 раза и *насухо* обтереть тряпкою или замшею — картины сбросят желтизну, станут много свежее.

В. Верещагин.

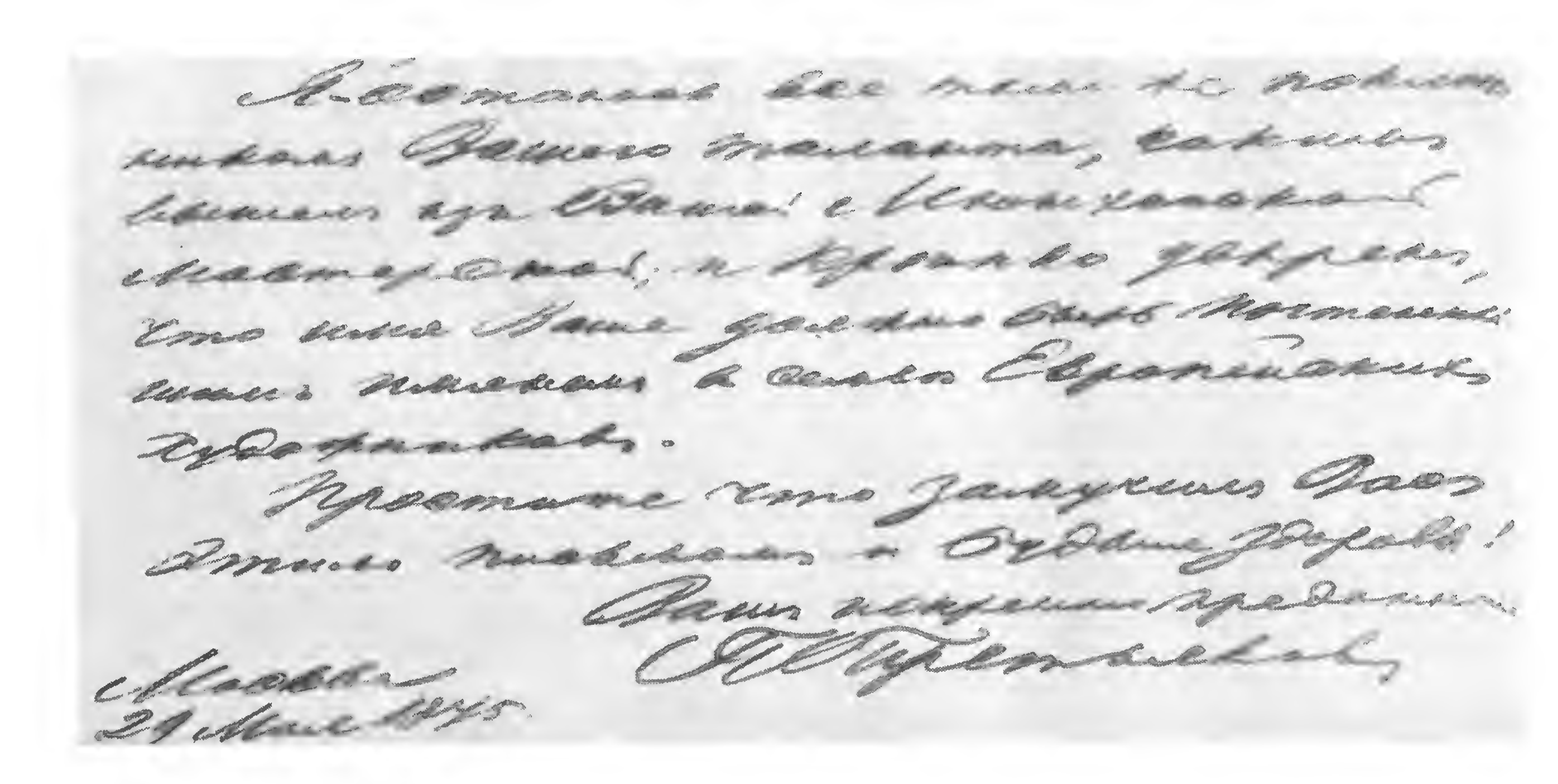
77. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

21 ноября/3 декабря 1882
Агра

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я писал Вам, просил прислать мне *небольшой капитал* в помощь поездке моей в Индию. Ковры есть удивительные,

* -- Брюссель, Дворец изящных искусств (*франц.*).

Я остаюсь все тем же почи-
тателем Вашего таланта, каким
вышел из Вашей с Исаакиевской
[illegible], и глубоко уверен,
что имя Ваше должно быть постав-
лено в числе Европейских
художников.
Простите что замучил Вас
этим письмом и будьте здоровы!
Ваш искренне преданный
П. Третьяков
Москва
29 Мая 1875

Из письма П. М. Третьякова к В. В. Верещагину от 29 мая 1875 года

Из письма В. В. Верещагина к П. М. Третьякову от 3 мая 1879 года

а капитала не хватает; если еще не послали, то пошлите, пожалуйста, на имя Елизаветы Кондратьевны — как только получу денег, так сейчас же и закажу ковры, которые составляют мою слабость (если хотите, ахиллесову пяту[1]). Альбом Ваш готов, но, если возможно, не берите еще его, так как придется снять фотографии с некоторых рисунков. Сделан он порядочно, и теперь можно его пересматривать, не рискуя испортить рисунки. Альбом состоит из 2-х частей, обе на деревянных подставках, которые и пошлю Вам вместе. Стоило это несколько дороже, чем я думал вначале, но эта работа не часто случающаяся, и вперед оценить ее трудно. Относительно картин, которые я советовал Вам вымыть мылом, предлагаю сделать это без опаски, я промыл многие из моих картин и удивлен был количеством *желтой* грязи, смытой с полотен, на туркестанских же должен быть буквально слой! Впрочем, коли боитесь, подождите, я когда-нибудь сделаю пробу перед Вашими глазами. Черкните мне по адресу India, Bombay poste.

Вас уважающий

В. В.

Поклон мой Вере Николаевне.

78. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

5/17 декабря 1882
Дарджилинг[1]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Известился о присылке Вами 25 000 фр[анков] — очень благодарен, теперь могу заказать некоторые ковры и кое-какие вещи из мрамора, которые здесь делают удивительно хорошо.

Елизавета Кондратьевна не присылала мне Вашего письма, по крайней мере я еще не получал.

Хотел послать мои картины в Америку (там много писали об них и уже возвестили мой приезд), списывался через посланника нашего, моего приятеля[2] по Памиру,— ничего не поделать, требуют за все пошлины. Если бы я сделал выставку в Москве, где мне можно достать помещение? Посоветуйте.

В небольших городах Европы выставки делать нет выгоды, едва хватает на пропитание. На случай, если бы я в самом деле приехал в Москву, пожалуйста, помогите и место найти и устроить выставку.

Разумеется, как буду у Вас, с удовольствием просмотрю №№ рисунков.

Как Вы нашли альбомы, которые так недурно можно рассматривать? Жаль только, что вы рано взяли их, как мне теперь снять фотографии с некоторых?

Черкните мне пару слов по адресу Bombay, письмо найдет меня, где бы я ни был.

Вас уважающий

В. Верещагин.

79. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

7/19 декабря 1882
Дарджилинг

Получил письмо Ваше, многоуважаемый Павел Михайлович, адресованное в Париж, и спешу сказать Вам, что к апрелю месяцу вряд ли я соберусь отдать Вам капиталы — разве если венгерцы [1] сойдут с ума и вместо 30—40 крейцеров будут вносить за вход по гульдену; так как этого, вероятно, не случится, то... Вы посмеиваетесь над моими должниками, а вот какие есть (хоть и не на большую сумму) — что я его прошу отдать хоть половину долга, а должник просит еще ему дать, для других уплат.

И вексель есть, да что в нем толку. За совет Ваш спасибо Вам, но ведь мне все равно с деньгами не бывать. Сергей Михайлович давно уже в Париже, но фотографий не привозил и не присылал, вероятно, думает, что не к спеху [2] — и то правда.— Альбомы Ваши, кажется, уже посланы Вам, так же как и лошадка.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Мой поклон Вере Николаевне.

Поблагодарить-то Вас за деньги и забыл.

80. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

31 марта [1883]
Петербург

Советую Вам, многоуважаемый Павел Михайлович, поставить *углом* и *Гробницу Тамерлана* на место *Трофеев,* которые следует перенести в комнату рисунков. Только я поставил бы не посередине, а ближе к дверям [1].

Покамест *Болгарская война* еще в моих руках, я предлагаю Вам взять ее всю, то есть 25 картин и 50 этюдов, за 150 000 руб[лей], как раз за ту цену, которую возьмет Мейссонье[2] за одну картину. Уплату рассрочу на 3, даже 4 года.

Если завтра, 1 апреля, после полудня не получу от Вас телеграммы, то буду считать себя и Вас свободными от всяких обязательств.

Очень буду сожалеть, если Вы и на этот раз ошибетесь и лучшие картины минуют Ваших рук. Если некоторые картины и останутся на моих руках, то с течением времени они не понизятся, а повысятся в цене, ручаюсь за это.

Ваши большие туркестанские полотна стоят теперь по 20 000 руб[лей] каждая.

Подумайте — душевно буду рад, если надумаете взять, и искренне буду горевать, если не осилите.

До свидания.

Вас искренне уважающий

В. Верещагин.

Европейская гостиница.

81. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

27 апреля 1883

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Едете Вы на дачу или остаетесь в городе? Если уедете, то мы заглянем к Вам на дачу, в противном случае явимся засвидетельствовать наше уважение Вам и Вере Николаевне в Ваш московский Люксембург[1].

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

82. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

20 мая 1883

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Двадцать шестого (26) мая утром картины[1] будут у Вас, потрудитесь приказать принять их, а также уведомьте меня, откуда я получу деньги за них. Прошу Вас также дать мне знать, что я должен Вам за починку рам, дабы вычесть этот долг из заплаченного мною за альбомы и подставки.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Поклон мой всем Вашим.

83. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

25 мая 1883
Москва

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Так как я очень скоро уеду, то желал бы получить деньги возможно раньше. Если это Вам все равно, то нельзя ли уплатить их завтра от 12—3 ч[асов]?

Картины придут к Вам завтра рано утром.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Коли для Вас это составляет разницу, то, разумеется, я подожду до субботы.

84. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

11 ноября 1883

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Отсутствие принадлежащей Вам картины моей «Перед атакою» составит проруху на предстоящей выставке картин моих в Питере [1], поэтому я решаюсь просить Вас прислать ее сюда на время выставки, *без рамы.*

Свидетельствую Вам мое уважение и прошу Вас передать мой поклон Вере Николаевне и почтенному семейству Вашему.

В. Верещагин.

85. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

13 ноября 1883

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Ради бога, простите, не могу исполнить Вашего желания: такой громадный был труд повесить картину по ужасной тяжести рамы, что я не решусь без крайней надобности переменить ее помещение. Кроме того, пересылка такой большой вещи, хотя и без рамы, опасна; да из открытого публичного собрания не следует выносить что-либо, а тем более такую крупную вещь. Очень интересуюсь, как Вы меня за это разругаете? Но что делать, уж лучше подвергнусь сей неприятной оказии.

С альбомами Вашими случилось несчастие: в июне из них вырезаны и украдены два рисунка. Вот и предоставляй после сего для общественного пользования. Ужасно жаль.

Жена и дочери кланяются Вам и Елизавете Кондратьевне, от меня также, пожалуйста, передайте глубочайший поклон.

Преданный Вам

П. Третьяков.

86. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

14 ноября 1883

Мы с Вами более не знакомы.

Верещагин [1].

87. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

9/21 февраля 1887

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Будьте добры прислать мне картину *Перед атакою* к началу нашего или в половине здешнего августа сюда, то есть отправить ее придется еще в июле.

Не знаю, читали ли Вы мою брошюрку «О прогрессе в искусстве» [1]. На всякий случай посылаю Вам ее, также и Сергею Михайловичу.

Позвольте посоветовать перемыть все мои этюды и картины (особенно индийские) водою с мылом и, разумеется, протереть затем хорошенько раза 2—3 чистою водою. Я забыл Вам сказать, что от электрического света, если не ошибаюсь, они все подернулись желтою пленкою, которая сойдет, как сошла с больших туркестанских полотен.

Мне предлагают выставлять и продавать мои работы за морем, и я с ужасом думаю о том, что не в России, а где-нибудь в Америке очутятся мои лучшие работы. Коли соберетесь с деньгами, приобретайте что поинтереснее; по окончании выставок я отдам Вам дешевле, а коли обещаете их не отказать дать на выставку в случае надобности, то и еще дешевле — грешно упустить.

Кланяйтесь Вере Николаевне и деткам.

До свидания.

В. Верещагин.

88. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

28 февраля 1887
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Не отвечал Вам тотчас по двум обстоятельствам: свадьба дочери [1] и смерть единственного сына [2], почти одновременно

совершившиеся, перевернули всю нашу жизнь, от последнего несчастия и теперь опомниться не можем.

За присылку брошюры очень благодарю.

Пока я имел бы место для двух Ваших картин: «Перевязочный пункт» и «Панихида», почему и просил бы сообщить цены, имея в виду, что в случае надобности картины эти будут даваемы на выставки, и в тяжелые в настоящее время наши коммерческие обстоятельства.

Прошу передать мое глубокое уважение Елизавете Кондратьевне. Жена кланяется Вам обоим и благодарит за память.

Ваш преданный

П. Третьяков.

«Перед атакой» будет своевременно отправлена.

89. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

8/20 марта 1887
Maisons Laffitte

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Если картины останутся у меня до окончания выставок моих или поступят к Вам, но будут снова даны мне в случае надобности, то я сбавляю 30% с цены их и вместо 31 тысячи рублей возьму 20 тысяч за *обе*. Считая рубль за $2^1/_2$ франка. Коли пошлете 10% этой цены, то есть 5000 франков, то картины будут неотъемлемо Ваши.

Пожалуйста, велите промыть индийские и военные картины *мылом*, протеревши, разумеется, 2—3 раза потом чистою водою — увидите, сколько желтизны, наведенной, вероятно, электрическим светом, смоется с них.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Кланяйтесь Вере Николаевне, скажите ей, что мы крепко сочувствуем ее горю; жена моя была просто поражена. Может ли быть, чтобы милый, прелестный смехунчик Миша[1] умер. До чего он был похож на Вас.

90. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

25 марта 1887
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Меня дней десять не было дома, вернулся вчера и нашел Ваше письмо. Я Вам очень благодарен, но уж, будьте

добры, уступите еще: я могу предложить Вам 15 тысяч, я нынешний год имел такие большие расходы, что не могу более предложить, а Вам, ради моей цели [1], все можно сделать. Давать эти картины для выставок согласен.

Умер у нас не Миша, больной и слабый, а Ваня, здоровый, никогда не хворавший.

Жена благодарит за участие и Вас и Елизавету Кондратьевну.

Без меня было получено заказное письмо для передачи Вам, сегодня я его посылаю.

Глубоко преданный Вам

П. Третьяков.

91. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

29 марта/9 апреля 1887
Maisons Laffitte

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Вы получили или получите мой рисунок пером — мой проект нового Гостиного двора в Москве [1]. Как увидите, в нем 2 галлереи — одна внизу открытая, другая вверху закрытая. Наверху в павильонах склады, светлые, с окнами. Все здание укорочено и по месту должно быть растянуто по прямой линии с сохранением форм, то есть павильонов.

Покажите, пожалуйста, этот рисунок Вашему брату и городскому голове — я в ужас прихожу при мысли, что могут восстановить тот «Гостиный», который *возобновлен в 1815.*

Вас уважающий

В. Верещагин.

92. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

5/17 апреля 1887
Maisons Laffitte

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Немыслимо сбавить цены на столько, на сколько Вы желаете, то есть наполовину. Соглашусь, пожалуй, «сделать все для Вашей цели», если Вы не откажетесь помочь моей, которая состоит в том, чтобы сделать предполагаемую выставку в Америке возможно полной, то есть к имеющимся у меня картинам прибавить некоторые из находящихся в галлерее Вашей. Согласитесь Вы дать мне их под письменное обещание возвратить в полной целости и сохранности (письменное — на случай моей смерти) — я соглашусь закрепить

за Вами нужные Вам работы мои за полцены. Echange de bons procédés*, как видите, выгода которого положительно на Вашей стороне, тем более что многие картины мои уже теперь просят в 2—3 разных места, а один торговец предлагал взять целую серию, но я, конечно, должен был отказать, так как выставки не кончены.

Если эта комбинация Вам покажется недостаточной или неудобной, то мне не будет совестно, коли картины мои будут висеть не у Вас в галлерее, а где-нибудь за морем.

Помянутые две картины стоили бы тогда для Вас 15 500 руб[лей]; в случае согласия не замедлите уведомить и о других, которые Вам желательно иметь, дабы я пометил их моему Барнуму [1], как непродающиеся.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Вы получили уже, вероятно, мой маленький проект Московского Гостиного двора — попропагандируйте его.

93. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

[*Апрель 1887*]

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Дня три письмо Ваше пролежало за отсутствием моим. Все, на что я могу решиться, это согласиться получить эти две картины после Америки или дать их после Америки от себя и кроме их «Перед атакой» и, пожалуй, «Государя» — словом, картины последней войны, из других же коллекций ничего не могу дать. Так как они нужны не мне, а публике, то это не каприз, а та же цель: служения моим собранием обществу. Военных же, последних, нет этих двух, тогда все равно уже если не будет и четырех.

Вы отлично знаете, что я не из выгоды какой действую, а только и только из художественных целей.

Проекта я не получал [1], есть какая-то в дороге посылка от E. Marçon и C⁰; может быть, не это ли? Только это дело постройки рядов не скоро уладится, и бог знает, кто будет заведовать этим делом; теперь еще идет спор: кому принадлежит земля под лавками — городу или лавковладельцам.

---

* — обмен взаимными услугами (*франц.*).

Будьте здоровы, желаю Вам всего доброго. Я на днях везу семейство в Крым, но в скором времени вернусь.

Ваш преданный

П. Третьяков.

94. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

4/16 мая 1887
Maisons

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Если Вы дадите мне в Америку 2 картины, то я 2 уступлю Вам за полцены. Если бы Вы захотели взять третью, то надобно бы было дать мне три, так как на другом условии я не соглашусь сделать такой громадной уступки.

Потрудитесь, Павел Михайлович, выслать мне 10% с цены, то есть с $15^1/_2$ тысяч (считая рубль, как я писал, по $2^1/_2$ франка), а я пришлю Вам обязательство передать обе картины в целости и сохранности немедленно по окончании выставки в Америке. Боюсь назначить срок — год или полтора, чтобы не ошибиться.

Свидетельствую Вам мое уважение.

В. Верещагин.

Далеко не оспариваю Ваши доводы, но и далеко не соглашаюсь с ними. В таких хороших руках, как Ваши, а вероятно и те, в которые Вы их передадите, картины будут стоять 1000 лет; ввиду таких многогодовых результатов снятие со стены нескольких полотен теперь на несколько месяцев не имеет важности, по моему мнению. Так как я ни под каким видом не решусь более изменять условий, то Вы можете упустить несколько исторических картин из-за нескольких недовольных снимком картин.

95. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

23 мая 1887
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич

Только что вернулись из Крыма. Нашел здесь Ваше письмо от 4/16 с[его] м[есяца]. Сегодня уже поздно, завтра и послезавтра все закрыто по случаю Троицына и Духова дней, а во вторник вышлю Вам 1550 рублей по существующему курсу.

Желая Вам всего доброго, остаюсь преданнейшим

П. Третьяковым.

96. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

26 мая 1887
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич

Препровождаю при сем вексель в 3541 фр[анков] 75 с[антимов], купленный на с[еребром] 1550 [рублей], о получении прошу известить.

Вы меня известите также тогда, когда нужно будет выслать картины.

Желаю всего доброго.

Ваш преданный

П. Третьяков.

97. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

30 мая/10 июня 1887

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Перечитайте оба мои последних письма, Вы увидите, что я прошу Вас считать рубль за $2^1/_2$ франка, не больше и не меньше, значит, Вы должны мне дополнить маленькую разницу — немыслимо иначе, так как это уже не полцены, а еще того меньше.

Мне совестно торговаться с Вами и напоминать Вам об моем условии, далеко не задорном, но можно ли иначе? Ведь уже третий раз за нынешнюю весну я в постели с простудою легких, с преждевременным расширением легких и проч. благодаря работе в летней мастерской моей.

Имейте в виду, что в 40 лет с небольшим я уже скриплю и трещу по всем швам; как Вы думаете, могу ли при этом отдавать картины за ничто?

Как я два раза уже писал Вам, рубль мы будем считать в $2^1/_2$ франка и для задатка и для расчета.

Вас уважающий

В. Верещагин.

98. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

31 мая 1887
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Торопясь отправкой последних двух писем, я забыл сообщить Вам, что рисунок Ваш для фасада торговых рядов на

Красной площади — получен. Скоро ли будут перестраиваться ряды и кто их будет строить, город или лавковладельцы, еще совершенно неизвестно; если строить будут сами лавковладельцы, то, наверно, будут избегать художественного фасада и выстроят как найдут удобнее, не думая вовсе о художественном значении, и провести фасад Ваш или и вроде его будет невозможно, будут обращать главное внимание на удобство помещения и на большие окна и двери. Когда будет ближе к делу и какие будут предположения, я сообщу Вам. Разумеется, очень жаль, что Красная площадь испортится по-прежнему, но, кажется, едва ли будет возможно сего избежать.

Ваш преданнейший

П. Третьяков.

99. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

3/15 июня 1887

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Деньги получил, не забудьте выслать добавку.

Третий плеврит нынче спускаю с плеч или, вернее, с груди и как ни нужно оканчивать картины, придется куда-нибудь уехать покупаться.

Перед атакою пошлите, пожалуйста, в конце июня или начале июля — лучше в июне-то. Прилагаю расписку в получении денег и продаже картин.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Перемойте мылом мои картины, особенно индийские, на них масса желтизны от электрического света!

На туркестанских тоже есть от Вены и Берлина.

100. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

22 июня 1887
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Так как я теперь летом часто отсутствую из Москвы, то ответы мои могут быть неаккуратны, вот почему Ваши два последних письма оставались без ответа до сегодня. Я перечел Ваши письма, на которые Вы указываете: в первом из них, 5/17 апреля, где цена Ваша обозначена 15 500 рублей,

ни слова не говорится о франках, во втором, 4/16 мая, Вы, назначая выслать 10%, говорите, считая рубль, как я писал, по $2^1/_2$ франка, но Вы ранее ничего не писали, если бы писали ранее, то выходило бы, что Вы уступаете не за 15 500 р[ублей], а по тогдашнему курсу за 17 500 р[ублей] (теперь курс лучше). Я же просил Вас уступить за 15 000 р[ублей] и против 500 р[ублей] не стал возражать. Уступить мне не все равно кому другому, мне некоторые художники и бесплатно отдают, так как это не мне, а обществу русскому. Когда мы увидимся, я покажу Вам Ваши письма, и Вы убедитесь, что в первом письме о франках нет ни слова.

Вы пишете, когда послать «Перед атакой». А другую картину когда послать? Вместе или как иначе? И как их послать, на подрамках или на скалках?

Ваш преданный

П. Третьяков.

101. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

28 июня/9 июля 1887

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я своевременно, без всякого подвоха, предупредил Вас о том, что рубль — $2^1/_2$ франка, не больше, не меньше, и в отчаяние прихожу оттого, что Вы оспариваете это. Я сделал Вам громадную уступку, и немыслимо уступить еще.

Если Вы получили все мои письма, то именно в двух указано, что я считаю рубль за $2^1/_2$ франка.

Перевязочный пункт стоил мне года работы, а Вы хотите его иметь чуть не даром — пусть другие художники уступают Вам еще более, а я не могу.

Перед атакою можно послать *теперь*, свернутую на валах, конечно, без рамы.

Преданный Вам

В. Верещагин.

Другая картина мне понадобится лишь после, когда поеду за море.

102. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

30 июня/12 июля 1887
Maisons Parc

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я просил у Вас для Лондона *Перед атакою*, и Вы мне обещали дать ее; если же Вам все равно дать теперь же и

вторую картину, то есть *Плевну*, то будьте так добры прислать ее, если возможно, в раме, которая будет поправлена заново или и совсем вновь сделана, если попортится.

Вам преданный

В. Верещагин.

103. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

7 июля 1887

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Очень виноват: сейчас нашел Ваше письмо от 8 марта, где Вы, назначая 20 тысяч, обозначили, считая рубль в 2½ франка; и после того я, предложив Вам 15 тысяч, не оговорил, то есть не сделал возражения, стало быть, подчинился этому расчету. Разницу вышлю Вам на днях, вычтя за ящики, которые я сегодня заказал; надеюсь на днях картины отправить.

Будьте здоровы!

П. Третьяков.

104. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

14 июля 1887
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Картины «Перед атакой» и «Плевна» отправлены 11 числа. Я застраховал для ровности в 20 тыс[яч], чтобы хотя сколько-нибудь сократить расходы, провоз же никто дешевле не взял, куда я ни обращался. Я послал «Плевну» с рамой, как Вы желали, но Вы увидите, какая разница: большая картина весит 4 пуда 24 фунта, а малая с рамой 14 пудов 12 ф[унтов]. Я послал «Перед атакой» без подрамка, чтобы как можно сократить ящик, так что Вам придется приказать сделать новый подрамок, а мне картину возвратить без него; я нашел, что это будет выгоднее, только прикажите натягивать поосторожнее, потому что холст уже несколько раз был перетянут. При натяжке нужно как можно менее захватывать холста, потому что в раме, оставшейся у меня, картина вся как есть в свету, не прикрывается рамою ни на волос. Еще Вас покорнейше прошу не делать в картине никаких поправок.

Ящики и обвязка стоили 52 франка, которые я и вычел.

а остальную сумму разницы при сем прилагаю в переводе Моск[овского] Купеч[еского] банка на 281 фр[анк] 25 [сантимов].

При сем также прилагается квитанция и меморандум от правителя.

Ваш преданный

П. Третьяков.

105. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

25 июля 1887
Москва

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Доверенный некоего издателя г-на Кано[1] просит у меня разрешения снять фотографии с некоторых Ваших туркестанских картин и издать их в фотографии или в чем-то вроде того; я без Вашего разрешения не согласился, разрешаете Вы или нет? Сделайте одолжение, известите меня поскорее. Я ничего не буду иметь против того, если Вы не разрешите, даже был бы доволен тем.

Квитанцию на отправку картин и разницу в уплате я уже давно послал. Когда получите картины — сообщите, пожалуйста, каково дошли они.

Ваш преданный и покорный слуга

П. Третьяков.

106. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

31 июля/12 августа 1887
Maisons Parc

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Картины еще не получены, как получу, извещу. Кано было сказано, что получите право воспроизвести картины, если заплатите, но он, вероятно, ничего не хочет платить, значит, и права не может получить. Зная, что его прибытки невелики, я назначил небольшую цену, на которую его представитель согласился, но он, вероятно, и от этой платы отлынивает. Кто не посмеется (из почтенной публики), узнав о том, какое горе может быть у человека: пишу третий способ казни, самый варварский, крестом, то есть распятием[1], и имею надобность в закрытой облачной погоде, а вот уже

третий месяц стоят солнечные дни. Хоть треснуть с горя, тем более что скоро надобно посылать картину в Лондон.

До свиданья.

Вам преданный

В. Верещагин.

За кого вышла Ваша дочь [2] и скоро ли пристроите милую вострушечку, вторую? Между нами [3].

107. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

18/30 августа [*1887*]
Maisons Parc

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Укладчик Ваш сплоховал, прибил раму ко дну ящика винтами, которые все лопнули, и картина нагулялась за дорогу по ящику, который, кстати же, и велик. Самая картина совершенно цела, но рама пообколотилась. Конечно, это мой, а не Ваш грех, и к Вам обратно рама придет заново исправленная. Мой человек не одабривает Вашей укладки, говорит — не рассчитано на тяжесть рамы. Свернутой картины еще не открывал, но, по-видимому, она в полной исправности также.

Поклон Вере Николаевне и детям Вашим.

Вам преданный

В. Верещагин.

Коли будете в Лондоне с 1 октября по 1 декабря нашего стиля, зайдите в Grosvenor Gallery [1], где будет последняя картина «Распятие».

108. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

31 августа/11 сентября 1887
London

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Три больших этюда *Гималайских снегов*, которые не продавались, потому что до сих пор нужны мне были для картин, теперь могут быть проданы, хотите ли иметь их за 1500 р[ублей], то есть, по 500 руб[лей] за этюд, считая рубль за $2^1/_2$ франка?

Кроме того, хочу предложить Вам следующее: не соберетесь ли с силами купить у меня *все* и русское, военное, индийское, палестинское, во-первых, потому что лучшие вещи

непременно ухнут сейчас же, а во-вторых, продажа гуртом дает мне возможность сбавить Вам цены до возможного minimum'а.

Я взял бы и рассрочку и, признаюсь, с немалым удовольствием объявлял бы на предложения, которые, конечно, в излишестве будут и в Лондоне и в Америке,— *Принадлежит Третьякову в Москве.*

Я не сомневаюсь, что выручу несравненно больше отдельной продажей, но с Вами устроиться было бы покойнее и приятнее. Посмекайте и черкните, не забудьте, что, коли вещи будут проданы или запроданы, возврата не будет.

Мой адрес: London, Golden Cross Hotel, Charing cross или прямо Grosvenor Gallery, New Bond Street.

Преданный Вам

В. Верещагин.

Ответьте мне немедля, пожалуйста.

109. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

18/30 ноября 1887

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Будьте добры, пошлите мне часть денег за картины, половину хоть [1].

Переслать можно или на мое имя, или прямо на Comptoir d'Escompte de Paris.

Преданный Вам

В. Верещагин.

110. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

13/25 декабря 1887
Maisons

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я телеграфировал Вам мою просьбу не посылать сюда деньги, так как я скоро буду в России и в Москве, где и попрошу Вас передать их мне из рук в руки.— После Вашего отъезда из Лондона [1] погода была немного лучше, хотя все-таки отвратительная — все-таки лавочка моя там дала за 7 недель более 2000, и кое-что осталось мне на зубы.

Будьте здоровы, Павел Михайлович, поклон Вашим.

В. Верещагин.

Картины мои в Ливерпуле, куда за ними последовала и погода: каждый день ветры, дождь, град и проч. удовольствия,— вот так сторонка.

111. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

19 декабря 1887

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Может быть, еще не скоро приеду в Москву, поэтому пишу Вам: нет надежды, чтобы рубль поднялся, скорее надобно ждать, что он еще упадет, поэтому не найдете ли Вы удобным переслать деньги за картины во Францию в Comptoir d'Escompte de Paris?

Видел здесь выставку Крамского[1]. Все портреты похожи, кажется, что не мало, а некоторые и очень хороши: Ваш[2], вдовы Крамского[3], Веры Николаевны (малый)[4] и др. Большая картина слаба[5] во всех отношениях; Христос вылитый Николини[6] и, по-видимому, так же глуп, как этот тенор. Вообще же выставка очень интересна, хотя собственно живопись или, вернее, поэзия живописи, красок отсутствует в большей части работ.

Истинною наградою была для меня статейка самого набожного английского журнала «The Christian», в котором он называет мои евангельские картины[7] более христианскими, чем большинство других, и прямо называет Вашего покорнейшего слугу «пророком XIX столетия», ни более, ни менее. Не могу отказать себе в удовольствии показать Вам эту статейку, прибавивши просьбу не потерять ее, а при случае, может быть при свидании, возвратить мне.

Поклон от меня и Лизаветы Кондратьевны Вере Николаевне.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Передайте мой поклон Сергею Михайловичу.

112. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

24 декабря 1887

Прочитал у Вас на дверях, Павел Михайлович, что 26-го можно будет посмотреть картины. Не дадите ли, когда приду, губку, мыла и воды, чтобы я при Вас промыл пару из пожелтевших этюдов?

Подателю сего отдайте, пожалуйста, статейку, что показал Вам.

Поклон от нас Вере Николаевне.

Ваш

В. Верещагин.

113. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

27 декабря 1887

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Лизавета Кондратьевна была не совсем здорова, так что мы придем сделать книксен Вере Николаевне на обратном пути, вероятно. Пожалуйста, наш поклон ей.

Деньги, пожалуйста, пошлите в Париж в Comptoir d'Escompte de Paris, на текущий счет на мое имя.

Галлерея Ваша до того интересна, что, кажется, не ушел бы из нее.

Свидетельствую Вам мое почтение.

В. Верещагин.

114. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

26 января 1888

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Неужели Вы не дадите мне для выставки никакой картины из туркестанской коллекции? Дружески предупреждаю Вас, что по отказе Вашем цена моих картин будет та же, что была назначена прежде.

Скорее уничтожу их, чем отдам их в таком случае за меньшую плату. Если место, время и деньги позволяют — пользуйтесь случаем взять что Вам надобно за половину цены, и мне будет приятно и Вам очень не обидно.

Картины понадобятся мне осенью, пожалуй без рам.

Передайте Вашим поклон и примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Ваш ответ застанет меня в Ростове.

Письмо можно послать на имя И. А. Шлякова [1] для передачи В. В. Верещагину.

Деньги Вы перевели?

115. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

2 февраля 1888
Ростов

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Вот Вы и не по-христиански рассуждаете: не дать картин на посмертную выставку художника[1] просто нельзя. Нехорошо и для памяти самого художника, разумеется, портить работы не полагается. Но опять так несколько более понятно, что дети Крамского[2] недосмотрели, допустили кое-что неважное, попортили.

Другое дело живой художник, который ручается Вам в том, что ничего не случится, потому что он сам и его люди примут и назад отправят картины.

По теперешней цене рубля я отдаю Вам картины за 1/3 цены — только дайте несколько полотен выставить. Картинам изъяна не будет, это верно, а Вы будете иметь такие картины, как «Шпион», чуть не за грош... Если Вы этим случаем не воспользуетесь, Вы, вероятно, откажетесь иметь в Вашей галлерее эти вещи, так как цена им немедленно будет старая. Я сбавил ригоризма, сбавьте Вашего,— все умрем.

Бывайте здоровы и примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Получил от Павла Михайловича Третьякова плату сполна за две картины мои «Перевязочный пункт» и «Панихида».

В. Верещагин.

Если не заболею воспалением легких, работая на воздухе, то будет счастье [...][3].

116. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

22 февраля 1889

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Обращаю Вам назад чертеж «Красных рядов», да кстати посылаю «оберткою» газету «Новости» с заметкою о моих картинах, попавшуюся вчера,— может быть, Вам и случится прочесть ее[1].

Поклон мой Вере Николаевне.

Преданный Вам

В. Верещагин.

117. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

[Ноябрь 1889]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Не ошибаетесь ли Вы насчет того, что «назначенный мною срок уже истек». Коли припомните, я даже затруднялся назначить определенный срок, потому что сам его не знал, а *приблизительно* указывал чуть ли не на 2 года?

И теперь затрудняюсь сказать, *когда именно* возвращу, но возвращу возможно скорее и в исправности. Побываю у Вас на днях, если позволите. Покамест прошу Вас принять уверения в моем уважении.

В. Верещагин.

118. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

19 декабря 1889

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Не могу еще сказать наверное, но думаю, что скоро буду в состоянии возвратить Вам картины. Эти господа ничего мне не пишут, но письмо моего артельщика, безотлучно находящегося при картинах, позволяет надеяться на это. За Вашу снисходительность к моему запаздыванию я пришлю Вам,— когда буду посылать в Москву мои вещи — «Последний привал» и, вероятно, «Перебежчика» [1], ту темную картину, что Вы у меня видели. Она очень потемнела у меня, должно быть от выбора краски, и показала какие-то пятна, но, повешенная поближе к свету и наклоненная, будет не очень дурна.

Прошу Вас, Павел Михайлович, поклониться от меня Вере Николаевне и принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Вы мне поверите, если скажу Вам, что совещусь задержки картин и делаю возможное для поправления этой ошибки.

119. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

25 октября/16 ноября 1890

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Кажется, не ошибусь, если сообщу Вам: картины, Вам принадлежащие, будут отосланы Вам нынешнею зимою. Еще и еще раз прошу Вас извинить меня за это опоздание против

назначенного срока — конечно, Вам нечего входить в объяснения того, как и почему опоздали картины, перед Вами виноват *я*.

Вместе же, вероятно, придут и те небольшие 2 полотна, которые должны хоть несколько искупить грех задержки.

Мои картины, наверное, не воротятся ни в Россию, ни в Европу, как это ни горько мне, и на случай если бы они продавались отдельно, я хочу знать, не пожелаете ли Вы удержать за собою некоторые из них. Прилагаю лист, по которому, если пожелаете, можете отметить, какую цену желаете дать, и я постараюсь оставить за Вами.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

1) *Пикет на Дунае* — повторение меньше форматом и, кажется, похуже, но все-таки с недурным эффектом воздуха и воды.

2) *Шпион* — повторение — несколько большего формата и не хуже, если не лучше, первого.

3) *Скобелев под Шейновом* — большего формата, но худшего исполнения.

4) *На Шипке все спокойно.*

5) *Дорога пленных*, около Плевны.

6) *Пленные, застигнутые бурею.* Новая картина с сильным эффектом снежного вихря — везде очень хвалили, особенно в Париже.

7) *Турецкий лазарет* (темная) pendant к «До атаки» и «После атаки».

8) *Траншея в снегу.*

9) *Транспорт раненых.*

120. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

21 ноября/3 декабря 1890

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я совсем не хозяин выставок моих в Америке. В противность формальному условию картины переданы American Art Association * для выставок на целый год дольше, чем следовало, и с этими разбойниками — и истинными разбойниками — я ничего не мог поделать.

Теперь, повторяю, надеюсь скоро послать их Вам — месяца через 2 или 3, вероятно. Сказать наверное и не исполнить — было бы еще хуже.

* — американская ассоциация искусств (*англ.*).

Я, который имею репутацию дельца, каждый раз попадаюсь, и теперь попался во всех отношениях — довольно Вам сказать, что в настоящую минуту картины мои заработали в Бостоне свыше 35 000 рубл[ей] и к концу декабря заработают, по громадному успеху, который там имеют, все 50 000 рубл[ей], а я, по всей вероятности, ничего из этого не получу — вот какой я делец.

Так попался я со сроком картин: в *мое отсутствие, в противность форменно мною данному полномочию,* прикинули целый год к назначенному сроку, да и баста — не процесс же мне с ними начинать, смешить публику. Я очень, очень сожалею о задержке картин, и Вам лишнее торопить меня — совсем уж я перемучился, требуя их.

Откровенно говоря, я не из любезности предлагаю Вам, не захотите ли оставить за собою кое-какие из военных картин.

Уже и теперь некоторые наивные лица предостерегали меня никак не продавать свои работы за границею, а непременно на родине,— непатриотично!

После же этих упреков будет, вероятно, еще больше. Так как свыше у меня не покупали ничего и не будут покупать, то, оказывается, благодаря Вашему ответу, так же как и ответу Солдатенкова [1], которому я тоже писал, что решение продавать мои картины дома, в России, было бы равносильно для меня решению, взявши в руки шапку, начать собирать на улице пятаки.

Вас уважающий

В. Верещагин.

Поклон мой Вере Николаевне.

121. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

4/16 марта 1891
Вашингтон

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Надеюсь очень скоро послать Вам Ваши картины. Люди мои говорят, что картины в целости и сохранности. Если же бы, паче чаяния, и оказалась где-либо царапина, то по приезде в Москву я сам все заправлю. Еще раз прошу Вас извинить, что так долго задержал их.

Те картины, что я назначил к отсылке Вам за Ваше любезное одолжение этих картин, будут отправлены вместе с моими

полотнами и разными вещами, имеющими направление в Москву, весною или летом; тогда же они и будут доставлены Вам.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

122. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

3/15 апреля 1891
Вашингтон

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Картины посланы и теперь уже в дороге. В Париже они будут переадресованы на Ваше имя в Москву.

Сам я был болен, но наказал людям моим уложить и отправить их в возможном порядке. Повторяю: если окажется какая-нибудь царапина или пятно — я заправлю сам, как буду в Москве.

У Вас ведь есть еще деньги за «Индийца мусульманина», мне не отданные,— заплатите за дорогу ими, если не хватит, я приплачу.

Две картины, что я предложил Вам за 2 года лишних, прибудут к Вам непременно осенью.

Я крепко прихворнул здесь.

Кланяйтесь Вере Николаевне и примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

123. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

19/31 мая 1891
Maisons Laffitte

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Будьте любезны, уведомьте меня, получены ли посланные Вам картины?

Преданный Вам

В. Верещагин.

124. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

2/14 июня 1891

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я думал, Вам поверят, что рамы уже были в Москве. Если, паче чаяния, не сложат пошлину, то напишите мне, пожалуйста, нужное сведение, для того чтобы я мог обратиться к директору таможен,— и мыслимо ли платить за это пошлину!

Нынче я буду в Москве, и если Вы уедете на дачу, то оставьте приказ и пустить меня осмотреть картины, и передать мне, коли что заметите или надумаете.

Ужасно рад, что полотна пришли в целости и сохранности. Я из себя выходил от злости на то, что бесцеремонные американцы прикинули в контракте лишний годик и тем лишили меня возможности доставить картины в прошлом году.

Преданный Вам

В. Верещагин.

Еще раз прошу извинить меня — обе искупительные картины придут к Вам осенью, если еще не летом.

125. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

6 августа 1891

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Посылаю Вам 2 обещанные картины и прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

Извозчику заплачено.

126. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

29 августа 1891

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Надеюсь, 2 картинки Вам доставлены в целости? «Перебежчик» не послан потому, что очень черен, и вместо него я дал Вам «Албанца».

Если бы, паче чаяния, этот последний Вам не понравился, то вместо него могу дать другую имеющуюся у меня картинку — «Шипку» (батареи), только должен Вам сказать, что эту последнюю я ценю много менее «Албанца».

Черкните мне, пожалуйста: нужно мне привозить к Вам, когда приеду, ящик с красками или нет? То есть нужно что-нибудь подмазывать попорченное или нет?

Письмо Ваше может быть адресовано или просто на почту, или *за Серпуховскую заставу, собственный дом под Москвою*[1].

Все еще не окончил возню по постройке моей «избушки на курьих ножках».

Вас уважающий

В. Верещагин.

127. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

26 марта 1892

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Приятель Ваш Каминский[1], как давно и много строящий архитектор, верно, может указать мне одного или двух добропорядочных плотников, которые могли бы поправить мой дом и сделать к нему пристройку.

Я все нездоров, почему и не прошу Вас об этом лично,— пожалуйста, сообщите мне рекомендации Каминского по моему адресу: за Серпуховской заставой, собственный дом.

Уважающий Вас

В. Верещагин.

Нечего и прибавлять, пожалуй, что желательно иметь недорогого подрядчика.

План у меня есть.

128. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

3 мая 1892

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Посланный Вами плотник, по-видимому, очень милый человек — большое Вам спасибо за присылку его,— подал мне цены более высокие, чем те, что были назначены архитектором, так что пока я не обращусь к нему. Стройка моя очень проста — изба, снутри и снаружи,— и сделает, то есть одолеет ее, решительно всякий.

Преданный Вам

В. Верещагин.

129. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

17 апреля 1893

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Если Федор Ильич Булгаков[1] захочет снять несколько моих работ в галлерее Вашей, то имейте в виду, что с моей стороны нет препятствия сделать это для предполагаемого им издания. С приветом Вере Николаевне прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

130. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

3 января 1895

Благодарю Вас за поздравление, Павел Михайлович,— не взыщите, что со своей стороны не поздравляю; каждый год так явственно и неизменно уносит у меня силы и здоровье, что если у других происходит то же хоть в малой мере — поздравлять с Новым годом не стоит.

Печатаю и скоро пришлю Вам новую книжку, мое «Детство и отрочество»[1]. В следующих томах, которые надеюсь еще осилить, расскажу юность и зрелый возраст со всеми мыслями, надеждами, поступками, и вполне уверен, что доставлю духовное наслаждение Вам, современникам, и назидание потомкам — без фраз.

Уважающий Вас

В. Верещагин.

Каково мое новое недомогание — между другими: всякое усилие мысли вызывает мучительное, тоскливое чувство, временами прямо боль, в кишках; приходится все бросать и лежать пластом — вот она, расплата-то когда настает.

Привет мой милой и хорошей Вере Николаевне, где бы она ни была.

131. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

12 марта 1895

Какое, Павел Михайлович, лучше мне! Держит инфлюэнца, не дает выходить из дома.

Я тоже еду на днях за границу для приготовления места для моих картин в Европе и Америке — не знаю хорошенько, когда вернусь.

Хоть еще и не намереваюсь умирать, а все-таки приходит забота о помещении в надежные руки некоторых имеющихся у меня вещей общественного интереса.

Есть вещи Скобелева[1]: не думаете ли Вы, что его значок, мне подаренный, мог бы быть помещен за его картиною таким образом?[2].

Поставленный высоко, он, вероятно, не был бы общипан посетителями, а я выговорил бы только для себя право брать его для художественных занятий, если бы таковые его потребовали.

Коли не будет от Вас ответа, я сочту, что Вы не находите это удобным, и тогда, конечно, отдам в другое место.

Уважающий Вас

В. Верещагин.

Еще есть у меня складной стул Скобелева, служивший в конце кампании и мне, так как он уступил мне его — на нем я писал этюды, напр[имер], для той картины «Шейново», которая находится у Вас, так что после моей смерти он будет иметь и с этой стороны некоторый интерес.

132. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

16 декабря 1895

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Очень Вам благодарен за присылку «Наполеона», «На Северной Двине» и «автобиографии незамечательных людей» [1], не известил Вас ранее о получении по случаю болезни. Я прихварываю с конца июля, а из-за границы вернулся 5 ноября совсем больным и около месяца даже не выезжал из дома; несмотря на это, все-таки удалось быть два раза на Вашей выставке [2]. Вера Николаевна тоже по болезни [3] уезжала за границу на три месяца, теперь ей лучше, но нервная система все еще не совсем в порядке.

Будьте Вы здоровы!

Преданный Вам

П. Третьяков.

133. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

20 декабря 1895

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Просто не могу себе представить милую, ровную, всегда с улыбкой встречающую и провожающую Веру Николаевну — с расшатанной нервной системой. Конечно, Вы меня не послушаете, вернее, она не послушает, но я все-таки дам совет: каждый день 2 ведра воды, на спину и грудь. Начать можно с 27 [градусов] и дойти до 20, подходя к последней цифре медленно, выдерживая все промежуточные градусы дня по 3.

Ручаюсь, что по всем частям укрепится Вера Николаевна, и в полной уверенности, что она меня не послушает, прошу принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

На голову не лить.

134. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

17 февраля 1896

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Если мне понадобятся несколько тысяч рублей — вероятно, 5, 6,— могу ли я рассчитывать на то, что Вы не откажете ссудить их?

Очень обяжете скорым ответом, ибо я собираюсь в Харьков [1].

Много желающих приобрести мои картины, но нельзя продавать их до окончания выставок за границею.

Уважающий Вас

В. Верещагин.

Первому Вам сообщаю расценку моих работ [2] — тоже не задержите ответить, если пожелаете удержать что-либо за собою.

Цены выставлены для торговцев, так что Вам надобно скинуть 10% с них.

135. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

[Февраль 1896]

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Простите, что я прямо объясняюсь,— деньги дать взаймы мне не подходит. Я никому не даю. Мне 64 года, здоровье слабеет, желаю, чтобы по смерти не было никаких неоконченных счетов. Приобрести желаю следующие вещи: № 27 — Главный вход в Соб[орную] цер[ковь] гор[ода] Сольвычегодска, 31 — этюд колонны в Пучуге, 32 — иконостас Белослудской церкви, 61 — Прославленную икону св. Николая и еще готов бы приобрести № 39 — паперть церкви в селе Толчкове, но цена мне совершенно не подходит. Я мог бы предложить за нее только половину. Деньги я мог бы заплатить теперь же, а картины получить по окончании выставок.

136. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

21 февраля 1896

Многоуважаемый Павел Михайлович.

№ 27 Главный вход в Собор

№ 31 Колонны в Пучуге

№ 32 Иконостас в Б[елослудском] с[оборе]
№ 61 Прославленная икона —
как Вы желаете, будут оставлены за Вами[1] и перешлются к Вам по окончании выставок. Деньги или пришлите мне, или переведите на мой текущий счет в Учетный банк.

Жаль, что Вы не сказали о колоннах в Пучуге (№ 30), когда были у меня, теперь ее уже просит у меня вместе с Кремлем[2] вел. кн. Сергей Александрович[3].

Что касается № 39 — Паперть Толчковской церкви, то только ожидание Вашего выбора не позволило мне ответить на множество обращенных ко мне и к Фельтену[4] просьб об этой картине.

Для Вас, Павла Михайловича Третьякова,— ответа которого я, как видите, ожидал — соглашусь взять за эту картину 4000 рублей, но не менее. Если Вы ее не возьмете, она пойдет за 6000 через торговца или за 5000 от меня; если же совсем останется у меня, то я только буду рад. Ведь я всегда достану денег, сколько мне нужно на прожитие, а в Лондоне или Нью-Йорке и вовсе расторгуюсь — жаль только, что картины опять останутся за границей.

Уважающий Вас

В. Верещагин.

Маленький вопрос:
Встреча Иконы — Савицкого?[5]
Нездоров и не могу сам проверить это.
Пожалуйста, всем милым Вашим поклон.

137. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

22 февраля 1896

Обязуюсь доставить, по окончании моих выставок за границей, № 27, 31, 32, 61 — в Московскую Городскую имени Третьяковых галлерею.

Деньги за помянутые №№ картин 2115 руб[лей] мною получены сполна.

В. Верещагин.

138. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

22 февраля 1896

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Кажется, ладно написал квитанцию[1] — обязаться доставить к известному сроку затрудняюсь, так как сам еще не знаю, в какие именно города картины пойдут[2].

Очень сожалею, что картины мои, в которых я бесспорно сделал успех, опять останутся на чужой стороне — ну да что об этом толковать.

Уважающий Вас

В. Верещагин.

139. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

25 февраля 1896

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я писал уже Вере Николаевне [1] о том, что моя опытность подсказала мне насчет лечения неисправности желудка. Позвольте сказать еще несколько слов по тому же поводу.

Из того, что я знаю о Вас, о Вашем характере и деятельности, мне сдается, что у Вас нет ничего непоправимого и что недомогание происходит, как у меня, от принимания к сердцу забот и нервных расстройств, почему и предлагаю Вам выслушать то, что я делал в подобном же случае.

Если та мера, которую я рекомендовал Вере Николаевне, не подходит к Вам почему-либо, предлагаю следующую, неоднократно испытанную и теперь испытываемую, с хорошим, постоянным, неизменным успехом.

Ежедневно утром — можно и вечером — приказывать вытирать себе тело, желудок в особенности, двумя шерстяными перчатками (я употребляю волосяную), после чего выливать не на голову, а пополам на спину и на грудь и желудок, по ведру или по два воды, не холодной — начать можно с 25° и постепенно, через каждые 3 дня, сойти до 19 или 18, но не ниже.

Обливаться нужно не в холодном месте и иметь под ногами бульотку с теплой водой или коврик.

После обливания закутаться в мохнатую простыню или бурнус и велеть поколотить слегка ладонями все тело, потом хорошенько вытереть его и опять протереть перчатками. Затем, одевшись в халат, не ожидая полного одевания, походить по комнате с $1/2$ часа.

Думаю, что через месяц Вы почувствуете большое облегчение не только телом, но и духом. Надобно, чтобы Вы, Павел Михайлович Третьяков, были очень удручены, и болезнью и расположением мыслей, чтобы ответить мне, В. В. Верещагину, что нужных мне в настоящую минуту 5000 руб[лей] не можете дать, потому что стареетесь и боитесь после смерти Вашей оставить незаконченные счеты. Денег у Вас я более не прошу и не возьму, если бы Вы даже пред-

ложили мне, картин моих предлагать Вам тоже не хочу — не в этом дело. Давно знаю Вас и Вашу деятельность и, искренне уважая их, сожалею об указании на то, что Вы чем-то удручены [2],— воспряньте, обливайтесь указанным градусом комнатной (не холодной) воды, натирайтесь шершавой перчаткой (желудок в особенности) и живите на пользу большого дела, которое Вы делаете, еще не менее 20 лет.

Аминь!

Поклон Вере Николаевне.

Уважающий Вас

В. Верещагин.

140. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

26 февраля 1896

Ах батюшки мои! Чуть ли не главного-то и не сказал: после завтрака и после обеда ни под каким видом ничем не заниматься в продолжение часа, *ни за что!*

Преданный Вам

В. Верещагин.

Даже газеты не читать!

141. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

11 марта 1896

Обязуюсь, по окончании выставок моих картин за границей, представить картину «Паперть церкви села Толчкова» (№ 39 по каталогу) в Московскую городскую имени Третьяковых галлерею.

Деньги за означенную картину получил сполна, 11 марта 1896.

В. Верещагин.

142. ТРЕТЬЯКОВ — ВЕРЕЩАГИНУ

30 июля 1897

Многоуважаемый Василий Васильевич.

На днях встретив Вас, глазам не поверил сначала, потом признал,— так уверен был по газетам, что Вы в Крыму или на Кавказе [1].

Где Ваша выставка [2], ничего не слыхать о ней, когда она кончится и когда получу я этюды? Очень желается поскорее иметь их.

Крепко жму руку и желаю всего лучшего.

Преданный

П. Третьяков.

143. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

6/18 августа 1897
Дрезден

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Картины лежали летом и только начали теперь путешествие по Европе, путешествие долгое — значит, о присылке этюдов теперь не может быть и речи.

Самое желание Ваше иметь их поскорей меня удивляет: ведь прежде чем заплатить за них деньги, Вы хорошо знали — да у меня так и написано в данном Вам обязательстве,— что я пришлю их по окончании всех выставок в Европе, а не выставки, как Вы мне пишете!

Неделю тому назад один немец купил картину «Городня» [1] на условии получить ее по окончании выставок, то есть в 1900 году, и без всякой уступки ровно за назначенную сумму — 16 000 марок. Вы знаете, что я не преувеличиваю перед публикой цены, за которые продаю картины,— как это обыкновенно принято,— и можете мне верить. Вам я уступил на нескольких этюдах несколько тысяч рублей, так мне кажется, Вам не грешно бы поберечь меня и не предъявлять требование, которое я не могу исполнить и которое мне крайне неприятно.

Примите уверения в моем уважении.

В. Верещагин.

Помянутый барон, купивший «Городню», долго упрашивал моего доверенного уступить хоть что-нибудь, но я дал ему знать — «еще надбавлю цену, если будет просить». Сами судите, как это далеко от сделки, заключенной с Вами.

144. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

9 ноября [18]97
Москва

Вот набросок, многоуважаемый Павел Михайлович, о котором я говорил Вам дорогою и который Вы не успели повидать в Вене [1].

В. В. Верещагин. 1880-е годы. Фотография

П. М. Третьяков. 1884 г. Фотография

Посылаю найденную доску, должно быть, от картины «Священник на поле битвы под Телишем». Когда-то я снял ее, потому что вел. кн. Владимир просил сделать это «для него».

Уважающий Вас

В. Верещагин.

145. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

1 декабря 1897
Москва

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Пожалуйста, скажите мне, когда я могу прислать фотографа в Вашу галлерею, чтобы снять картину «Перевязочный пункт».

Очень бы желательно было сделать это на днях — черкните ответ!

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

146. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

[*Декабрь 1897*]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Пожалуйста, прикажите оказать полное содействие подателю Нилу Ивановичу Надымашину, представителю дома Шерер, Набгольц [1], желающему снять две картины — «Перед атакой» и «После атаки» («Перевязочный пункт») — в большом формате.

Снятие в большом формате, как Вы понимаете, потребует правильной установки — поратуйте.

Примите, Павел Михайлович, уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

147. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

17 ноября 1898

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Купил как-то на днях под воротами голову женщины, похожую на мать или жену художника, сдается мне, принадлежащую кисти хорошего мастера [1]. По манере письма мне почему-то вспоминается Венецианов?

Я сцарапал осторожно пятна, которыми лицо было покрыто, не менее осторожно тронул кое-где — на нет! Думается,

следовало бы поочистить как чепчик с лентами, так и самое лицо?

Если Вам угодно взять этот холст для галлереи, то, пожалуйста, сделайте это — платить мне ненадобно, потому что я купил за 1 рубль.

Прилагаю мою книжку, недавно вышедшую[2]; может быть, Вы уже читали статьи в газете, но все-таки преподношу Вам их в знак уважения.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение Вере Николаевне.

В. Верещагин.

Если, паче чаяния, холстик не годится для галлереи, то будьте любезны отослать мне его обратно: за Серпуховской заставой, свой дом — Ваш служитель знает.

Не очень давно предлагали мне тоже под воротами прекрасную голову за 3 руб[ля], но чтобы *не возиться*, я отказался. Только после, вспомнивши об Вас, увидел, что сделал ошибку, не купивши.

148. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

17 ноября 1898

Моя полная отчужденность, бирючество, если хотите, причина того, что я так-таки и не знал о Вашем горе!

Не могу помириться с мыслью о том, что милая, светлая Вера Николаевна в таком беспомощном состоянии.

Не взыщите на совете — знаю, что советчиков много,— при первой возможности увезите ее в более мягкий климат, где она могла бы часами сидеть на воздухе. Невольно приходит на ум Магарач, где я нанимал за 100 руб[лей] в месяц нижний этаж дома Журавлева (континентального)[1]. Место высокое, не жаркое в средине лета и восхитительное весной и осенью. В доме обыкновенно никого не живет, а воздух!!!.. Не взыщите за совет и примите уверения в моем уважении.

В. Верещагин.

Тяжел наш климат для больных, тяжел, особенно теперь!

149. ВЕРЕЩАГИН — ТРЕТЬЯКОВУ

1 декабря [18]98

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Дайте узнать, перед моим отъездом за границу,— как здоровье Веры Николаевны?[1]

Уважающий Вас

В. Верещагин.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

1

[1] Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — известный коллекционер картин, основатель Третьяковской галлереи, оценив высоко творчество В. В. Верещагина (1842—1904), задался целью приобрести всю его серию туркестанских картин в целом, но большая стоимость этой коллекции — 90 000 рублей — одному ему была не под силу, и он был вынужден искать себе компаньонов в лице своего брата Сергея Михайловича Третьякова и Дмитрия Петровича Боткина. История приобретения верещагинских картин ярко отразилась в переписке Третьякова с Иваном Николаевичем Крамским (1837—1887). («Переписка И. Н. Крамского», т. 1, И. Н. Крамской и П. М. Третьяков, 1869—1887, М., 1953). Подлинники писем Крамского хранятся в Отделе рукописей ГТГ, подлинники писем П. М. Третьякова к Крамскому — в Гос. Русском музее в Ленинграде.

[2] Упомянутое Верещагиным письмо П. М. Третьякова обнаружить не удалось.

[3] Выставка Верещагина, на которой были представлены его туркестанские работы, открылась в Петербурге 7 марта 1874 года. На ней были показаны 121 картина художника и 122 рисунка (см. «Каталог картинам, этюдам и рисункам В. В. Верещагина», Спб., 1874).

[4] Гейнс (Гейнц) Александр Константинович (1834—1893) — генерал-майор, член Русского географического общества, специалист по вопросам Туркестана, где занимал ряд административных должностей; являлся доверенным лицом в продаже картин Верещагина в 1874 году, был автором предисловия к каталогу верещагинской выставки картин в Петербурге в 1874 году.

[5] Александр II (1818—1881) вступил на престол в 1855 году.

2

[1] Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892) — младший брат П. М. Третьякова, любитель искусств, коллекционер, имел первоклассное собрание картин западных мастеров и небольшое собрание картин русских художников. Согласно его духовному завещанию собрание его перешло в собственность П. М. Третьякова и по обоюдному решению обоих братьев было принесено в дар городу Москве 15 сентября (27 сентября н/ст.) 1892 года.

[2] Боткин Дмитрий Петрович (1829—1889) — московский коллекционер картин иностранных и русских художников.

[3] Первоначально предполагалось ввиду большой стоимости всей туркестанской коллекции верещагинских картин, что ее приобретают братья Третьяковы и Д. П. Боткин. С. М. Третьяков в деле приобретения картин привлечен был только как помощник брату с финансовой стороны, тогда как Д. П. Боткин являлся серьезным конкурентом для П. М. Третьякова, имевшего намерение сохранить всю коллекцию неразделимой, что соответствовало и желанию автора картин. Д. П. Боткин при содействии брата М. П. Боткина намеревался приобрести всю коллекцию самостоятельно, а после ее приобретения выделить П. М. Третьякову только часть картин. П. М. Третьяков, тревожась за судьбу всей коллекции в целом, был возмущен поведением в этом деле Д. П. Боткина, что привело к ссоре между ними. Согласно желанию Верещагина всю коллекцию приобрел П. М. Третьяков при материальной помощи брата — С. М. Третьякова.

Приобретя туркестанскую коллекцию картин Верещагина, П. М. Третьяков первоначально предложил ее в дар Московскому Училищу живописи, ваяния и зодчества, с тем чтобы оно, поместив ее в специальном помещении, сделало ее доступной для обозрения широкой публики. Совет Училища, не найдя возможным произвести затрату на постройку, отказался принять этот дар Третьякова, и тот предложил ее Московскому Обществу любителей художеств, с тем что оно обязуется в течение трех лет выстроить специальное для коллекции помещение. Условие это не было своевременно выполнено, и коллекция верещагинских картин поступила в 1881 году в собрание П. М. Третьякова.

[4] Мысль П. М. Третьякова о создании в Москве общедоступного музея возникла в 60-х годах. В Отделе рукописей ГТГ хранится «Завещательное письмо» П. М. Третьякова от 17/29 мая 1860 года (№ 1/4750), в котором он сделал распоряжение на случай своей смерти употребить принадлежащую ему часть капитала на приобретение картин и «положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие» (см.: А. П. Боткина, П. М. Третьяков в жизни и искусстве, М., 1951, стр. 52—54 и изд. 2-е, М., 1960, стр. 55—57).

3

[1] Сообщая П. М. Третьякову адреса, Верещагин имеет в виду те города, которые он должен был посетить по пути следования в Индию. Об этом он упоминает в письме к В. В. Стасову 2 апреля 1874 года (см.: «Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 1, 1874—1878, М., 1950, стр. 15).

[2] Карандашные и акварельные рисунки Верещагина из упомянутого альбома хранятся в Отделе графики ГТГ. При жизни П. М. Третьякова рисунки из альбома были смонтированы отдельными листами и выставлялись в витрине (см.: «Опись художественных произведений городской галлереи Павла и Сергея Третьяковых», 1898, стр. 37, № 561).

[3] Верещагин имеет в виду каталог для предстоящей выставки его картин в Москве, которые после приобретения их П. М. Третьяковым должны были быть выставлены для обозрения публики. Выставка открылась 15 сентября 1874 года в помещении Московского Общества любителей художеств. П. М. Третьяковым был издан подробный каталог с пояснительным текстом, составленным самим Верещагиным.

[4] В 1873 году, в апреле, в Лондоне, в помещении Хрустального дворца (Crystal-Palace), состоялась выставка картин Верещагина, к которой им был составлен подробный каталог.

[5] Михайлов Яков Михайлович — служащий при выставке картин Верещагина.

4

[1] См. письмо 2 и прим. к нему.

[2] Московское Училище живописи, ваяния и зодчества получило свое начало в 1830-х годах и первоначально называлось Московским художественным классом или Натурным классом. С 1843 года, когда Натурный класс переходит в ведение сформировавшегося тогда Московского Общества художников, получает название Московского Училища живописи и ваяния; с 1865 года, с присоединением к нему Московского архитектурного училища, именуется Московским Училищем живописи, ваяния и зодчества, состоящим при Московском Художественном обществе. С 1918 до 1920 года называлось Свободными художественными мастерскими, с 1920 до 1926 года — Высшими художественно-техническими мастерскими (ВХУТЕМАС); с 1926 до 1930 года — Высшим художественно-техническим институтом (ВХУТЕИН).

[3] П. М. Третьяков имеет в виду уничтоженные Верещагиным три картины: «Забытый», «Окружили — преследуют», «У крепостной стены. Вошли!», после того как они, признанные некоторыми представителями высших военных кругов неправдоподобными и тенденциозными, были сняты с петербургской выставки картин Верещагина 1874 года. При жизни Третьякова среди произведений Верещагина в залах галлереи висели фотографии с этих картин.

[4] Гейнс А. К.— см. прим. 4 к письму 1.

В копировальной книге П. М. Третьякова сохранилось письмо его к Гейнсу, в котором он писал 5 апреля 1874 года: «Возвратясь из Петербурга, Д. П. Боткин сообщил мне, что он купил у Вас коллекцию В. В. Верещагина в полную свою собственность, но что он может, если я желаю, уступить половину. Я считал это совершившимся фактом, хотя все газеты сообщали, что коллекция продана Третьякову и Боткину. На днях я получил письмо от Василия Васильевича, копию с которого при сем прилагаю. Я писал Вам два раза: в первом говорил, что встречается затруднение в помещении, во втором просил поскорее сказать, можно ли надеяться на приобретение коллекции? — так как я все придумываю, как бы устроить ее помещение; в обоих я разумел не помещение в своем доме, то есть квартире,— если бы помещать у себя, то для этого нечего придумывать. Безусловное приобретение Дмитрием Петровичем изменило все предположения, но теперь, как Вы увидите из письма В[асилия] В[асильевича],— дело представляется совершенно в ином свете, и я покорнейше прошу Вас, Ваше превосходительство, поскорее разъяснить это недоумение. Я с своей стороны совершенно согласен с тем, что В[асилий] В[асильевич] заскобил в своем письме *... Я предъявлял Д[митрию] П[етровичу] письмо Василия Васильевича, предлагая исполнить теперь же желание автора вместе с ним, Д[митрием] П[етровичем], или мне с моим братом, но он на это не согласился» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/4751, лл. 110, 111).

[5] В доме министерства внутренних дел в Петербурге на Мойке была устроена выставка картин Верещагина.

7

[1] См. прим. 3 к письму 4.

[2] Упоминаемой Верещагиным записки обнаружить не удалось. В архиве П. М. Третьякова сохранилась копия письма его к А. К. Гейнсу от

---

* Смотри письмо 3: «...коллекция купленных Вами картин не может быть разрознена ни Вами, ни потомками Вашими».

5 апреля 1874 года и письмо А. К. Гейнса к П. М. Третьякову от 13 апреля 1874 года, в котором он писал:

«Милостивый государь Павел Михайлович.

На достойнейшее письмо Ваше от 5 апреля честь имею уведомить Вас о нижеследующем. В качестве доверенного В. В. Верещагина 23 марта я запродал картины этого художника Д. П. Боткину. Согласно выговоренным условиям между прочим договорено, что 40 000 руб[лей] должны быть уплачены в течение настоящего месяца, а остальные 50 000 рублей в течение 1875, 1876 и 1877 годов равными кушами.

В письме Вашем от 21 марта В. В. Верещагину высказаны те условия, на которых Вы полагали возможным приобрести коллекцию. Эти условия суть следующие: 1) всю коллекцию Вы полагали поместить на большой улице, в галлерее, освещенной сверху и открытой для публики, и 2) после Вашей смерти эта коллекция должна перейти в собственность города Москвы.

В дополнение к тому Д. П. Боткин передал мне, что Вы делали ему предложение уступить Вам всю коллекцию с тем условием, что она тотчас же в полном ее составе передана будет Вами Московскому Училищу живописи для помещения ее в отдельном здании.

Такого рода высокая цель, которая, конечно, увековечит Ваше имя, заставила г. Боткина, несмотря на его страстное желание остаться обладателем картин г. Верещагина, побороть свои личные чувства и дать преимущество сделанному Вами ему предложению, как имеющему в виду исключительно общественное дело.

На этом основании Дмитрий Петрович спросил меня, буду ли я иметь что-либо против того, если он передаст Вам всю приобретенную им коллекцию.

Я отвечал, конечно, что не встречаю к тому никаких препятствий.

С целью известить об этом Вас, глубокоуважаемый Павел Михайлович, я передал настоящее письмо Д. П. Боткину для вручения его Вам, тем более что оно будет служить удовлетворительным ответом на Ваше ко мне письмо от 5 апреля. При переговорах, которые Вы будете вести с Дмитрием Петровичем, не забывайте, что мы должны будем заключить с Вами условия нотариальным порядком относительно нераздробления, неотчуждаемости и публичного характера коллекции, а равно порядка уплаты В. В. Верещагину денег. Прошу принять уверение в моем искреннем к Вам уважении и преданности». (Отдел рукописей ГТГ, № 1/4751, лл. 110, 111, № 1/1012).

[3] Боткин Михаил Петрович (1839—1914) — художник, петербургский коллекционер картин и предметов искусства.

[4] Бомбей — город, административный центр провинции Бомбей на западе Индии.

8

[1] Лорч Бруно (Lortsch Bruno) — доверенный В. В. Верещагина по постройке его мастерской в Париже в Maisons Laffitte. Постройка закончилась в 1877 году, стоила Верещагину больших денег, неприятностей и закончилась судебным процессом.

[2] Сохранились три учтенных векселя: два на сумму в 16 000 рублей каждый и один на сумму 18 000 рублей, выданных П. М. Третьяковым А. К. Гейнсу 1 мая 1874 года, составляющие сумму в 50 000 рублей, которую он должен был уплатить Верещагину после первоначальной уплаты — 40 000 рублей (Отдел рукописей ГТГ, № 1/1010).

[3] Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — выдающийся художественный и музыкальный критик, исходивший в своей литературной деятельности от традиции критиков революционно-демократического лагеря, боровшихся за реалистическое, национальное русское искусство. В. В. Стасов, высоко ценя талант Верещагина, постоянно выступал в прессе как пропагандист его творчества, являясь неизменным защитником Верещагина против нападок со стороны некоторой части общества, недооценивавшей талант и заслуги художника.

[4] Жемчужников Владимир Михайлович (1830—1884) — поэт, любитель искусства, имел собрание картин. Он и его брат Лев Михайлович были в дружеских отношениях с В. В. Верещагиным.

9

[1] Агра — город в Индии. Среди памятников мусульманской культуры известна гробница Тадж-Могол.

[2] Гейнс А. К. — см. прим. 2 к письму 8.

В письме к В. В. Стасову Верещагин писал 5/17 декабря 1874 года: «...Как Вам известно, интересы мои я вверил, уезжая, Гейнсу. Вот сей-то государственный муж и беспокоит меня крепко. Отберите от него вместе с Львом Жемчужниковым (которому я писал) мои деньги и мои вещи — часть денег (15 000 рублей) пошлите мне, остальные оставьте у Третьякова...» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 1, 1874—1878, М., 1950, стр. 25—26).

[3] Извещение петербургского коммерческого банка от 27 января 1875 года на имя П. М. Третьякова о переводе Верещагину 2000 фунтов стерлингов хранится в Отделе рукописей ГТГ (№ 1/887). Об этом же П. М. Третьяков сообщал Стасову в письме от 19 января 1875 года («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897», М., 1949, стр. 13).

[4] Непал — королевство, лежащее по обеим склонам главной Гималайской цепи. Коренное население — смесь монголов с тибетцами.

[5] Моунт-Эверест (Mont-Everest) — высочайшая гора в мире (8.848 *м*), находится в восточной части Гималаев, на границе Непала и Китая. Названа в честь президента геодезийского комитета Индии Джорджа Эвереста (1790—1866).

10

[1] Гималайские горы, высочайшие на земном шаре, отделяют Индостан и западную часть Индокитая от Тибетского плоскогорья. В Гималайское государство входят области Кашмир, Непал, Сикким и Бутан.

[2] Жемчужников Лев Михайлович (1828—1912) — художник-график. Л. М. Жемчужников, так же как и его брат Владимир Михайлович, был в дружеских отношениях с Верещагиным. Живя в Москве, Лев Михайлович являлся деятельным членом Московского Общества любителей художеств в течение шестнадцати лет. Им был принесен в дар Третьякову выжженный им по дереву портрет Верещагина (1883).

В архиве П. М. Третьякова сохранилось письмо Л. М. Жемчужникова от 22 апреля 1875 года:

«Многоуважаемый Павел Михайлович! Три перевода на сумму 13 000 франков (*тринадцать тысяч франков*) на Париж за счет В. В. Верещагина мною получены. Очень рад видеть Вас и поговорить. Искренне преданный Лев Жемчужников» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/1014).

11

[1] Кашмир — княжество на юге Азии, граничит с Китаем, Афганистаном, Пакистаном и Индией.

[2] О нежелании Верещагина показывать кому бы то ни было свои этюды, сделанные в Индии, которые он намеревался выслать на имя Стасова, Третьякову стало известно из письма В. В. Стасова от 22 марта 1875 года, в котором он писал: «... я получил от Верещагина письмо из Индии от 11/23 февраля и по Вашему желанию сообщаю Вам оттуда кое-что. Главное то, что он здоров, хотя чуть-чуть не замерз в дороге, в горах, и работает сильно. Говорит, что очень скоро пришлет много, «с полсотни этюдов, а может быть, и более. Многие из них лишь наброски, но многие хорошо кончены», и т. д. Но не велит никому их показывать...» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897», М., 1949, стр. 14). Верещагин писал Стасову 11/23 февраля 1875 года: «... Я в самой середке Гималайев, в малом королевстве Сикким. . Когда спущусь с гор, приеду в Агру, пошлю Вам оттуда с полсотни, а может быть, и более этюдов.

Этюды, которые Вам пошлю, попрошу Вас *никому не показывать.* Я бы держал их и здесь, но они покрываются плесенью за время дождей и в жару коробятся, доски же трескаются (на несчастье, несколько этюдов я написал на досках)...» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 1, 1874—1878, М., 1950, стр. 31—33).

12

[1] См. прим. 2 к письму 10.

[2] Имеется в виду письмо В. В. Стасова к П. М. Третьякову от 15 апреля 1875 года, в котором он передавал Третьякову просьбу Верещагина о посылке «если можно, *немедленно,* 13 000 франков в Париж по адресу: M. Lortchs, Paris, 17 rue d'Hanteville» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897», М., 1949, стр. 14—15).

[3] Московское Общество любителей художеств (1860—1917) организовывало выставки — «постоянные» и «периодические», аукционы и лотереи художественных вещей, конкурсы, на которых из капитала Общества выдавались премии за лучшие работы художников.

[4] П. М. Третьяков имеет в виду историю и весь шум, вызванный отказом Верещагина от профессорского звания. По просьбе Верещагина Стасов опубликовал в газете «Голос» (1874, 12 сентября, № 251) заявление Верещагина с отказом от профессорского звания, в котором он заявлял: «... считая все чины и отличия в искусстве безусловно вредными, начисто отказываюсь от этого звания...» После чего последовал целый ряд статей и заметок в петербургских и московских газетах.

[5] Тютрюмов Никанор Леонтьевич (1821—1877) — художник, академик. По поводу отказа Верещагина от профессорского звания опубликовал статью «Несколько слов касательно отречения г. Верещагина от звания профессора живописи» («Русский мир», 1874, 27 сентября, № 265), в которой объяснял отказ Верещагина от звания профессора тем, что ему неудобно его принять ввиду того, что картины из туркестанской коллекции писались им не одним в Мюнхене, а «компанейским способом».

[6] В. В. Стасов в своей статье, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях» (1874, 30 сентября, № 269), требовал от Тютрюмова доказательств высказанных им предположений относительно работы Верещагина над своими картинами. Кроме того, Стасов обратился с письмом

в Мюнхенское Товарищество художников с просьбой сообщить о работе Верещагина в Мюнхене. Ответное письмо мюнхенских художников, полное возмущения, было опубликовано Стасовым в газете «С.-Петербургские ведомости» (1874, 25 ноября, № 325). Кроме того, по инициативе Стасова одиннадцать русских художников — М. П. Клодт, В. И. Якоби, И. И. Шишкин, П. П. Забелло, К. Ф. Гун, М. К. Клодт, Г. Г. Мясоедов, И. Н. Крамской, П. П. Чистяков, А. А. Попов и Н. Н. Ге — напечатали в газете «Голос» (1874, 5 октября, № 275) заявление, в котором высказали возмущение по поводу несправедливого обвинения, направленного против Верещагина, и, обращаясь к Тютрюмову, писали, что они «не сочли бы себя вправе возражать академику Тютрюмову, если бы он говорил от своего лица, а не от лица художников вообще. Подобное обобщение его мнения с мнением всех художников обязывает нас заявить публично, что мнения г. Тютрюмова нам совершенно чужды. Мы не делим ни его разочарований, ни его критических взглядов и смеем думать, что Верещагин с честью может оставаться в семье русских художников, что бы ни думал о нем г. академик Тютрюмов».

В московской газете «Современные известия» (1874, 28 октября, № 276) была опубликована статья «Картины г. Верещагина» за подписью художника Валентина Александровича Брызгалова (р. 1841), в которой он упрекал Верещагина в малой выразительности персонажей, в злоупотреблении световыми эффектами. В этой же статье бросался упрек и по адресу Третьякова в том, что он «соблазнился количеством» и, затратив громадную сумму, не учел качества коллекции Верещагина.

[7] В 1872 году П. М. Третьяков, будучи за границей, посетил мастерскую Верещагина в Мюнхене.

13

[1] Ладак — горная местность на северо-западе Индии, составляющая часть Кашмира, между Гималаями и Каракорумом. На письме Верещагина к Стасову, помеченном июлем 1875 года, написано «Ладак, большущий буддийский монастырь Хемис» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 1, 1874—1878, М., 1950, стр. 41).

[2] Возможно, Верещагин имеет в виду посылку картин Третьяковым на Всемирную выставку в Филадельфию (1875 года), на которой участвовали русские художники. Отмечалось, что «вообще Отдел искусств — самая слабая часть выставки» («Нива», 1875, № 51, стр. 864). Никаких картин П. М. Третьяков на выставку в Америку не посылал.

14

[1] Тибет — юго-западная часть Китайской Народной Республики, высочайшее плоскогорье на земном шаре, окруженное на юге и севере цепями гор и переходящее на востоке и западе в альпийскую горную страну.

[2] Верещагин за участие в боях за Самарканд во время осады его узбеками в 1868 году получил за храбрость георгиевский крест.

[3] В архиве П. М. Третьякова сохранилась следующая расписка Л. М. Жемчужникова от 13 сентября 1875 года: «Я, нижеподписавшийся, получил в расчет от почетного гражданина Павла Михайловича Третьякова *двадцать восемь тысяч восемьсот пятьдесят три рубля девяносто три копейки*, следуемые Василию Васильевичу Верещагину в уплату за купленные у него, через посредство г. Гейнса, картины,— по учету следующих векселей именно: сроком 1-го мая 1875 в шестнадцать тысяч рублей;

1-го мая 1876 в шестнадцать тысяч рублей; 1-го мая 1877 в восемнадцать тысяч рублей. Лев Михайлович Жемчужников» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/1015).

15

[1] Письмо В. В. Верещагина от 15 сентября 1875 года в архиве П. М. Третьякова не сохранилось; возможно, оно было им передано брату Сергею Михайловичу, который очень часто выполнял поручения Павла Михайловича, связанные с приобретениями художественных произведений. Архива С. М. Третьякова обнаружить не удалось.

[2] В январе В. В. Верещагин находился в Агре, что подтверждается его письмом от 2/14 января на имя Стасова, где на почтовом штемпеле конверта значится: «Агра 15 января 1876 г.» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 1, 1874—1878, М., 1950, стр. 67).

16

[1] Джейпур — главный город Джейпурской области в Индии. 8 марта 1876 г. Верещагин сообщал Стасову: «...сейчас еду из Джейпура в Агру и через 7 или 10 дней в Бомбей, откуда в Париж. ..» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 1, 1874—1878, М., 1950, стр. 75).

17

[1] В условии приобретения туркестанских картин Третьяковым о сумме в 10 000 рублей ничего не говорится. Об этом же пишет и сам Третьяков И. Н. Крамскому 9 сентября 1876 года: «... Скажу Вам, что об условии при покупке «выдаче заимообразно Верещагину, в случае если ему потребуется 10 тысяч рублей», мне совершенно не было известно... Хотя в условии, заключенном между нами, этого пункта и нет, и потому он для меня не обязателен, но я готов буду сделать эту ссуду, если найду возможным, в то время, когда она потребуется. . .» («Переписка И. Н. Крамского», т. 1, И. Н. Крамской и П. М. Третьяков, 1869—1887, М., 1953, стр. 160).

В условии, заключенном 1 мая 1874 года между А. К. Гейнсом, действующим как доверенное лицо Верещагина, и П. М. Третьяковым говорится: «Я, генерал-майор Александр Константинович Гейнс, как поверенный В. В. Верещагина, продал почетному гражданину Павлу Михайловичу Третьякову картины работы Верещагина, ныне выставленные в здании министерства внутренних дел и значащиеся в каталоге картин, этюдов и рисунков В. В. Верещагина, кроме № 3 «Забытый», № 4 «Окружили — преследуют», № 8 «У крепостной стены. Вошли!», «С гор на долину», — за *девяносто тысяч рублей* серебром.

Деньги эти должны быть уплачены покупщиком следующим образом. При покупке картин П. М. Третьяковым вносится *сорок тысяч рублей.* На остальные затем деньги выдаются три векселя, из которых первый, ценою в *шестнадцать тысяч рублей,* должен быть оплачен 1 мая 1875 года; второй — в *шестнадцать же тысяч рублей* — оплачивается 1 мая 1876 года, а третий — *восемнадцать тысяч рублей* — оплачивается 1 мая 1877 года.

По исключительности предмета продажи я, Третьяков, принимаю на себя вместе с покупкою следующие обязательства: картины В. В. Верещагина, составляющие покупаемые мною ныне коллекции, не могут быть продаваемы ни порознь, ни в целом составе коллекции и должны составить особую галлерею, доступную для публики. В случае если покупщик

В. В. Верещагин. 1890-е годы. Фотография

П. М. Третьяков. 1898 г. Фотография

подарит приобретенную им коллекцию какому-либо обществу или учреждению, то на последние распространяется обязательство о воспрещении продажи картин, как упомянуто выше, т. е. в целом либо порознь; о сохранении за публикой права посещать и осматривать эту коллекцию картин; притом картины В. В. Верещагина никоим образом и никогда не могут быть переданы за пределы России. За автором картин, В. В. Верещагиным, остается право (исключительное) копирования с них и фотографирования...» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/1011).

18

[1] Верещагин имеет в виду неприятности, связанные с постройкой его мастерской в Париже в Maisons Laffitte. В письме к В. В. Стасову от 13 августа 1876 года, сообщая о необходимости иметь в данный момент деньги, он писал: «...между тем для постройки они нужны теперь же. Что у меня делается с постройкою, того и сказать Вам не могу. Фальшивые приписки после моей подписи, приписки на контрактах под мою руку и т. п. прелести. Архитектор влез просто в уголовную ответственность, к которой, однако, притянуть его боюсь, потому что боюсь издержек и затяжек с постройкою...» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 1, 1874—1878, М., 1950, стр. 127—128).

[2] П. М. Третьяков 9 сентября 1876 года сообщал И. Н. Крамскому: «Вчера же получил я два письма от Верещагина и сегодня утром послал еще телеграмму, что спрашиваемую сумму он получит в скором времени... Скажу Вам откровенно, что в настоящее время, при крайнем небывалом безденежье, повсеместном застое торговли, банкротствах — сделать эту ссуду (не рассчитывая на нее в данный момент) мне было нелегко, но не невозможно, и я этому рад, что так случилось, то есть, что было не невозможно...» («Переписка И. Н. Крамского», т. I, И. Н. Крамской и П. М. Третьяков, 1869—1887, М., 1853, стр. 160—162).

19

[1] Беггров А. И. — владелец магазина художественных принадлежностей (Невский, д. 4), принимал на комиссионных началах у художников их работы для продажи; через него шла пересылка картин из Петербурга в другие города. Верещагин имеет в виду свои денежные расчеты с Беггровым по изданию и распространению альбомов с воспроизведенными в них его картинами.

[2] Верещагин имеет в виду предстоящую Всемирную выставку в Париже 1878 года.

20

[1] В. В. Верещагин имеет в виду последнюю выплату денежных сумм П. М. Третьяковым за приобретенную у художника в 1874 году туркестанскую коллекцию картин. Согласно заключенному между ними условию выплата денег должна быть произведена в три срока (см. прим. 2 к письму 7, прим. 2 к письму 8, прим. 3 к письму 14 и прим. 1 к письму 17).

21

[1] С 1 февраля 1878 года в Академии художеств была открыта выставка для просмотра вещей, предназначенных для отправки на Всемирную выставку в Париж.

На упоминаемой выставке в Париже 1878 года Верещагин не участвовал. Он писал Стасову 3/15 марта 1878 года: «... на выставке действительно ничего моего не будет», на что Стасов ответил 10 марта: «... Мне кажется, Вам бы следовало устроить *свою* выставку в Париже...» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 1, 1874—1878, М., 1950, стр. 212—216).

22

[1] См. прим. 3 к письму 2 и прим. 2 к письму 7.

23

[1] Выставка Верещагина в Париже была открыта в середине декабря 1879 года, на ней были показаны индийская коллекция и картины из туркестанской коллекции.

В. В. Стасовым была опубликована статья «Выставка Верещагина в Париже» в газете «Новое время» (1879, 24 декабря, № 1374), в которой Стасов упоминал и о Третьякове как о человеке, создающем великолепную галлерею картин русских художников.

25

[1] Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) — пейзажист, назначенный с 1873 года Академией художеств наблюдать за пенсионерами за границей, жил в Париже, где его мастерская являлась в течение многих лет центром русской художественной колонии; им было основано в Париже Общество для оказания помощи русским художникам. А. П. Боголюбов являлся организатором в г. Саратове Музея имени его дяди А. Н. Радищева (1749—1802).

26

[1] Письмо печатается по сохранившемуся черновому письму П. М. Третьякова, без подписи, на обороте письма от 2 марта 1879 года от Московского биржевого комитета, приглашающего Третьякова на заседание 3 марта 1879 года.

В письме П. М. Третьякова оставлено свободное место для вставки тех условий продажи картин Верещагина, которые заключены нами в кавычки (Отдел рукописей ГТГ, 1/4757, 1/1011).

[2] Упоминаемый экземпляр условия сохранился в архиве П. М. Третьякова (Отдел рукописей ГТГ, № 1/4757). (См. прим. 1 к письму 17.)

[3] Макарт Ганс (1840—1884) — австрийский исторический живописец.

[4] Макс Габриель (1840—1915) — немецкий художник, в марте — апреле 1879 года в Москве, в Московском Обществе любителей художеств, выставлялась его картина «Лик Спасителя», возбудившая много толков среди публики (см. «Московские ведомости» 1879, 17 марта, № 67, и 4 апреля, № 83).

[5] Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902) — художник, типичный представитель позднего академического искусства.

28

[1] В. В. Верещагин имеет в виду письмо П. М. Третьякова к В. В. Стасову от 2 апреля 1879 года, в котором он писал: «...Я знал, то есть был уверен в ответе в[еликого] к[нязя]; оно и понятно, иначе и быть не могло; а между тем, зная характер Василия Васильевича, можно предполагать, что может случиться вследствие ответа в[еликого] к[нязя]: коллекции совсем не будет, или она будет раздроблена, или вовсе не попадет в Россию. А ведь война эта — событие мировое, только, может быть, в далеком будущем будет оценена жертва, принесенная русским народом, и за изображение-то этого события берется такой художник и к тому очевидец. Если бы это дело не состоялось, кто бы тут более был виноват, художник или общество, я не берусь разбирать. Но только это было бы очень прискорбно. Ввиду этих соображений я решил сделать следующее предложение: я могу определить на это дело не более 75 тысяч, это максимум (и то с помощью брата моего), с рассрочкой на 5 лет. Мне кажется, если бы Василий Васильевич изменил несколько цену, так, например, большой размер 6 тысяч, средн[ий] 3 тыс[ячи], мал[ый] $1^1/_2$ тыс[ячи], то стоимость коллекции из 20 картин приблизилась бы к этой цифре; разумеется, вовсе не желательно сокращать количество картин, а наоборот. Убавка цены, Вы очень хорошо поймете, есть не оценка, а указание как на средство достигнуть цели. Дело в том, что я не могу располагать более вышеозначенной суммой, а желательно бы по возможности не сокращать этого количества, какое автор найдет нужным сделать, а все, что он найдет нужным, мне кажется, должно быть сделано. Я не располагаю такими средствами, какие некоторым могут казаться. Я не концессионер, не подрядчик, имею на своем попечении школу глухонемых; обязан продолжать начатое дело — собирания русских картин (некоторые вообразили, что с приобретением ташкентской коллекции Верещагина я перестану собирать картины, и ошиблись); вот почему я вынужден выставлять денежный вопрос на первый план. Теперь насчет содержания; как ни странно приобретать коллекцию, не зная содержания ее, но Верещагин такой художник, что в этом случае можно на него положиться; тем более что, помещая в частные руки, он не будет связан выбором сюжетов и, наверное, проникнут духом принесенной народной жертвы и блестящих подвигов русских солдат и некоторых отдельных личностей, благодаря которым дело наше выгорело, несмотря на неумелость руководителей и глупость и подлость многих личностей. Картина, находящаяся у Вас (не узнали ли Вы, почему она названа «Пленные»), как я уже говорил Вам, одна сама по себе не представляет страницы из болгарской войны, подобная сцена могла быть и в Афганистане да и во многих местах; я на нее смотрю как на дорогу, как на преддверие в коллекцию. Чтобы картины были даны для выставки в Европе, вполне согласен, так как коллекция эта может остаться в полном моем распоряжении. Я не намерен извлекать из нее никаких выгод *для себя*, и потому, мне кажется, можно бы предполагать уступку в цене против всех иных приобретений...» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897», М., 1949, стр. 41—43).

Это письмо высоко оценил Стасов. В ответном письме к Третьякову 5 апреля он писал: «Не нахожу слов, чтобы выразить Вам, *каким* я нахожу это письмо. Знаете что? В деле русского искусства я его считаю «историческим», — приму меры, чтобы оно сохранилось *навсегда*, для будущих наших наследников и потомков.

«Благородство, джентельменство, широкая мысль, патриотизм, беспредельная любовь к русскому искусству и к искусству вообще — все встретилось вместе в этом чудесном письме...» (Там же, стр. 43).

[2] Верещагин, желая продать всю свою коллекцию картин из серии русско-турецкой войны 1877—1878 годов, выслал одну из них — «Пленные» — в Петербург, с тем чтобы ее увидели наследник, великий князь Александр Александрович, и П. М. Третьяков. Цена за нее была назначена в 7000 рублей. Дело с продажей картины не состоялось, и она была, по желанию автора, возвращена в Париж.

29

[1] Вел. кн. Владимир Александрович (1847—1909) — президент Академии художеств с 1876 года, действующий в деле приобретения картин Верещагина с согласия наследника, впоследствии императора Александра III.

[2] П. М. Третьяков имеет в виду то, что содержание его письма от 2 апреля 1879 года к Стасову было передано им почти полностью Верещагину, о чем сообщал Третьякову и сам Стасов.

[3] Картина Верещагина «Пленные» изображает дорогу от Плевны, усеянную замерзшими турками.

30

[1] Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император (1804—1815) и выдающийся полководец.

[2] Верещагин имеет в виду свои высказывания относительно цен на картины, которые стали известны П. М. Третьякову из письма к нему Стасова от 11 марта 1879 года. В письме сообщалось, что Верещагин цены на картины назначает по их величине. Принимая в расчет стоимость картины «Пленные» в 7000 р[ублей], прочие картины должны стоить: «1/2 величины настоящей картины — половины 7000; 1/4 величины — четверть 7000 и т. д.».

[3] Имеется в виду Московское училище для глухонемых детей, основанное в 60-х гг. Иваном Карловичем Арнольдом, делу которого П. М. Третьяков оказывал большую материальную помощь. Позднее училище называлось «Арнольдо-Третьяковское».

[4] Выставка Верещагина в Лондоне была открыта весной 1879 года в Соут-Кенсингтонском музее. На ней были показаны: 171 произведение из индийской коллекции и 8 картин из серии произведений на тему войны 1877—1878 годов.

[5] Верещагин имеет в виду наследника, вел. кн. Александра Александровича, впоследствии императора Александра III.

31

[1] П. М. Третьяков имеет в виду письма от 2 апреля и 3 мая 1879 года к Стасову («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897», М., 1949, стр. 41—43, 46—47).

[2] Пристройка эта была осуществлена в 1882 году весной, и вся коллекция верещагинских картин была размещена в трех нижних залах.

32

[1] Коцебу Александр Евграфович (1815—1889) — русский художник-баталист, автор картин «Взятие Берлина русскими войсками» (1849),

«Переход русских войск через Альпы» (1860) и др. С 1859 года жил в Мюнхене.

² Телиш — деревня в Болгарии; Шейново — селение в Болгарии. Обе картины изображают сцены из русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

³ Верещагин имеет в виду аукцион своих картин, который состоялся 29 и 30 марта 1880 года и на котором Третьяков приобрел более чем на 75 000 р[ублей] картин из индийской коллекции.

⁴ «L'art» (1880, № 265) — французский журнал, в котором была помещена статья о Верещагине парижского критика Гюгонне. Журнал был получен Третьяковым через В. М. Жемчужникова, к нему было приложено и письмо Верещагина к В. М. Жемчужникову от 4 марта 1880 года, которое согласно желанию Верещагина тоже посылалось Третьякову. В этом письме Верещагин писал: «Владимир Михайлович, скажите, пожалуйста, Павлу Михайловичу, что, по всей вероятности, многие годы, если, пока я жив, я не продам мои этюды. Напишите еще П[авлу] М[ихайловичу], что мне нужно оправдаться в том, что я его пригласил посмотреть мои новые работы раньше других и как бы с видами на его любовь к искусству. Прилагаемый № «L'art» пусть будет моим оправданием. Француз, который меня, конечно, знать не знает, ведать не ведает и который, разумеется, повозился со всякими художниками и картинами, изумляется этим работам и признает, что они составят эпоху в развитии миросозерцания художников. Я знал, что говорю не только *живое* слово, но и *новое* слово, и полагал, что П[авел] М[ихайлович] своим тонким чутьем поймет это,— нет, не понял,— так пусть не состоится распродажа моих военных картин; в материальном отношении она мне будет только выгодна, а П[авел] М[ихайлович] казнится тем, что не понял того, что показалось ему незначительным только по причине своей близости к нему. «В своей земле и проч. . . .». Даже пошлите это письмо П[авлу] М[ихайловичу], как порядочный человек он не обидится кое-чем резким, а если поймет, что мне досадно на него, так только угадает, особенно если прибавить, что *за него самого.*

Пошлите ему и № «L'art» — я чист и не боюсь упреков в зазывании в свою лавочку.

В. Верещагин

(Имейте в виду, что слишком рано не нужно приходить П[авлу] М[ихайловичу] на выставку, потому что свет на больших картинах зажигается лишь в $10^3/_4$» (Отдел рукописей ГТГ, 1/903).

В ответном письме к В. М. Жемчужникову 8 марта 1880 года П. М. Третьяков писал, прося сообщить содержание письма Верещагину: «Милостивый государь Владимир Михайлович. Положа, как говорится, руку на сердце скажу искренне правду, что нисколько не обиделся письмом Василия Васильевича. За приглашение посмотреть картины я ему глубоко благодарен. Приобретение болгарской коллекции не могло состояться просто по цифре ее стоимости: по назначенным ранее В[асилием] В[асильевичем] ценам по размерам она в настоящем ее размере могла стоить 55—60 тыс[яч]; я определил на это дело 75 тысяч, назначение теперь было 95 тысяч. Назначив эту цифру, В[асилий] В[асильевич] имел полное право, так как переговоры весной не состоялись и решено было считать, как бы их и не было. Вы меня предупредили: если цена не подойдет, не торговаться, а просто сказать, что не подходит, что я и сделал. Я ни на минуту не заблуждаюсь в мнении о себе как знатоке с тонким чутьем и пониманием. Я просто искренний любитель. Никакие статьи, ни мнения, ни здешние, ни заграничные, не имеют на меня никакого влияния; я смотрю по своему крайнему разумению и говорю (знаю, гром и молния упадут на меня за эти слова): в коллекции войны —

имея в виду идею бить войну — многое не сказано; и есть вещи ненужные (№ 4*, 7, 12, 17, 18, 19 и 20), вот почему помимо цены в *целом составе* коллекцию ** я не пожелал приобрести и поспешил сообщить об этом Вам до открытия выставки, полагая, что на выставке уже могут быть назначены отдельные за каждую картину цены, и я мог бы явиться одним из первых покупателей, так как мне казалось, аукцион едва ли удобная форма для продажи. Я и теперь желал бы приобрести несколько картин, но В[асилий] В[асильевич], может быть, не пожелает, чтобы я и с аукциона приобрел что-нибудь.

В обеих коллекциях есть вещи такие гениальные, что все заграничные статьи были довольно бледны и недостаточно верны. Что за сравнение то с Жеромом, то с Ор. Верне, то с Детайль, то с Невилем. Я считаю и считал всегда Верещагина таким колоссом, что по многим сторонам его таланта не знаю никого из всех современных художников — включая и Фортуни — ему равного; но, от большого и требуя большого, я смело всегда скажу, что, по моему любительскому разумению,— у него не так, хотя В[асилий] В[асильевич] и не признает этой возможности.

В[асилий] В[асильевич] очень дорожит иностранными журнальными отзывами, а помещенным в присланном № «L'art», кажется, особенно. По-моему же, именно статья эта довольно слаба. Hugonnet был во время кампании в турецком лагере, симпатии его к туркам и антипатии к русским очень прозрачны; он очень хвалит то, что бьет русских, но уже не совсем доволен «Победителями», так как тут затрагиваются турки, между тем как это одна из лучших картин; значит, у него нет беспристрастного отношения к идее бить войну. Он совершенно неверно недоволен солнцем в индийских этюдах, но очень странным мне показалось это конец статьи: «Не обладая талантом из ряда вон, Верещагин имеет неоспоримое преимущество много видевшего. Он, может быть, окажет нам услугу уничтожением комнатных стратегистов и сидящих дома путешественников. Наши артисты, я надеюсь, не позволят, чтобы долгое время говорилось: «Ныне с севера к нам правда идет».

Это Верещагин-то не из ряду вон. Да разве мало было много видевших и ничего не сделавших. Уничтожение комнатных стратегов и не путешествующих путешественников изображением только одной правды как она есть, без таланта, выходящего из ряда вон! Нет, вздор, для этого нужно иметь талант, выходящий из ряда вон, каков и есть Верещагин» (Отдел рукописей ГТГ, 1/4751, л. 135).

33

[1] Возможно, имеется в виду подыскание помещения для предполагаемой выставки Верещагина через Городецкого Михаила Николаевича (1842—1897).

---

* Сама по себе чудесная картина (*П. Т.*).

** По каталогу выставки Верещагина 1880 года в Петербурге: № 4 — «Биль», № 7 — «Тадж», № 12 — «Три главных божества буддистов», № 17 — «Священник Парси», № 18 — «Факиры», № 19 — «Колоннада в Джаинском храме», № 20 — «Горный ручей в Кашмире».

Указывая на эти номера картин, П. М. Третьяков имел в виду приобретение картин всей коллекции В. В. Верещагина в целом, показанных на выставке 1880 года в Петербурге, то есть картин на индийские темы и картин из событий русско-турецкой войны. В библиотеке Третьяковской галлереи сохранился экземпляр каталога этой выставки, на одной из страниц которого карандашом рукой П. М. Третьякова сделан список индийских картин, намеченных им для приобретения, с указанием цен.

34

[1] Крамской Иван Николаевич (1837—1887) — выдающийся русский художник, один из организаторов и идейных руководителей Товарищества передвижных художественных выставок. С 1869 года находился в переписке с Третьяковым, с которым поддерживал дружеские отношения в течение всей своей жизни.

[2] Верещагин имеет в виду желание Третьякова иметь его портрет в галлерее. Третьяков писал Крамскому 21 января 1880 года: «...не следовало ли бы сделать его портрет? Личность крупная! Может быть, он и согласится...» Но в этом году сеансы не состоялись, и только в конце 1883 года Крамскому удалось начать портрет Верещагина, который так и остался неоконченным, датирован 1884 годом и был приобретен Третьяковым после смерти Крамского.

[3] Третьякова Вера Николаевна (1844—1899), урожденная Мамонтова, с 1865 года — жена П. М. Третьякова.

35

[1] См. прим. 3 к письму 30.

[2] Верещагин Василий Васильевич (ум. 1879 (?)) — отец художника, помещик Череповецкого уезда, Вологодской губернии.

[3] Возможно, речь идет о здании для размещения туркестанских картин Верещагина, так как к этому времени истек срок, данный по условию П. М. Третьяковым Московскому Обществу любителей художеств, и П. М. Третьяков имел право взять коллекцию картин обратно.

36

[1] Жемчужников Владимир Михайлович — см. прим. 4 к письму 8.

[2] Имеется в виду развеска картин из индийской коллекции.

38

[1] Имеется в виду картина Верещагина «Побежденные», она же — «Панихида».

41

[1] Неронов Федор Петрович — вице-директор департамента общих дел министерства путей сообщения, сослуживец В. М. Жемчужникова. В архиве П. М. Третьякова сохранилась расписка Неронова: «...1880 года 3 ноября нижеподписавшийся получил за счет В. В. Верещагина, по доверенности, от Павла Михайловича Третьякова десять тысяч рублей — 10 000 р[ублей]. Действительный статский советник Ф. Неронов» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/2480).

[2] Мудрогеленко (Мудрогель) Андрей Осипович (ум. 1880). В дневнике В. Н. Третьяковой записано: «...декабрь 21. Сегодня в 12 часов дня умер наш милый человек Андрей Осипович...» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/5288, л. 15 об.).

42

[1] «Транспортная контора Игнатия Розенталь, вдова и компания. Генеральное Агентство Московско-Брестской железной дороги. Берлин, Москва, Париж, Гамбург, Штетин, Сосновицы, Граница, Ревель».

[2] Всесоюзная художественная выставка в Москве была открыта летом 1882 года. На ней было несколько работ Верещагина из частных коллекций: «Любители опиума», собственность вел. кн. Николая Николаевича (младшего); «Русский тип», собственность М. П. Боткина; три этюда из путешествия в Индию, принадлежащих В. Л. Нарышкину, и два этюда из ташкентской коллекции, собственность государя

45

[1] До выставки в Париже Верещагин намеревался выставить свои картины на выставке в Вене, которая состоялась в середине октября 1881 года в здании венского Общества художников «Хюнстлерхауз». После Вены работы Верещагина были показаны в Париже. На выставке в Вене были представлены зрителю 88 картин: 34 из туркестанской коллекции, полученные от П. М. Третьякова, 33 индийских и 21 болгарская, кроме того, было показано около 50 рисунков. Во все время ее открытия, в течение месяца, выставка пользовалась громадным успехом у зрителя.

[2] По каталогу выставки Верещагина 1880 года в Петербурге под указанными номерами значатся следующие картины и этюды из серии индийских работ Верещагина: № 11 — «Гробница императора Альтумш в Старом Дели», № 12 — «Три главных божества буддистов в монастыре Чангачелинг, в Сиккиме», № 15 — «Домик в гареме дворца Футепор-Сиккри», № 55 — «Портик одного из храмов в монастыре Чангачелинг», № 59 — «Ворота Алла-уд-дин (Старый Дели)», № 58—«Верблюд».

[3] Московское Общество любителей художеств.

[4] В собрании С. М. Третьякова было несколько работ Верещагина. К моменту передачи П. М. Третьяковым г. Москве своего собрания в 1892 году из коллекции картин его брата согласно его завещанию поступили в Третьяковскую галлерею: «Гробница», «Факир», «Пейзаж», «Повозка». Под № 83 каталога выставки 1880 года значится «Гробница святого Шейх-Селим-Шисти в Футепор-Сиккри».

46

[1] Боткин Дмитрий Петрович — см. прим. 2 к письму 2, был председателем Московского Общества любителей художеств с 1877 по 1889 год.

[2] Копия письма Верещагина к Д. П. Боткину включена в текст письма Верещагина к Третьякову.

[3] Гейнс А. К. — см. прим. 4 к письму 1. Верещагин в данном случае ошибается, так как в письменном договоре, заключенном в 1874 году между Гейнсом и Третьяковым, о праве Верещагина пользоваться своими картинами для устройства им выставок не указано.

47

[1] В Костроме находилась фабрика «Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры», существовавшего с 1866 года, учредителями которого были: П. М. Третьяков, С. М. Третьяков, В. Д. Коншин и К. Я. Кашин.

49

[1] По каталогу 1880 года под № 59 значатся — «Ворота Алла-уд-дин» (Старый Дели).

[2] В тексте набросок пером, изображающий ворота в стене.

52

[1] Имеется в виду письмо В. М. Жемчужникова к П. М. Третьякову от 7 мая 1881 года, в котором он писал: «Многоуважаемый Павел Михайлович. Уже давно, с 20 апреля, я хотел и должен был передать Вам следующую просьбу Василия Васильевича Верещагина, о которой он пишет мне в письме от 15/27 апреля из Парижа. Он пишет, что «имеет от Вас обещание дать, или достать позволение взять в Париж, для выставки картины туркестанской коллекции, какие для этого будут (им, Верещагиным) назначены. Они нужны будут для этого зимою, в декабре; значит, выслать их нужно в ноябре». Поэтому он просит отзыва: «Нужно ли посылать укладчика из Парижа, или найдется хороший в Москве?» — Он полагает «не свертывать картины; и рам не брать». И к этому он добавляет: «Разумеется, картины на мой (то есть его, Верещагина) риск, то есть коли что попортится — поправлю. Желательно бы раньше оговорить подробности, чтобы после не было задержки. Как только буду иметь обстоятельный ответ, так удержу за собой помещение здесь» (то есть в Париже). Пожалуйста, Павел Михайлович, дайте мне просимый Верещагиным ответ на эти вопросы или же ответьте ему сами, только известив об этом меня, дабы я не считал себя не исполнившим этого поручения. Адрес его: Maisons Laffitte, pres Paris. Кстати, сообщаю Вам, из того же письма отзыв его о собственных новых работах: «С новыми работами мучусь зело. Более чем когда-либо противно все, что делаю. Пустить же с советами не хочу, чтобы не сбиться с мысли». Недавно приехал сюда, от Скобелевской экспедиции, брат Василия Васильевича — Александр, казак, которому принадлежит большинство индийских этюдов Василия Васильевича, висящих у меня. Он скоро собирается к Василию Васильевичу в Париж. Я пробовал, как бы для себя, осведомляться у него: не поменялся ли бы он какими-либо из этих этюдов, или не уступил ли бы тот этюд гор, о котором Вы говорили мне? — Вывод мой следующий: на обмен он не согласится, но *все* этюды (их 15) продал бы. Если бы Вы пожелали и указали цену, то, по моему убеждению, я мог бы сговориться с ним.— Сообщаю это к Вашему сведению.

Искренне любящий и уважающий Вас В. Жемчужников» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/1435).

[2] **«Формальной доверенностью»** явилось письмо В. В. Верещагина к брату А. В. Верещагину, с которым тот приехал к П. М. Третьякову, заверенное подписью и печатью русского консульства в Париже 3/15 июля 1881 года. По этому письму значилось, что согласно каталогу выставки картин Верещагина в 1874 году и указанных в письме Верещагиным номеров были посланы 45 картин маслом и 73 рисунка карандашом. По сохранившемуся в подлиннике списку отправленных в Париж произведений Верещагина значится:

«1) Смертельно раненный.
2) Парламентеры.
4) б) Нападают врасплох.
ж) Торжествуют.
з) У гробницы святого — благодарят всевышнего.
и) Апофеоз войны.
5) У дверей мечети.
6) Самаркандский зиндан.
9) Двери Тамерлана.
11) Продажа ребенка-невольника.
13) Киргиз.
21) Солон.
22) Калмык.
24) Киргизы.
29) Афганец.

32) Узбекский сотник.
35) Китаец.
36) Китаянка.
37) Сарт, поющий.
38) Сарт, продающий.
39) Индеец.
43) Солон.
44) Солонка.
46) Большая кочевая дорога в Алатавских горах.
52) Гур-Эмир.
60) Хор дуванов.
61) Политики в опиумной лавочке.
62) Развалины театра в Чугучаке.
63) Садовая калитка в Чугучаке.
68) Тамерлановы ворота.
76) Головной убор калмыцкого архиерея.
77) Калмык.
78) Портрет калмычки.
84) Дети солоны.
90 и 91) Развалины в Чугучаке.
92) Пограничное китайское войско.
104) Дуваны в праздничных одеждах.
105) Нищие в Самарканде.
106) Мечеть Шах-и-Зинда.
109 и 110) Перекочевка.
111) Внутренность юрты богача киргиза.
118 и 119) Перевал Барскаун.

Итого масляных картин отправлено 45, из которых 32 в рамах и 13 без рам.

СПИСОК РИСУНКОВ

122, 123, 124) Таджики.
125) Женщина таджичка.
126) Таджик, каратегинец.
127, 128, 129, 130, 131) Сарты.
132) Женщина сартянка.
132б) Мальчик сарт.
133, 134, 135) Узбеки (бухарские).
136, 137) Узбеки (кокандские).
138) Кураминец.
140) Лестница в мечети Шах-и-Зинда.
145) Входные ворота Медрессе.
147) Крепостная стена.
170, 171) Евреи.
172) Мальчик еврей.
173, 174) Еврейки.
175, 176, 177) Индийцы.
178) Индиец мусульманин.
179) Персиянин.
180, 181, 182, 183) Аравитяне.
184, 185) Цыгане.
186) Кара-киргиз.
187, 188, 189, 190, 191, 192, 193) Киргизы.
194, 195, 196) Киргизки.
197) Кара-киргизка, девочка.
199, 200) Юзы (узбекский род).
201) Нагай и киргиз.
202) Киргизская зимовка.
211, 212, 213, 214, 215) Солоны.
216) Солонский мальчик.
217, 218) Женщины солонки.
219, 220) Калмыки.
221) Калмыцкий священник.
222, 223) Калмыки.
225, 226) Сибо.
227) Женщина сибо.
228) Девочка сибо.
229) Китаец.
230) Китаец из Кашгара.
238) Стенка перед домом.

Итого рисунков отправлено 73.
Список составлен верно

А. Верещагин».

Под списком расписка А. В. Верещагина: «По сей доверенности сорок пять масляных картин и семьдесят три (73) рисунка карандашом получил Александр Васильевич Верещагин 23 июля 1881 года» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/919, № 1/920).

53

[1] Имеется в виду телеграмма В. В. Верещагина к А. В. Верещагину следующего содержания: «Просьба выслать Павлу картины в рамах согласно предварительным переговорам».

54

[1] В тексте набросок пером, указывающий, как надо закреплять картины при пересылке.

55

[1] Верещагин имеет в виду предстоящую выставку его картин в Москве, осуществленную в 1883 году.

[2] Имеется в виду выставка картин Верещагина, состоявшаяся в Петербурге в феврале 1880 года.

[3] Видимо, Верещагин имеет в виду свои картины на темы русско-турецкой войны 1877—1878 годов: «Перед атакой», «Турецкий лазарет» и «После атаки» («Перевязочный пункт»).

57

[1] По каталогу выставки картин и этюдов Верещагина 1880 года под этими номерами значатся:

1. Женщина средних лет в Ладаке.
6. Храм в гротах Аджунта.
8. Колонны храма Индры в Еллоре.
9. Ледник по дороге из Кашмира в Ладак.
10. Портик храма, в монастыре Тоссидинг (Сикким).
11. Гробница императора Альтумш в Старом Дели.
12. Три главных божества (св. Троица) буддистов.
13. Повозка богатых людей (Дели).
17. Священник Парси.
18. Факиры.
23. Угол и галлерея подземного храма в Еллоре.
24. Буддистский лама.
26. Главный храм монастыря Тассидинг.
27. Два факира.
28. Кутч — Баниан (одна из сект).
31. Баниан.
40. Факир из Бенареса.
51. Внутреннее убранство буддийского монастыря (Ладак).
54. Раджпугур (мраморная, украшенная барельефами набережная на озере в Одейпоре).
58. Перл мечеть (Агра).
84. Женщина и мальчик в Бомбее.
97. Монастырь Хемис, Ладак.
121. Женщина кашмирка.
125. Житель Кашмира.

63

[1] Выставка картин Верещагина в Берлине открылась 24 января/5 февраля 1882 года в театре Кролля.

[2] П. М. Третьяков вместе с женой В. Н. Третьяковой весной 1882 года были за границей. В апреле 1882 года В. Н. Третьякова писала детям в Москву: «Вчера утром ездили к Верещагину за город, он живет в $1/2$ часа езды от Парижа, Chateau Laffitte. Это местечко плоское, на реке и с громадным, прямолинейным садом, с дачами, раскинутыми в нем. Подъехавши к дому Верещагина, мы узнали от прислуги, что его ждут из Гамбурга, где находятся его картины. Ну мы и погуляли в этом парке часа $1^1/2$, наслушались птиц, нанюхались цветов и аромата от цветущих деревьев — каштанов, яблонь и разных кустов. К 12 часам стали возвращаться к дому и встретили Верещагина, который издали закричал, что

папа похудел, а я все та же. Он ласково принял нас, познакомил с своей женой-немкой, говорящей правильно по-русски. Ну что за мастерская Верещагина. Я при всей своей фантазии не могла представить себе такой величины комнату. Она величиной с нашу старую верхнюю галлерею, только наполовину еще шире, и сбоку громаднейшее окно. Так работать художнику, при таких условиях, возможно только *мечтать*. А на летнюю работу придумал он *вагон*, величиной с большой крестьянский дом, который двигается по рельсам на площадке, имеющей форму цирка, окруженной забором. Такая мастерская для художника есть рай и последняя мечта на земле. Показывал он нам свои кар[тины]. Оказалось весьма мало в настоящую минуту. Угощал завтраком, дал мне свой портрет с надписью, и расстались. Он был страшно болен, но теперь осталась еще у него нервная слабость... Завтра — 29 — выезжаем из Парижа вместе с мамашей и Соф[ьей] Мих[айловной]. Поедем вместе до Кёльна, мы — на Гамбург, смотреть выставку Верещагина... Пробывши в Гамбурге день, мы направимся в Вену, где осмотрим в 2 дня международную художественную выставку и потом без остановок в Москву...» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/5331).

В одном из писем 1882 года А. В. Верещагин сообщал брату из Гамбурга: «Третьяков здесь был на выставке четыре раза» (Отдел рукописей ГТГ, № 17/521).

[3] Верещагиным была подарена картина «У гроба святого» жене немецкого кронпринца.

[4] Имеется в виду картина Верещагина «Дервиши».

В собрании П. М. Третьякова были три картины на этот сюжет: «Хор дуванов» (дервишей, просящих милостыню), «Дуваны в праздничных одеждах» и «Дервиши-дуваны». Видимо, речь идет о приобретении картины «Хор дуванов». В архиве П. М. Третьякова сохранилось письмо М. П. Боткина от 9 января 1882 года, в котором он писал: «... На днях присылает сюда Верещагин в Общество поощрения художников картину «Поющие дервиши» с просьбой ее продать с аукциона. Вырученные деньги жертвует в пользу погорельцев венского театра» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/672).

64

[1] В театре Кролля находилась открытая 24 января/5 февраля выставка картин Верещагина в Берлине.

[2] Верещагин предполагал сделать большое путешествие по России, но события 1881 года, после убийства Александра II, остановили его. По этому поводу Стасов писал Третьякову: «... он было думал совершить путешествие по России... но потом передумал вследствие нынешнего положения и поедет в другие места ..» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897», М., 1949, стр. 70—71). Сам же Верещагин сообщал Стасову в июле 1882 года: «... Кабы не боязнь неприятностей от властей высоких и низших, я бы поехал работать в Россию, это более заняло бы голову, чем разные Индии; но ведь теперь это положительно немыслимо, затаскают по участкам и канцеляриям за разными дозволениями. По живости характера я способен буду кому-нибудь и в харю плюнуть и в рожу треснуть, так лучше *до греха* пообождать, а то еще заподозрят участником *крамолы*, — теперь это великое слово, ко всему подходящее...» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 2, 1879—1883, М., 1951, стр. 123—124).

В письме к Стасову 6/18 октября 1882 года Верещагин сообщал, что он скоро уезжает «*ненадолго* в Индию... написать несколько этюдов...» (там же, стр. 137).

65

[1] 13 февраля 1882 года П. М. Третьяков писал Стасову: «Многоуважаемый Владимир Васильевич, только что получил Ваше письмо и, исполняя Ваше желание, извещаю о сем немедленно. В. В. Верещагин несправедливо упрекает, что я не заглянул к нему. До отъезда из Москвы я справлялся, когда будет выставка в Вене, и нарочно замедлил отъездом, чтобы попасть в Вену к открытию ее, но, приехав туда, не нашел выставки, а оставаться там с больной женой, в дурную погоду невозможно было: я должен был спешить в теплый климат; поехать на выставку из Сицилии и оставить там жену одну тоже невозможно было; на возвратном пути я старался как можно скорее провезти поправившуюся жену в теплых вагонах, никуда не заезжая; да и не мог я знать в Сицилии, где находится В[асилий] В[асильевич] в начале декабря, и, уже возвратясь сюда, узнал об открывшейся выставке в Париже, чего ранее из известий В[асилия] В[асильевича] никак не предполагал. Так как брат мой должен был оставить службу и уехать за границу, то мне и думать нельзя было выехать из России, пока он не вернется. Стало быть, несмотря на пламенное желание видеть Берлинскую выставку, для меня это было совершенно невозможно. Жаль, что совсем не придется увидать подаренных вещей. Вот ведь есть какие счастливцы! Вы говорите, что спрашивали В[асилия] В[асильевича], почему он не мне (то есть национальной русской коллекции) отдает свои лучшие вещи? Но разве я могу все приобрести, что сделает он лучшего? Нужно знать средства человека, иногда и даже часто изменяющиеся, семейное положение, да и мало ли что может надевать узду на наши желания. О «Дервишах» я писал не в Берлин, а в Париж, так как Вы сказали, что В[асилий] В[асильевич] в Париже. Я не говорил, что эта вещь лучше всего написанного, это не мои слова, но Вы знаете, что я поражен солнечным светом, разлитым по всей картине, виртуозностью письма. Ваш искренне преданный П. Третьяков» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897», М., 1949, стр. 65).

[2] По списку картин, составленных П. М. Третьяковым с указанием цен на них, значатся: «Хор дуванов» (дервишей, просящих милостыню) — 3000 р., «Дервиши-дуваны» — 3000 р. и «Дуваны в праздничных нарядах» — 500 р. (ЦГАЛИ, ф. 646, оп. 1, ед. хр. 1, Отдел рукописей ГТГ, № 1/6763, л. 71).

66

[1] Нарышкин Василий Львович (ум. 1906) — петербургский коллекционер картин, почетный член Академии художеств с 1868 года. По сохранившимся в архиве П. М. Третьякова документам значится, что у Нарышкина Третьяковым были приобретены три работы Верещагина, среди которых был и «Монастырь Хемис», за все было уплачено 3465 рублей.

[2] В. В. Стасов, сообщая в своей статье «Выставка Верещагина в Берлине» («Голос», 1882, 21 и 28 апреля, № 104, 111) писал: «... У меня в руках свыше 90 статей берлинских газет... В Берлине повторялось то же, что в последние годы бывало в Лондоне, Вене, Париже и даже в Петербурге. Верещагин был признан художником, совершенно выходящим из ряда, а его картины — одним из самых необычайных и крупных проявлений художества в нынешнем столетии. Позабыв всякую национальную узкость и лжепатриотизм, немцы не боялись сравнивать русского художника с значительнейшими своими живописцами: Макартом и Менцелем — по краскам и историческому выражению, Гильдебрандтом — по ландшафту, и в то же время с капитальнейшими современниками живописи Запада: Курбе, Реньо, Мейссонье, Жеромом, Альмой Тадемой, Вирцом,

Невилем. Лишь немногие ставили Верещагина наравне с ними; большинство без колебания откровенно сознавалось, что он выше всех их.. консерваторы из «Krewzzeitung» с глубоким негодованием говорили, что никто еще из живописцев не брал таких задач из войны, как Верещагин, и что, кажется, с его стороны уж не слишком ли смело «ставить на одну доску благороднейших победителей древности и нового времени с средне-азиатскими деспотами!» Эта же газета объявляла, что «слабонервным лучше вовсе не ходить на верещагинскую выставку», и что «жестокое впечатление ее военных картин только что смягчается органом и хором, тихо раздающимися издали...». «Fremdenblatt» говорил, что Верещагина только и спасает великий его талант — не то мир с отвращением отвернулся бы от его ужасного антихудожественного направления. Притом же надо помнить, что «ведь не всегда же и не везде же война так ужасно ведется, как между русскими и турками...». Газета «Norddeutsche Allgemeine zeitung» сообщала, что «конечно, у Верещагина «блестящая техника», но и большой недостаток в эстетике...».

[3] Львов Федор Федорович (1820—1895) — любитель искусств, секретарь Общества поощрения художеств (1859—1863), конференц-секретарь Академии художеств (1859—1865), директор б. Строгановского училища с 1866 года.

67

[1] Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) интересовался изобразительным искусством, имел коллекцию картин, состоял секретарем Общества русских художников в Париже, был в дружеских отношениях с братьями Третьяковыми. Из собрания Тургенева С. М. Третьяков приобрел картину французского художника Теодора Руссо (1812—1867) «Внутренность леса». Интересовался творчеством Верещагина, оценку которого находим в письме Тургенева к П. М. Третьякову 6 июня 1876 года, где он писал: «А мне бы нужно было с Вами переговорить. Во первых — о картинах Верещагина, которые я увидел в первый раз и которые поразили меня своей оригинальностью, правдивостью и силой. .» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/3887).

[2] Кларетти Жюль (1840—1913) — французский писатель и художественный критик, много раз писал о Верещагине.

[3] Никаких приложений к письму в архиве П. М. Третьякова не сохранилось.

[4] Беггров А. И. — см. прим. к письму 19.

[5] Альбом с рисунками В. В. Верещагина был приобретен И. Н. Терещенко, ныне в Киевском музее русского искусства.

В собрании П. М. Третьякова было два альбома с рисунками В. В. Верещагина. По описи всего собрания, сделанной лично П. М. Третьяковым, с указанием оценок каждой вещи сказано: «Два альбома заметок из разных путешествий — 1200 р.» (ЦГАЛИ, ф. 646, оп. 1, ед. хр. 1, Отдел рукописей ГТГ, № 1/6763, л. 26).

68

[1] Верещагин имеет в виду два этюда: «Всадник в Джейпуре» и «Всадник-воин в Джейпуре».

[2] На выставке в Вене в 1881 году были показаны: 88 картин Верещагина, из них 34 туркестанских из собрания П. М. Третьякова, 33 индийских и 21 болгарская, и около 50 рисунков.

[3] Верещагина Елизавета Кондратьевна — первая жена художника, с которой он разошелся в 1889 году. Путешествовала вместе с Верещагиным по Индии и совместно с ним издала воспоминания — «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных», Спб., 1883.

69

[1] Эскиза «Бурлаков» в собрании П. М. Третьякова не было, а находилось пять этюдов (в настоящее время в ГТГ). В 1866 году Верещагиным была задумана картина «Бурлаки», которую он не осуществил. В письме к Стасову 23 мая 1882 года он сообщал: «Бурлаки, которых я начал писать и оставил лишь по случаю отъезда в Туркестан...» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 2, 1879—1883, М., 1951, стр. 120).

[2] Под новыми картинами Верещагин имеет в виду картины из серии русско-турецкой войны 1877—1878 годов, написанные в 1881 году. Из этой серии в собрании П. М. Третьякова было семь картин: «Побежденные. Панихида», «Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой», «Александр II под Плевной 30 августа 1877 года», «Перед атакой. Под Плевной», «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной», «Последний привал», «Баши-бузук». Две последние работы — дар автора.

[3] Этюд № 83 по каталогу 1880 года — «Гробница святого Шейха — Селим-Шисти в Футепор-Сиккри».

70

[1] Верещагин Александр Васильевич (1850—1909) — младший брат В. В. Верещагина, генерал, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. в качестве ординарца Скобелева. Автор ряда автобиографических и беллетристических произведений: «Дома и на войне» (Спб., 1886), «У болгар и за границей» (Спб., 1886), «По Манжурии» (Спб., 1903) и др.

[2] В. В. Верещагин имеет в виду картину «Всадник в Джейпуре» из серии индийских картин 1874—1876 годов.

73

[1] Верещагин писал Стасову 8/20 июля 1882 года: «... Велели ли Вы снять фотографии для следующей книжки поездки в Индию? Я писал Третьякову...» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», т. 2, 1879—1883, М., 1951, стр. 124). Вторая книжка воспоминаний Верещагина о поездке в Индию была издана в 1884 году под названием «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных. Часть II. Кашмир — Ладак» (Спб., 1884).

71

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — выдающийся русский генерал, участник военных операций русской армии в Средней Азии в 70-х и 80-х годах, одержал ряд побед над турками в войну 1877—1878 годов; был в дружеских отношениях с В. В. Верещагиным.

[2] Александр III (1845—1894).

74

[1] Под «Красными воротами» Верещагин подразумевает этюд — «Ворота Алла-уд-дин (Старый Дели)».

[2] «Белое мраморное окно» для Сергея Михайловича Третьякова, в собрании которого было несколько работ В. В. Верещагина,— см. прим. 4 к письму 45.

[3] «Дворец в Дели» — видимо, «Тронный зал великих моголов Шах Джехана и Арунгзеба, в форте Дели».

[4] В октябре 1882 года Верещагин уехал в Индию, где пробыл до февраля 1883 года.

[5] «Красный домик» — «Домик в гареме дворца Футепор-Сиккри».

75

[1] Верещагин имеет в виду, видимо, «Пони в Ладаке» (ГТГ).

77

[1] «Ахиллесова пята» — уязвимое место на теле мифического древнегреческого героя Ахиллеса, осаждавшего Трою, который получил смертельную рану от руки Аполлона.

78

[1] Дарджилинг — климатическая станция в Гималаях в Индо-Британском президентстве Бенгалия.

[2] Верещагин, видимо, имеет в виду Михаила Федоровича Бартоломэ, который работал сначала в русском посольстве в Англии, а впоследствии в Америке. В архиве Верещагина сохранилось письмо Бартоломэ от 3/15 сентября 1881 года, в котором он писал: «Многоуважаемый Василий Васильевич. Я получил на днях письмо Ваше от 18/30 августа, по предмету намерения Вашего выставить в Соединенных Штатах некоторое собрание Ваших картин и художественных вещей. Я с удовольствием, насколько это будет зависеть от меня, постараюсь облегчить привоз и вывоз Ваших коллекций, в том смысле, как это изложено в письме г. Whitting'a (Витинга), копию с которого Вы мне прислали.

Всего труднее будет сделать все это скоро, так как я пока еще не в Вашингтоне, а на взморье,— в довольно значительном расстоянии от столицы, а потому дело придется вести письменно, что всегда затруднительно. Притом же здесь я знаю гораздо менее влиятельных людей, чем в Лондоне, да и люди здесь гораздо менее обязательны и порядочны. Тем не менее я сегодня же берусь за дело и пишу в Вашингтон. Может быть, недурно было бы, ежели Вы бы справились у Goupil, который имеет своего корреспондента в Нью-Йорке, на Vth Avenue (имя забыл), и от которого Вы могли бы узнать, на какие льготы можно рассчитывать в Америке. Когда получу сведения от надлежащих [людей], я Вам напишу...» (Отдел рукописей ГТГ, № 17/464).

79

[1] В декабре 1882 года в столице Венгрии Будапеште состоялась выставка картин Верещагина, пользовавшаяся там громадным успехом.

[2] Смотри письмо 73. С. М. Третьяков писал П. М. Третьякову 19 октября 1882 года: «...Большие фотографии Скобелева уложены в сундуки, путешествуют с нами, а маленькие я забыл на своем письменном столе. Сделай одолжение, перешли их с кем-нибудь из знакомых или через почту в Париж на имя Овденко, для передачи мне...» В письме 5/17 ноября С. М. Третьяков сообщал брату: «...Верещагина в Париже нет, он уехал будто бы в Индию на четыре месяца, я постараюсь увидеть Лемана и узнать от него об Верещагине подробности; фотографии передам тоже Леману, так как он большой приятель Верещагина» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/3664).

80

[1] Имеется в виду развеска картин Верещагина в трех вновь выстроенных залах нижнего этажа галлереи, развеска эта сохранилась до 1898 года.

[2] Мейссонье Эрнест (1815—1891) — французский художник-жанрист, исторический живописец и баталист, отличавшийся исторической правдивостью своих картин и большой техникой выполнения.

81

[1] В. В. Верещагин имеет в виду Люксембургский дворец в Париже, сооруженный в 1615—1620 годах, где с 1818 года была открыта картинная галлерея современного искусства.

82

[1] Имеются в виду приобретенные П. М. Третьяковым, через петербургского купца Тогнолати три картины Верещагина: «Александр II под Плевной», «Перед атакой» и «Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой», за которые было уплачено П. М. Третьяковым 38 500 рублей. В архиве П. М. Третьякова сохранилась расписка Тогнолати в получении 26 апреля 1883 года «задатку три тысячи пятьсот рублей серебром». В этой же расписке указывается, что он обязуется доставить картины П. М. Третьякову после окончания выставки в Москве.

84

[1] Выставка картин Верещагина в Петербурге открылась 17 ноября 1883 г. в залах Общества поощрения художеств.

86

[1] После полученной телеграммы ссора Верещагина с П. М. Третьяковым продолжалась до 1886 года. В архиве П. М. Третьякова сохранилось письмо Верещагина к В. Н. Третьяковой от 4/16 октября 1886 года, в котором он, сообщая ей об отправке двух приобретенных П. М. Третьяковым этюдов после Бреславской выставки и прося переслать деньги на имя своего брата Николая Васильевича Верещагина, писал: «Прошу Вас, Вера Николаевна, передать Павлу Михайловичу мой поклон и самое искреннее сожаление о происшедшем между нами недоразумении, по моему мнению, он был неправ, а я еще того более». В архиве художника Ильи Семеновича Остроухова (1858—1929) имеется письмо Верещагина к нему от 28 мая 1903 года, в котором он писал: «Посылаю несколько писем

Павла Михайловича и одно Веры Николаевны. Коли найду еще, то пришлю. Перечитывая теперь письма П[авла] М[ихайловича], вижу, что покойный приятель часто раздражался на мои постоянные требования картин для выставок. Когда однажды на его чистый отказ дать некоторые полотна я послал ему телеграмму «Больше с Вами не знаком», он серьезно рассердился и, конечно, поделом; так как глупо было с моей стороны отнестись так грубо к такому чудесному человеку. До сих пор стыжусь и казнюсь» (Отдел рукописей ГТГ, № 10/2183).

87

[1] Один экземпляр такой брошюры (1886) — на немецком языке, с авторским посвящением «Сергею Михайловичу Третьякову от Верещагина» — сохранился в библиотеке Третьяковской галлереи. На русском языке статья В. В. Верещагина «О прогрессе в искусстве» помещена в книге Ф. И. Булгакова «В. В. Верещагин и его произведения» (Спб., 1896, стр. 63—65, и Спб., 1905, стр. 133—136). Эта статья являлась приложением к каталогам выставок Верещагина за границей в 1886—1891 годы.

88

[1] Третьякова Вера Павловна (1866—1940), старшая дочь П. М. Третьякова, была замужем за музыкантом Александром Ильичем Зилоти (1863—1945).

[2] Третьяков Иван Павлович (1878—1886) — младший сын П. М. Третьякова.

89

[1] Верещагин ошибочно называет умершего сына Третьяковых Ваню — Михаилом (1871—1912).

90

[1] Упоминая о «цели» в деле коллекционирования картин, П. М. Третьяков имеет в виду свое решение передать все свое собрание в собственность городу Москве, которое и было им осуществлено в 1892 году.

91

[1] В конце 1880-х годов было приступлено к постройке на Красной площади новых торговых рядов, которая и была осуществлена в начале 1890-х годов по проектам архитекторов Александра Никаноровича Померанцева (1848—1918) и Романа Ивановича Клейна (1858—1930). «Эскиз проекта торговых рядов на Красной площади в Москве» 1887 года, рисунок пером, дар автора, находится в ГТГ.

[2] Городской голова Николай Александрович Алексеев (1852—1893), сменивший в 1881 году С. М. Третьякова, состоявшего в этой должности с 1877 года.

92

[1] Барнум Финеас-Тейлор (р. 1810 г.) — американский антрепренер авантюрного типа. В данном случае Верещагин в шутку называет так

своего брата А. В. Верещагина, сопровождавшего и заведовавшего его выставками за границей.

93

[1] См. прим. 1 к письму 91.

105

[1] Кано Людвиг Людвигович — служащий книжного магазина «Гросман и Кнебель» в Москве, на Петровских линиях, д. 13.

106

[1] Верещагин имеет в виду работу над картиной «Распятие», которая была экспонирована на выставках в Англии и Америке в 1887—1890 годах.

[2] См. прим. 1 к письму 88.

[3] Третьякова Александра Павловна (1867—1959), вторая дочь П. М. Третьякова, автор книги «П. М. Третьяков в жизни и искусстве» (М., 1951), входила в состав Совета Третьяковской галлереи с 1899 до 1912 года, вместе с мужем своим Боткиным Сергеем Сергеевичем (1859—1910) имела первоклассное собрание рисунков русских художников, вошедшее с 1917 года в состав собрания Государственного Русского музея в Ленинграде.

107

[1] В Grosvenor Gallery находилась выставка картин Верещагина, на которой были показаны некоторые картины из русско-турецкой войны, часть индийской коллекции, некоторые картины с видами Москвы, работы Верещагина на евангельские темы, из серии картин, сделанных художником во время поездки в Сирию и Палестину (1884).

109

[1] Третьяковым были приобретены у Верещагина в 1887 году «Перевязочный пункт» и «Побежденные» («Панихида») за 12 500 рублей.

110

[1] В ноябре 1887 года П. М. Третьяков, путешествуя по Испании, был проездом в Лондоне и видел выставку картин Верещагина.

111

[1] Посмертная выставка И. Н. Крамского была открыта в декабре 1887 года в Петербурге, в помещении Академии художеств.

[2] Портрет П. М. Третьякова 1876 года находится в ГТГ

[3] Портрет Софьи Николаевны Крамской (1840—1919), написанный Крамским в 1879 году, поступил в Третьяковскую галлерею в 1937 году.

[4] Портрет В. Н. Третьяковой называется Верещагиным «малым» — 1879 года, в отличие от большого портрета в рост 1876 года (ГТГ).

[5] Неоконченная картина Крамского «Хохот. Радуйся, царю иудейский» (1879—1887) находится в Русском музее в Ленинграде.

[6] Николини — певец, тенор, приезжавший на гастроли в Россию вместе со своей женой Аделиной Патти (1843—1919).

[7] Верещагин имеет в виду свои картины, явившиеся результатом его поездки в 1884 году в Сирию и Палестину.

114

[1] Шляков Иван Александрович — уроженец Ростова, с 1883 года состоял хранителем Ростовского музея церковных древностей, член Московского Археологического общества с 1883 года, принимал деятельное участие, как член археологической комиссии, по восстановлению памятников Ростовского кремля и др. архитектурных памятников Ростовской и Ярославской губерний. Автор статей: «Путевые заметки о памятниках древнерусского церковного зодчества» (1887), «Очерк по восстановлению Ростовского кремля» (1897).

Состоя в дружеских отношениях с Верещагиным, выполнял ряд его поручений, связанных с заказами ростовским резчикам рам и по приобретению образцов прикладного художественного искусства. В фонде В. В. Верещагина сохранились письма к нему И. А. Шлякова за 1890—1891 годы (Отдел рукописей ГТГ, № 17/1178 — 1892).

115

[1] Имеется в виду посмертная выставка И. Н. Крамского, открывшаяся 29 ноября 1887 года и закрывшаяся 10 января 1888 года.

[2] Дети Крамских: Софья Ивановна, в замужестве Юнкер (1867 — ум. в 1930-х гг.), Николай Иванович (1863—1938) и Анатолий Иванович (1865—1941 ?).

[3] В. В. Верещагин работал с 1887 года над серией картин 1812 года.

116

[1] Во второй половине января 1889 года В. В. Верещагин находился в Москве, куда он приехал из Петербурга. В заметке, помещенной в газете «Новости и Биржевая газета» 16 января 1889 года (№ 16), сообщалось: «Наш известный художник В. В. Верещагин на днях возвратился из Америки, где находится выставка его картин. Он прибыл в Петербург на несколько дней и уезжает в Москву, где намерен окончить несколько картин русской природы». Заметка, на которую В. В. Верещагин указывает в своем письме П. М. Третьякову, видимо, из газеты «Новости и Биржевая газета» от 23 ноября 1888 года (№ 324), в которой была помещена большая статья В. Мак-Гахан — «Верещагин в Америке», где говорилось, что выставка Верещагина «является своего рода событием в Нью-Йорке» и что «художники, литераторы и знатоки искусства были поражены многочисленностью картин русского художника» и что «ценители художественных произведений признают талант Верещагина и советуют американским художникам подражать не только лишь превосходной технике, но и его восторженной преданности поэзии и искусству».

118

[1] В дар от В. В. Верещагина в собрание П. М. Третьякова поступили две картины: «Последний привал» и «Башибузук».

120

[1] Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901) — московский коллекционер картин русских художников, передавший их в Румянцевский музей. В 1925 году в большей своей части эта коллекция перешла в собрание Третьяковской галлереи.

126

[1] С 1890 года Верещагин поселился в Москве, построив за Серпуховской заставой (Нижние Котлы) себе дом, который сгорел в 900-х годах

127

[1] Каминский Александр Степанович (1829—1897) — преподаватель архитектуры в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества с 1881 по 1897 год, был женат на сестре П. М. Третьякова — Софье Михайловне Третьяковой (1839—1902).

129

[1] Булгаков Федор Ильич (1852—1908) — писатель-журналист, составитель биографических сборников о художниках, автор книги «Василий Васильевич Верещагин и его произведения» (Спб., 1896).

130

[1] Первый том автобиографических воспоминаний — «Детство и отрочество художника В. В. Верещагина (Деревня. Корпус. Рисовальная школа)» вышел в 1895 году. Последующие тома воспоминаний художнику осуществить не удалось.

131

[1] Упомянутых Верещагиным предметов, принадлежащих Скобелеву, в галлерее Третьякова не было.

[2] В тексте письма Верещагиным сделан набросок.

132

[1] П. М. Третьяков имеет в виду литературные работы Верещагина: «Наполеон I», одно из приложений к книге Верещагина «1812 г. Пожар Москвы. Казаки. Великая армия. Маршалы. Наполеон I» (М., 1895); «На Северной Двине. По деревянным церквам» (М., 1895) и «Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей» (М., 1895), материалами для которой послужили наблюдения художника во время его поездок по России.

[2] Имеется в виду выставка картин на тему войны 1812 года в Москве, в Историческом музее.

[3] Летом 1893 года В. Н. Третьякова перенесла кровоизлияние в мозг. Состояние ее здоровья ухудшалось с каждым годом, а к весне 1898 года закончилось параличом.

134

[1] После закрытия выставки Верещагина 11 февраля в Петербурге она была открыта в марте в Харькове, в здании городского музея.

[2] В Отделе рукописей Третьяковской галлереи сохранился посланный Верещагиным Третьякову «Перечень картин, этюдов, набросков и фотографий», выставленных в Историческом музее в Москве, с указанием цен, проставленных Верещагиным для сведения П. М. Третьякова (Отдел рукописей ГТГ, № 1/4855).

136

[1] Против упомянутых в письме картин рукой П. М. Третьякова карандашом проставлены цены: № 27—1400 р., № 31—300 р., № 32—250 рублей.

[2] По каталогу выставки в Москве значатся: «В Кремле — пожар!» и «Зимний туман над Кремлем».

[3] Вел. кн. Сергей Александрович (1857—1905) — московский генерал-губернатор с 1891 года, почетный член Академии художеств с 1895 года, имел собрание картин русских художников.

[4] Фельтен Ю. М.— владелец магазина художественных принадлежностей в Петербурге. Через его магазин художники продавали и пересылали свои картины.

[5] Картина «Встреча иконы» Савицкого Константина Аполлоновича (1845—1905) была приобретена П. М. Третьяковым в 1878 году. Находится в Третьяковской галлерее.

138

[1] По закрытии 11 февраля выставки в Петербурге картины Верещагина были показаны в Харькове, Киеве, Одессе, Париже, Берлине, Дрездене, Вене, Праге, Будапеште, Лондоне.

[2] К выданной Верещагиным расписке приложен каталог картин, этюдов, набросков и фотографий, выставленных в Историческом музее в Москве, с проставленными самим художником ценами на них. Под № 27 значится «Главный вход в соборную церковь города Сольвычегодска», под № 31 — «Этюд колонны в Пучуге», под № 32 — «Иконостас Белослудской церкви» и под № 61 — «Прославленная икона св. Николая в верховьях реки Пинеги» (Отдел рукописей ГТГ, № 1/4855).

139

[1] Письмо В. В. Верещагина к В. Н. Третьяковой датировано 23 февраля 1896 г. Хранится в Отделе рукописей Третьяковской галлереи (№ 1/5407).

[2] Удрученное состояние П. М. Третьякова в связи с болезнью В. Н. Третьяковой.

142

[1] Ранней весной 1897 года Верещагин жил и работал в Крыму, а в июне находился на Кавказе.

[2] В это время подготавливалась выставка работ Верещагина в Дрездене, открытая в августе 1897 года.

143

[1] Картина Верещагина «В Городне—«Пробиться или отступать?» была на выставке картин Верещагина в Москве в 1895 году и значилась по каталогу выставки под № 4.

144

[1] Выставка работ Верещагина в Вене состоялась осенью 1897 года. О каком именно наброске идет речь, установить не удалось.

146

[1] Шерер и Набгольц — московская фирма, владевшая фототипией.

147

[1] Дальнейшая судьба этой картины не известна.
[2] Речь идет о посылке П. М. Третьякову вышедшей в 1898 году книжки — Верещагин, Листы из записной книжки.

148

В 1896 году Верещагин жил в Ялте, в имении Журавлева Магарач.

149

[1] В это время В. Н. Третьякова была парализована, а сам П. М. Третьяков тяжело болен и 4 декабря скончался.

Сохранилось письмо В. В. Верещагина, посланное им В. Н. Третьяковой после кончины Павла Михайловича, в котором он писал из Лондона 15/27 декабря 1898 года:

«Матушка, Вера Николаевна, милая, хорошая, добрая!
Сказать Вам не смогу, до чего я огорчен смертью Павла Михайловича — кабы не совестно было людей — ревел бы по нем!

Держитесь, поживите еще, не уходите хоть Вы, а то придется и нам укладывать чемоданы.

Ой, горько, горько!

Просто не верится, до чего тяжела утрата такого человека.

Уважающий Вас

В. Верещагин».

(Секция рукописей Гос. Русского музея, фонд Н. Н. Гриценко, № 36, ед. хр. 7).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

1879

1880

1881

1882

ПЕРЕПИСКА
В. В. ВЕРЕЩАГИНА И П. М. ТРЕТЬЯКОВА

М., «Искусство», 1963, 140 стр. 75.С1 В-31

Редактор *Л. М. Тарасов*

Оформление художника *И. С. Клейнарда*

Художественный редактор *Н. И. Калинин*

Технический редактор *Р. П. Бачек*

Корректор *Б. М. Северина*

Подп. в печ. по оригиналу-макету 22/VIII 1963 г.
Форм. бум. 60×90[1]/16. Печ. л. 9,25. А-09802.
Уч.-изд. л. 8,38. Тираж 6000 экз. Изд. № 20160.
Зак. тип. № 809. Цена 65 коп.

«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25

Типография № 4 Ленсовнархоза, Ленинград,
Социалистическая, 14.